



КЕННЕТ ГРЭМ

**ВЕТЕР  
В ИВАХ**



ТЮРЬМА  
БОЗГА  
БЕЛЫЙ СВЕТ

ДЕРЕВНЯ

ДОМ БАРСУКА

ДРЕМУЧИЙ ЛЕС

ПАШНЯ

ТОННЕЛЬ

ШИРОКАЯ ДОРОГА

ДУПЛИСТОЕ ДЕРЕВО

ДОМИК КРОТА

ОСТРОВ

ДОМ ВЛАДУШКИ РЭТ

ТОУН-ХОЛЛ

КАНАЛ

РЕКА

КЕННЕТ ГРЭМ

---

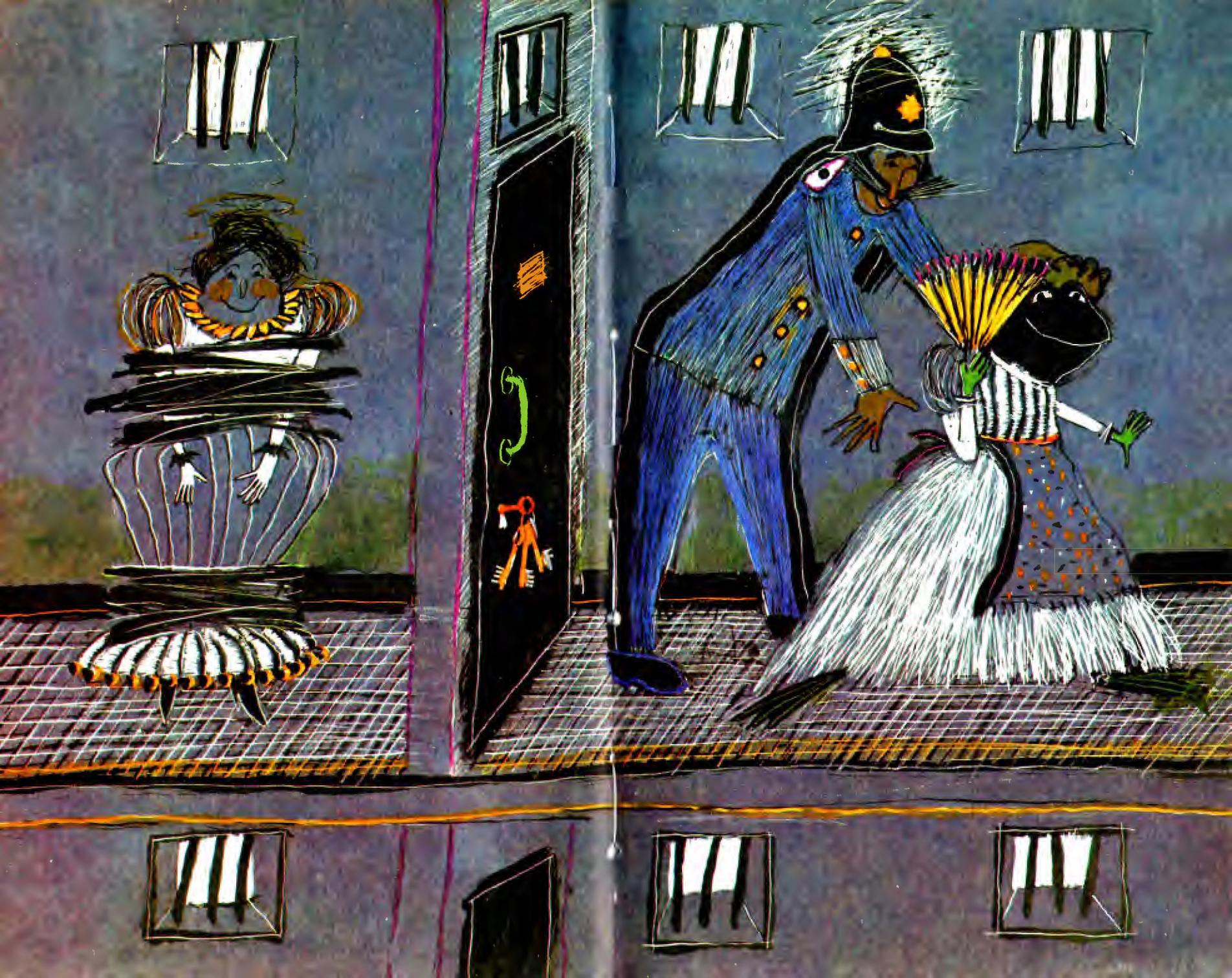
**ВЕТЕР  
В ИВАХ**

















КЕННЕТ ГРЭМ

**ВЕТЕР  
В ИВАХ**

Екатеринбург  
Средне-Уральское  
книжное издательство  
1992

ББК 83.34 Вл.  
Г79

Перевод с английского  
И. ТОКМАКОВОЙ

Художник В. ЗУЕВ

**Грэм К.**  
Г79 Ветер в ивах: Сказка/Пер. с англ. И. Токмаковой.— Екатеринбург: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1992.  
— 288 с.: ил.

ISBN 5—7529—0473—0

С 33. 150 000 экз.

Забавная и поэтичная сказка появилась на свет в Англии в начале нашего века. Ее населяют необычные герои — любопытный Крот, отзывчивый и деликатный дядюшка Рэт — Водяная Крыса, беззаботная и хвастливая Жаба — мистер Тоуд и другие обитатели Полноводной Реки и Таинственного Леса. Удивительный, прекрасный и сложный мир откроется читателям этой книги, любимой многими поколениями детей разных стран.

Для детей младшего школьного возраста.

Г  $\frac{4804010100-033}{М 158(03)-92}$  41-92

ББК 83.34 Вл.

ISBN 5—7529—0473—0

© Токмакова И. П., пер., 1992

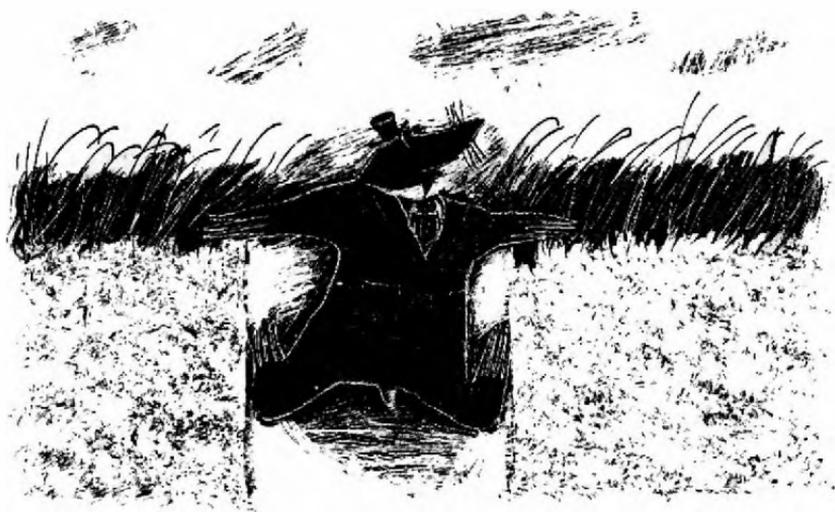
© Зув В. В., ил., 1992





---

## На речном берегу

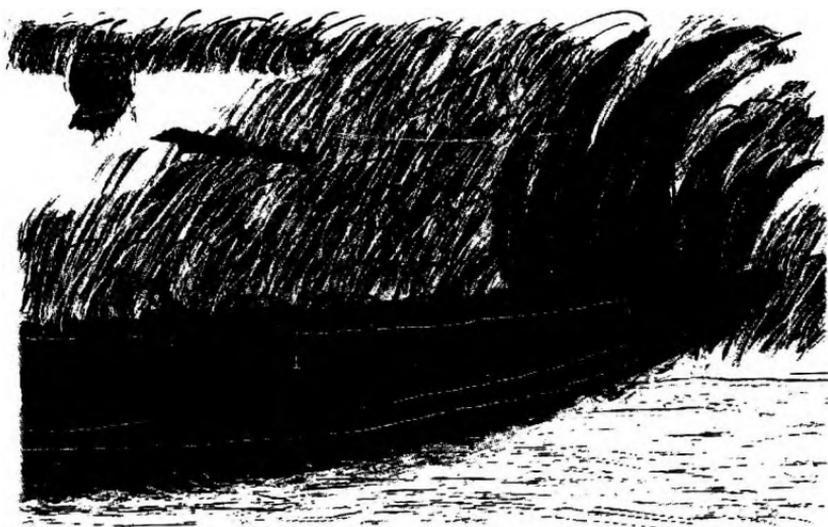




рот ни разу не присел за всё утро, потому что приводил в порядок свой домик после долгой зимы. Сначала он орудовал щётками и пыльными тряпками. Потом занялся побелкой. Он то влезал на приступку, то карабкался по стремянке, то вспрыгивал на стулья, таская в одной лапе ведро с извёсткой, а в другой малярную кисть. Наконец пыль совершенно запылила ему глаза и застряла в горле, белые кляксы покрыли всю его чёрную шерстку, спина отказалась гнуться, а лапы совсем ослабели.

Весна парила в воздухе и бродила по земле, кружила вокруг него, проникая каким-то образом в его запрятанный в глубине земли домик, заражая его неясным стремлением отправиться куда-то, смутным желанием достичь чего-то, неизвестно чего.

Весна парила в воздухе и бродила по земле, кружила вокруг него, проникая каким-то образом в его запрятанный в глубине земли домик, заражая его неясным стремлением отправиться куда-то, смутным желанием достичь чего-то, неизвестно чего.



Не стоит удивляться, что Крот вдруг швырнул кисть на пол и сказал:

— Всё!

И еще:

— Тьфу ты, пропасть!

И потом:

— Провались она совсем, эта уборка!

И кинулся вон из дома, даже не удосужившись надеть пальто. Что-то там, наверху, звало его и требовало к себе. Он рванулся вверх по крутому узкому туннелю. Туннель заменял ему дорожку, посыпанную гравием и ведущую к главным воротам усадьбы, которая есть у зверей, живущих значительно ближе к воздуху и солнышку, чем Крот.

Он спешил, скрёб землю коготками, стремительно карабкался, срывался, снова скрёб и рыл своими маленькими лапками, приговаривая:

— Вверх, вверх, и ещё, и ещё, и ещё!

Пока наконец — хоп! — его мордочка не выглянула на свет, а сам он не заметил, как стал радостно кататься по тёплой траве большого луга.

— Ух, здорово! — восклицал он. — Здорово!



Намного лучше, чем белить потолок и стены!

Солнце охватило жаром его шёрстку, лёгкий ветерок ласково обдул разгорячённый лоб, а после темноты и тишины подземных подвалов, где он провёл так много времени, восторженные птичьи трели просто его оглушили.

Крот подпрыгнул сразу на всех четырёх лапах в восхищении от того, как хороша жизнь и как хороша весна, если, конечно, пренебречь весенней уборкой. Он устремился через луг и бежал до тех пор, пока не достиг кустов живой изгороди на противоположной стороне луга.

— Стоп! — крикнул ему немолодой кролик, появляясь в просвете между кустами. — Гони шесть пенсов за право прохода по чужой дороге!

Но Крот даже взглядом его не удостоил и, презрительно сдвинув с пути, в нетерпении зашагал дальше, мимоходом поддразнивая всяких других кроликов, которые выглядывали из норок, чтобы узнать, что там случилось.

— Луковый соус! Луковый соус! — бросал им Крот, и это звучало довольно глумливо, потому что кому приятно напоминание, что твою



родню подают к столу под луковым соусом!

К тому времени, когда он был уже далеко, кролики придумывали колкость ему в ответ и начинали ворчать и упрекать друг друга:

— Какой же ты глупый, что ты ему не сказал...

— А ты сам-то, сам-то чего ж...

— Но ты же мог ему напомнить...

И так далее в этом же роде. Но было уже, конечно, поздно, как это всегда бывает, когда надо быстро и находчиво оборвать насмешника.

...Нет! На свете было так хорошо, что прямо не верилось! Крот деловито топал вдоль живой изгороди то в одну, то в другую сторону. Пересекая рощицу, он видел, как всюду строили свои дома птицы, цветы набирали бутоны, проклёвывались листики. Всё двигалось, радовалось и занималось делом. И вместо того чтобы услышать голос совести, укоряющий: «А побелка?», он чувствовал один только восторг от того, что был единственным праздным бродягой посреди всех этих погружённых в весенние заботы жителей. В конце концов самое лучшее во всяком отпуске — это не столько отдыхать самому, сколько наблюдать, как другие работают.

Крот подумал, что он полностью счастлив, как вдруг, продолжая бродить без цели, он оказался на самом берегу переполненной внешними водами реки. Он прежде никогда её не видел; такого, как ему представилось, гладкого, лоснящегося, извивающегося, огромного зверя, который куда-то нёсся, за кем-то гнался, наступал, хватал, тут же оставлял, смеялся, моментально находил себе другого приятеля, кидался на него и, пока тот отряхивался от речных объятий, бросался на него снова. Всё вокруг

колебалось и переливалось. Блики, бульканье, лепет, кружение, журчание, блеск.

Крот стоял очарованный, околдованный, заворожённый. Он пошёл вдоль реки. Так идёт маленький рядом со взрослым, рассказывающим волшебную сказку. И, наконец утомившись, присел на берегу. А река всё продолжала рассказывать свои прекрасные переливчатые сказки, которые она несла из глубины земли к морю, самому ненасытному на свете слушателю сказок.

Крот сидел на травке, поглядывал на противоположный берег и вдруг заметил, что прямо под кромкой берега темнелся выход в норку, как раз над поверхностью воды.

— «Ах,— стал мечтательно раздумывать Крот,— каким прелестным жильём могла бы оказаться такая норка для зверя со скромными запросами, любящего малюсенькие прибрежные домики, вдали от пыли и шума...»

И пока он приглядывался, ему показалось, что нечто небольшое и яркое мерцает там, прямо посреди входа, потом оно исчезло, затем снова мигнуло, точно крошечная звёздочка. Но вряд ли звёздочка могла появиться в таком неподходящем месте. Она была слишком маленькой и слишком яркой, чтобы оказаться, например, светлячком.

Крот всё смотрел и смотрел. Он обнаружил, что «звёздочка» подмигивает именно ему. Таким образом выяснилось, что это глаз, который немедленно начал обрастать мордочкой, точно картинка рамой,— коричневой мордочкой с усами. Степенной круглой мордочкой с тем самым мерцанием в глазу, которое и привлекло внимание Крота. Маленькие, аккуратные ушки и густая шелковистая шерсть. Ну конечно, это был дядюшка Рэт — Водяная Крыса.

Оба зверя постояли, поглядели друг на друга с некоторой опаской.

— Привет, Крот,— сказал дядюшка Рэт — Водяная Крыса.

— Здравствуй, Рэт,— сказал Крот.

— Не хочешь ли зайти ко мне? — пригласил дядюшка Рэт.

— Хорошо тебе говорить «зайти»,— сказал Крот, слегка обидевшись.

Дядюшка Рэт на это ничего не ответил, нагнулся, отвязал верёвку, потянул её на себя и легко ступил в маленькую лодочку, которую Крот до сих пор не замечал. Она была выкрашена в голубой цвет снаружи, в белый — внутри, и была она размером как раз на двоих, и Кроту она сразу же пришлась по душе, хотя он пока ещё не совсем понимал, для чего существуют лодки. Дядюшка Рэт аккуратно грёб, направляясь к противоположному берегу, и, причалив, протянул переднюю лапу, чтобы поддержать Крота, боязливо ступившего на дно лодки.

— Опирайся! — сказал он.— Смелее!

И Крот не успел оглянуться, как уже сидел на корме настоящей лодки.

— Вот это денёк! — восклицал он, пока Рэт отгалкивал лодку и вновь усаживался за вёсла.— Можешь себе представить, ведь я ни разу в жизни не катался на лодке. Ни разу!

— Что?

Дядюшка Рэт — Водяная Крыса так и остался с разинутым ртом:

— Никогда не ка... Ты ни разу в жизни не... Я не представляю... Слушай, а зачем ты жил до сих пор на свете?

— Думаешь, без лодки и жить, что ли, нельзя? — неуверенно возразил Крот. Он уже

готов был поверить, что и в самом деле без лодки не проживёшь!

Крот восседал, развалившись на мягкой подушке, и рассматривал вёсла, уключины и вообще все те чудесные вещи, которыми была оборудована лодка, и с приятностью ощущал, как дно под ним слегка покачивается.

— Думаю? Да я просто в этом убеждён! — сказал дядюшка Рэт, наклоняясь вперёд и энергично взмахивая вёслами.— Поверь мне, мой юный друг, что нету дела, которым и вполнину стоило бы заниматься, как попросту — попросту — повозиться с лодкой, ну просто повозиться, ну просто...

— Осторожно, Рэт! — вдруг закричал Крот.

Но было уже поздно. Лодка со всего маху врезалась в берег. Зазевавшийся, размечтавшийся гребец лежал на дне лодки, и пятки его сверкали в воздухе.

— ... повозиться с лодкой,— договорил он, весело смеясь.— С лодкой, в лодке или возле лодки. Это не имеет значения. Ничего не имеет значения. В этом-то вся прелесть. Неважно, поплывёшь ты в лодке или не поплывёшь, доплывёшь, куда плыл, или приплывёшь совсем в другое место, или вовсе никуда не приплывёшь,— важно, что ты всё время занят и при этом ничего такого не делаешь, а если ты всё-таки что-то сделал, то у тебя дел всё равно останется предостаточно и ты можешь их делать, а можешь и не делать — это решительно всё равно. Послушай-ка! Если ты сегодня ничего другого не наметил, давай-ка махнём вниз по реке и хорошо проведём время. А?

Крот пошевелил всеми пальцами на всех четырёх лапах, выражая этим своё полное удовольствие, глубоко, радостно вздохнул и в полном восторге откинулся на подушки.

— О, какой день!.. Какой день!..— прошептал он.— Поплыли! Сейчас же!

— Тогда минуточку посиди спокойно,— сказал дядюшка Рэт.

Он закрепил петлей верёвку на металлическом колечке у причала, взобрался по откосу к своей норе и вскоре появился снова, сгибаясь под тяжестью плетёной корзины, у которой просто распирало бока.

— Засунь её под лавку,— сказал он Кроту, передавая корзину в лодку. После этого он отвязал верёвку и снова взялся за вёсла.

— Что в ней? — спросил Крот, ёрзая от любопытства.

— Жареный цыплёнок,— сказал дядюшка Рэт коротко,— отварной язык-бекон-ростбиф-корнишоны-салат-французские булочки-заливное-содовая...

— Стоп, стоп! — завопил Крот возбуждённо.— Этого слишком много!

— Ты в самом деле так думаешь? — спросил его дядюшка Рэт с серьёзной миной.— Но я всегда всё это беру с собой на непродолжительные прогулки, и мои друзья каждый раз мне говорят, что я скупердяй и делаю слишком ничтожные запасы.

Но Крот уже давно не слушал. Его внимание поглотила та новая жизнь, в которую он вступал. Его опьяняли сверкание и рябь на воде, запахи, звуки, золотой солнечный свет. Он опустил лапу в воду и видел бесконечные сны наяву.

Дядюшка Рэт — Водяная Крыса, добрый и неизменно деликатный, грёб себе и грёб, не мешая Кроту, понимая его состояние.

— Мне нравится, как ты одет, дружище,— заметил он после того, как добрых полчаса прошло в молчании.— Я тоже думаю заказать

себе чёрный бархатный костюм, вот только соберусь с деньгами.

— Что? — спросил Крот, с трудом возвращаясь к действительности.— Прости меня, я, должно быть, кажусь тебе неучтивым, но для меня это всё так ново. Так, значит, это и есть речка?

— Не речка, а река,— поправил его дядюшка Рэт,— а точнее, Река с большой буквы, понимаешь?

— И ты всегда живёшь у реки? Это, должно быть, здорово!

— Возле реки, и в реке, и вместе с рекой, и на реке. Она мне брат, и сестра, и все тётки, вместе взятые, она и приятель, и еда, и питьё, и, конечно, как ты понимаешь, баня и прачечная. Это мой мир, и я ничего другого себе не желаю. Что она не может дать, того и желать нет никакого смысла, чего она не знает, того и знать не следует. Господи! Сколько прекрасных часов мы провели вместе! Хочешь — летом, хочешь — зимой, осенью ли, весной ли, у неё всегда есть в запасе что-нибудь удивительное и интересное. Например, в феврале, когда полые воды высоки, в моих подвалах столько воды, что мне в жизни не выпить! А мутные волны несутся мимо окон моей парадной спальни! А потом, наоборот, вода спадает и показываются островки мягкого ила, которые пахнут, как сливовый пудинг, а тростник и камыши загораживают путь весенним потокам, и тогда я могу ходить почти что по её руслу, не замочив ботинок, находить там вкусную свежую пищу, отыскивать вещи, выброшенные легкомысленными людьми из лодок...

— И тебе никогда не бывает скучно? — отважился перебить его Крот.— Только ты и река, и слова больше не с кем сказать?

— Слова не с кем... Нет, я не должен судить тебя слишком строго,— добродушно заметил дядюшка Рэт.— Ты тут впервые. Откуда же тебе знать! Да ведь берега реки так густо заселены всяким народом, что многие даже переселяются в другие места. О нет, нет! Сейчас совсем не то, что бывало в прежние времена! Выдры, зимородки, разные там другие птицы, шотландские курочки — решительно все вертятся у тебя целый день под ногами и все требуют, чтобы ты для них что-нибудь делал, как будто у тебя нет никаких своих забот!

— А вон там что? — спросил Крот, показывая на густой лес, тёмной рамой обрамлявший прибрежные заливные луга.

— Это? А, это просто Дремучий Лес,— заметил дядюшка Рэт коротко.— Мы, береговые жители, не так уж часто туда заглядываем.

— А разве... а разве там живут не очень хорошие эти... ну...— проговорил Крот, слегка разволновавшись.

— М-да,— ответил дядюшка Рэт.— Ну, как тебе сказать... Белки, они хорошие. И кролики. Но среди кроликов всякие бывают. Ну и, конечно, там живёт Барсук. В самой середине. В самой, можно сказать, сердцевине. Ни за какие деньги он не согласился бы перебраться куда-нибудь в другое место. Милый старый Барсук! А никто его и не уговаривает, никто его и не трогает. Пусть только попробуют! — добавил он многозначительно.

— А зачем его трогать? — спросил Крот.

— Ну там, конечно, есть и другие,— продолжал дядюшка Рэт, несколько колеблясь и, по-видимому, выбирая выражения.— Ласки там, горностаи, лисы ну и прочие. Вообще-то они ничего, я с ними в дружбе. Проводим

время вместе иногда и так далее, но, понимаешь, на них иногда находит, короче говоря, на них нельзя положиться, вот в чём дело.

Кроту было хорошо известно, что у зверей не принято говорить о возможных неприятностях, которые могут случиться в будущем, и поэтому он прекратил расспросы.

— А что за Дремучим Лесом? — решил он спросить спустя долгое время. — Там, где синева, туман и вроде бы дымят городские трубы, а может, и нет, может, это просто проплывают облака?

— За Дремучим Лесом — Белый Свет. А это уже ни тебя, ни меня не касается. Я там никогда не был и никогда не буду, и ты там никогда не будешь, если в тебе есть хоть капелька здравого смысла. И пожалуйста, хватит об этом. Ага! Вот наконец и заводь, где мы с тобой устроим пикник.

Они свернули с основного русла, поплыли, как казалось на первый взгляд, к озерку, но это было на самом деле не озеро, потому что туда вела речная протока. К воде сбегали зелёные лужочки. Тёмные, похожие на змей коряги виднелись со дна сквозь прозрачную, тихую воду. А прямо перед носом лодки, весело куврякаясь и пенясь, вода прыгивала с плотины. Она лилась на беспокойное, разбрасывающее брызги мельничное колесо, а колесо вертело жернова деревянной мельницы. Воздух был наполнен успокаивающим бормотанием, глухим и неясным, из которого время от времени возникали чьи-то чистые, бодрые голоса.

Было так прекрасно, что Крот смог только поднять кверху передние лапки и, затаив дыхание, произнести:

— Ух ты!

Дядюшка Рэт бортом подвёл лодку к берегу,

привязал её, помог выйти ещё не вполне освоившемуся Кроту и вытащил на берег корзину с провизией.

Крот попросил разрешения распаковать корзину, на что дядюшка Рэт охотно согласился. Он с большим удовольствием растянулся на травке, в то время как Крот с воодушевлением выудил из корзины скатерть и расстелил её на траве, потом один за другим стал доставать таинственные свёртки и разворачивать их, каждый раз замирая и восклицая:

— О! О! О!

Когда было всё готово, дядюшка Рэт командовал:

— Ну, старина, набрасывайся!

И Крот тут же с удовольствием подчинился этой команде, потому что он начал уборку, как водится, очень рано, и с тех пор маковой росинки у него во рту не было, а с утра произошло столько всяких событий, что ему казалось, что миновал не один день.

— Что ты там увидел? — спросил вдруг дядюшка Рэт, когда они заморили червячка и Крот смог на минуточку оторвать свой взгляд от скатерти.

— Я смотрю на ровный ряд пузырей, которые движутся по поверхности воды. Мне это кажется странным.

— Пузыри? Ага! — произнёс дядюшка Рэт каким-то щебечущим голосом, точно приглашая кого-то разделить с ними завтрак.

Возле берега из воды показалась широкая гладкая морда, и дядюшка Выдра вылез на сушу, передёргивая шкуркой и отряхивая с себя воду.

— Вот жадюги! — сказал он, направляясь к разложенным на скатерти яствам.— Ты чего ж не пригласил меня, Рэтти?

— Да мы как-то неожиданно собрались,— пояснил дядюшка Рэт.— Кстати, познакомься, мой друг — мистер Крот.

— Очень приятно,— сказал дядюшка Выдра. И они тотчас стали друзьями.

— Какая везде суматоха! — продолжал дядюшка Выдра.— Кажется, весь белый свет сегодня на реке. Я приплыл в эту тихую заводь, чтобы хоть на минутку перевести дух и уединиться, и вот, здравствуйте, наткнулся на вас. Извините, я не совсем то хотел сказать, ну, вы понимаете.

Сзади в кустах, ещё кое-где покрытых сухой прошлогодней листвой, что-то зашуршало, из чащи выглянула втянутая в плечи полосатая голова, уставилась на них.

— Иди сюда, Барсук, старый дружище! — крикнул дядюшка Рэт.

Барсук выдвинулся было на два-три шага, но, пробормотав: «Хм! Компания собралась!», тут же повернулся и скрылся из виду.

— Вот он всегда так,— разочарованно заметил Рэт.— Ну просто не выносит общества. Сегодня мы его, конечно, больше не увидим. Кто тебе нынче встретился на реке? — спросил он дядюшку Выдру.

— Ну, во-первых, конечно, наш достоправный мистер Тоуд — Жаба. В новенькой лодочке, одет весь с иголки, в общем, всё новое и сплошная роскошь.

Дядюшка Рэт и дядюшка Выдра поглядели друг на друга и рассмеялись.

— Когда-то он ходил только под парусом,— сказал дядюшка Рэт.— Потом яхта ему надоела, и загорелось — вынь да положь — плоскодонку с шестом. Больше ничем не желал заниматься, хлебом не кормите, дайте только поплавать на плоскодонке с шестом. Чем кон-

чилось? Ерундой! А в прошлом году ему взбрело в голову, что он просто умрёт без дома-поплавка. Завёл себе барку с домом, и все мы без конца гостили на этой барке, и все мы притворялись, будто это нам страшно нравится. Ему уже виделось, как он весь остаток жизни проведёт в доме на воде, только ведь не успеет мистер Тоуд чем-либо увлечься, как уже остывает и берётся за что-нибудь следующее.

— И при всём том хороший парень,— заметил дядюшка Выдра задумчиво.— Но никакой устойчивости... особенно на воде.

С того местечка за островком, где они расположились, было видно основное русло реки, и как раз в это время в поле зрения внезапно всплыла спортивная двойка. Гребец, невысокий, толстенький, изо всех сил грёб, сильно раскачивая лодку и поднимая тучи брызг, и видно было, что он очень старается. Дядюшка Рэт встал и окликнул его, приглашая присоединиться к обществу, но мистер Тоуд — потому что это был он — помотал головой и с прежним старанием принялся за дело.

— Он опрокинется ровно через минуту,— заметил дядюшка Рэт, снова усаживаясь на место.

— Это уж непременно,— хихикнул дядюшка Выдра.— А я вам никогда не рассказывал интересную историю, которая называется «Мистер Тоуд и сторож при шлюзе»? Вот как это было...

Сбившаяся с пути франтоватая мушка-веснянка крутилась как-то неопределённо, летая над водой то вдоль, то поперёк течения, видно опьянённая весной. И вдруг посреди реки возник водоворот, послышалось — плух! — и мушка исчезла. И дядюшка Выдра, между прочим, тоже. Крот оглянулся. Голос дядюшки ещё звенел у него в ушах, а между тем место на

травке, где он только что сидел развалясь, было решительно никем не занято. И вообще гляди хоть до самого горизонта, ни единой выдры не увидишь.

Но вот на поверхности воды снова возник ряд движущихся пузырьков. Дядюшка Рэт мурлыкал какой-то мотивчик, а Кроту вспомнилось, что по звериному обычаю запрещено обсуждать неожиданное исчезновение товарища, куда бы он ни девался и по какой причине или даже вовсе без всяких причин.

— Ну так,— сказал дядюшка Рэт,— я думаю, нам уже пора собираться. Как вам кажется, кому из нас лучше упаковывать корзинку? — Он говорил так, что было ясно: ему самому с этим возиться неохота.

— Позволь, позволь мне! — выпалил Крот. И дядюшка Рэт, конечно, позволил.

Но укладывать корзинку оказалось вовсе не так приятно, как распаковывать.

Это обычно так и бывает. Но Крот сегодня был расположен всему радоваться. Поэтому он справился с делом без особого раздражения. Хотя когда он уже всё сложил и крепко стянул корзинку ремнями, то увидел тарелку, которая уставилась на него из травы. А потом, когда положение было исправлено, дядюшка Рэт обратил его внимание на вилку, которая, между прочим, лежала на самом виду. Но этим дело не кончилось, потому что обнаружилась ещё и банка с горчицей, на которой Крот сидел, сам того не замечая.

Предвечернее солнце стало понемногу садиться. Дядюшка Рэт не спеша грёб к дому, находясь в мечтательном расположении духа, бормоча себе под нос обрывки стихов и не очень-то обращая внимание на Крота.

А Крот был весь полон едой, удовольствием

и гордостью и чувствовал себя в лодке как дома (так ему, во всяком случае, казалось), а кроме того, на него мало-помалу стало находить какое-то беспокойство, и вдруг он сказал:

— Рэтти, пожалуйста, позволь теперь мне погрести.

Дядюшка Рэт улыбнулся и покачал головой:

— Погоди, ещё не пора. Сначала я должен дать тебе несколько уроков. Это вовсе не так просто, как тебе кажется.

Крот минутку-другую посидел спокойно. Но чем дальше, тем больше он завидовал своему другу, который так ловко, так легко гнал лодку по воде, и гордыня стала ему нащёптывать, что он мог бы и сам грести ни капельки не хуже.

И он вскочил и ухватился за вёсла так неожиданно, что дядюшка Рэт, который глядел куда-то вдаль и продолжал бормотать стихи, от неожиданности полетел со скамьи так, что ноги его оказались в воздухе, а торжествующий Крот водрузился на его место.

— Прекрати, дуралей! — закричал на него дядюшка Рэт со дна лодки. — Ты не умеешь... Ты сейчас перевернёшь лодку!

Крот рывком закинул вёсла назад, приготовился сделать мощный гребок. Но он промахнулся и даже не задел вёслами поверхности воды. Его задние ноги взметнулись выше головы, и сам он очутился на дне лодки поверх распостёртого там хозяина. Страшно испугавшись, он схватился за борт, и в следующий момент — плюх! — лодка перевернулась, Крот очутился в воде и понял, что вот-вот захлебнётся. Ох какая вода оказалась холодная и ох до чего же она была мокрая!

И как звенела она у Крота в ушах, когда

он опускался на дно, на дно, на дно! И каким добрым и родным казалось солнышко, когда он, отфыркиваясь и откашливаясь, выныривал на поверхность. И как черно было его отчаяние, когда он чувствовал, что погружается вновь. Но вот твёрдая лапа схватила его за загривок. Это был Рэт, и он смеялся. Во всяком случае, Крот чувствовал, как смех от сильного плеча дядюшки Рэт спускается по лапе и проникает ему, Кроту, в загривок.

Дядюшка Рэт схватил весло и сунул его Кроту под мышку, потом то же самое он проделал с другой стороны и, пристроившись сзади, отбуксировал несчастного зверя на берег. Он выволок его и усадил на землю. Это был не Крот, а размокший, плачевного вида тюфяк, набитый печалью.

Дядюшка Рэт слегка отжал из него воду и примирительно сказал:

— Ладно уж, глупышка, побегай вдоль берега, пока не пообсохнешь и не согреешься. А я поныряю, поищу корзинку.

Так несчастному Кроту, абсолютно мокрому снаружи и посрамлённому изнутри, пришлось маршировать взад-вперёд, пока он немного не пообсох.

Тем временем дядюшка Рэт опять вошёл в воду, доплыл до опрокинутой лодки, перевернул её, привязал у берега и по частям выловил своё скользкое по волнам имущество. Затем он нырнул на самое дно и, отыскав корзинку, не без труда вытащил её на берег.

Когда всё было снова готово к отплытию, и подавленный, вконец расстроенный Крот вновь занял место на корме, и они тронулись в путь, Крот сказал глухим, дрожащим от волнения голосом:

— Рэтти, мой благородный друг! Я вёл себя

глупо и оказался неблагодарным. У меня просто сердце замирает, как я себе представляю, что из-за меня чуть не пропала эта прекрасная корзина. Я оказался совершеннейшим ослом, я это знаю. Прошу тебя, прости и забудь, пусть всё будет по-прежнему, хорошо?

— Хорошо, хорошо, — бодро отозвался дядюшка Рэт. — Так уж и быть. Мне немного понырять не вредно! Я ведь всё равно в воде с утра до ночи. Так что не расстраивайся, забудь и не думай. А знаешь что? Я считаю, тебе было бы нехудо немного пожить у меня. В моём доме всё просто и без затей, не то что у мистера Тоуд (правда, ты пока что не видел его усадьбы), всё-таки я думаю, что тебе у меня будет неплохо. Я научу тебя грести и плавать, и скоро ты совсем освоишься на реке, не хуже нас, речных жителей.

Крот так был тронут добротой своего друга, что у него перехватило горло и куда-то подевался голос, и ему даже пришлось тыльной стороной лапки смахнуть набежавшие слезинки.



Но дядюшка Рэт деликатно отвернулся, и по-немногу Крот опять пришёл в прекрасное настроение и даже смог дать отпор двум шотландским курочкам, которые судачили по поводу его грязноватого вида.

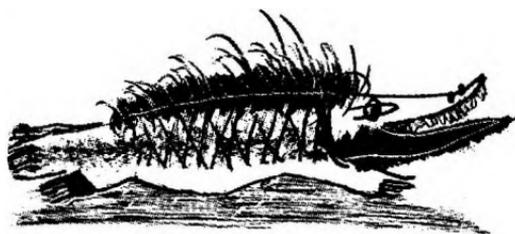
Когда они добрались до дому, дядюшка Рэт растопил камин в гостиной, прочно усадил Крота в кресло возле огня, одолжил ему свой халат и свои шлёпанцы, развлекал его всякими речными историями до самого ужина. Это были захватывающие истории, особенно для такого далёкого от реки зверя, как Крот. Дядюшка Рэт рассказывал о запрудах и неожиданных наводнениях, о страшной, зубастой щуке, о пароходах, которые швыряются опасными твёрдыми бутылками или кто-то швыряет с них, а может, и они сами, кто же их знает, о цаплях и о том, какие они гордячки, не со всяким станут разговаривать, о приключениях у плотины, о ночной рыбалке, в которой обычно принимает участие дядюшка Выдра, и о далёких экскурсиях с Барсуком. Они весело вдвоём поужина-



ли, но вскоре заботливому хозяину пришлось проводить сонного Крота наверх, в лучшую спальню, где тот сразу же положил голову на подушку и спокойно заснул, слыша сквозь сон, как его новообретённый друг Река тихонечко постукивает в окно.

Этот день был только первым в ряду таких же дней, и каждый из них был интереснее предыдущего, а лето тем временем разгоралось, созревало, продвигалось всё вперёд и вперёд.

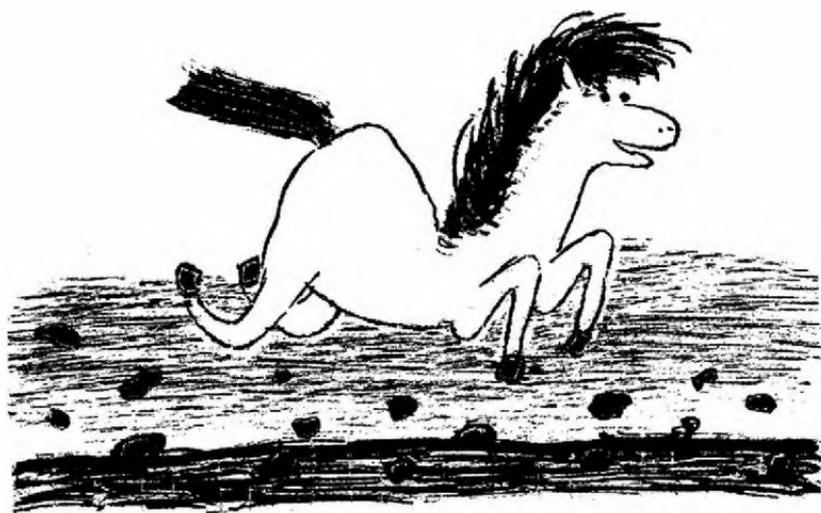
Крот научился плавать и грести, полюбил проточную воду и, приныкая ухом к тростниковым стеблям, умел подслушивать, что им всё время нашептывает и нашептывает ветер.



2

---

## На широкой дороге







этти,— сказал Крот однажды ясным летним утром,— я хочу тебя о чём-то попросить, можно?

Дядюшка Рэт сидел на берегу реки и напевал песенку. Он только что её сам сочинил, и она, надо сказать, очень ему нравилась. Он не обращал внимания ни на Крота, ни на кого бы то ни было вообще. Он с раннего утра досыта наплавался в реке вместе со своими друзьями утками. Когда вдруг утки неожиданно становились в воде вниз головой, как это свойственно уткам, он тут же нырял и щекотал им шейки, как раз в том месте, где мог оказаться подбородок, если бы он у них был, до тех пор щекотал, пока им не приходилось торопливо выныривать на поверхность. Они выныривали, разбрызгивая воду, сердясь и топорща на него свои пёрышки, потому что невозможно сказать в сё, что ты о ком-то думаешь, когда у тебя голова под водой. Под



конец они уж просто взмолились и попросили его заняться своими собственными делами и оставить их в покое. Ну вот, дядюшка Рэт и отстал от них, и уселся на бережке на солнышке, и сочинил про них песенку, которую он назвал

### *УТИНЫЕ ПРИПЕВКИ*

В тихой, сонной заводи —  
Гляньте, просто смех! —  
Наши утки плавают  
Хвостиками вверх.

Белых хвостиков — не счесть,  
Жёлтых лапок — вдвое.  
Где же клювы? Тоже есть,  
Но только под водою!

— Там, где заросли густы,  
Где шустрят плотвички,  
Мы всегда запас еды  
Держим по привычке.

То, что любишь, делай ты,  
Мы же, в свой черёд,



Любим вверх держать хвосты,  
А клюв — наоборот.

С криком кружатся стрижи  
В небе без помех,  
Мы ныряем от души  
Хвостиками вверх!

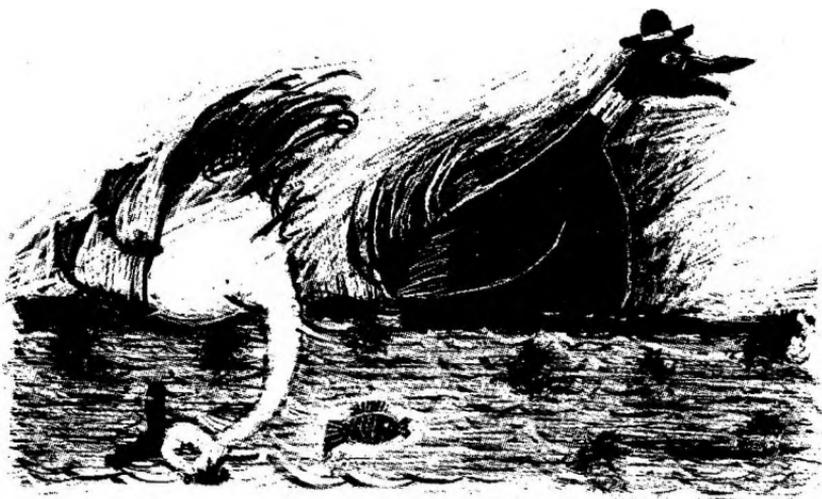
— Мне что-то не очень, Рэтти,— заметил Крот осторожно. Сам он не был поэтом, стихи ему были как-то безразличны, он этого и не скрывал и говорил всегда искренне.

— И уткам тоже не очень,— бодро заметил дядюшка Рэт.— Они говорят: «И почему это нельзя оставить других в покое, чтобы они делали как хотят, что хотят и когда хотят, а надо вместо того рассиживать на берегах, и отпускать всякие там замечания, и сочинять про них разные стишки и всё такое прочее. Это довольно-таки глупо». Вот что говорят утки.

— Так оно и есть, так оно и есть! — горячо поддержал уток Крот.

— Вот как раз и нет! — возмутился дядюшка Рэт.

— Ну, нет так нет,— примирительно ото-



звался Крот.— Я вот о чём хотел тебя попросить, не ходим ли мы с тобою в Тоуд-Холл? Я столько слышал: «Жаба — мистер Тоуд — то, да мистер Тоуд — сё», а до сих пор с ним не познакомился.

— Ну, разумеется,— тут же согласился добрый дядюшка Рэт и выкинул на сегодня поэзию из головы.— Выводи лодку, и мы туда быстренько доплюхаем. К нему когда ни появишься, всё будет вовремя. Утром ли, вечером ли, он всегда одинаковый. Всегда в хорошем настроении, всегда рад тебя видеть, и каждый раз ему жаль тебя отпускать.

— Мистер Тоуд, наверно, очень хороший зверь,— заметил Крот, садясь в лодку и берясь за вёсла в то время, как дядюшка Рэт устраивался поудобнее на корме.

— Он действительно просто замечательный зверь,— ответил дядюшка Рэт.— Такой простой, и привязчивый, и с хорошим характером. Ну может, он не так уж умён, но все же не могут быть гениями, и, правда, он немножечко хвастун и зазнайка. Но всё равно у него много превосходных качеств, у нашего мистера Тоуд, в самом деле много превосходных качеств.

Миновав излучину, они увидели красивый и внушительный, построенный из ярко-красного кирпича старинный дом, окружённый хорошо ухоженными лужайками, спускающимися к самой реке.

— Вот и Тоуд-Холл,— сказал дядюшка Рэт.— Видишь слева бухточку, где на столбике объявление: «Частная собственность. Не чалиться», там как раз его лодочный сарай, там мы и оставим свою лодку. Справа — конюшни. А это, куда ты смотришь, банкетный зал. Самое старое строение из всех. Мистер Тоуд довольно богат, и у него, пожалуй, самый хороший дом

в наших краях. Только мы при нём это особенно не подчёркиваем.

Легко скользя, лодка пересекла бухту, и в следующий момент Крот стал сушить вёсла, потому что они уже въезжали в тень большого лодочного сарая. В сарае было много хороших лодочек, подвешенных к поперечным балкам при помощи канатов или поднятых на сталея.

Ни одной лодки не было спущено на воду, и вообще здесь всё выглядело как-то заброшенно и неуютно, и казалось, что сюда уже давно никто не заглядывал.

Дядюшка Рэт поглядел вокруг.

— Понимаю,— сказал он.— С лодочным спортом покончено. Ему надоело, он наигрался. Интересно, какая новая причуда теперь им овладела? Пошли поищем, где он. Очень скоро мы сами всё это услышим, не беспокойся.

Они сошли на берег и двинулись наискосок через весёлые, цветущие лужайки на поиски хозяина, на которого вскорости и наткнулись, найдя его сидящим в плетёном кресле с очень сосредоточенным выражением лица. Огромная карта была расстелена у него на коленях.

— Ура! — закричал он, вскакивая, лишь только завидел их.— Это замечательно!

Он горячо пожал лапы обоим, не дожидаясь, пока ему представят Крота.

— Как это мило с вашей стороны! — выплясывал он возле гостей.— Я только что собирался послать кого-нибудь в лодке за тобой, Рэтти, и дать строгий наказ немедленно тебя привезти, как бы ты там ни был занят. Вы мне очень нужны оба. Ну, чем вас угостить? Войдите в дом, перекусите немножечко. Вы даже не представляете себе, как здорово, что вы появились именно сейчас!

— Давай-ка посидим тихонько хоть минутку, Тоуд,— сказал дядюшка Рэт, усаживаясь в кресло, в то время как Крот занял другое, бормоча учтивые слова насчёт «прекрасной резиденции».

— Самый прекрасный дом на всей реке! — воскликнул мистер Тоуд хвастливо.— На всей реке и вообще где бы то ни было, если хотите,— добавил он.

Дядюшка Рэт легонько толкнул Крота. К сожалению, мистер Тоуд заметил это и страшно покраснел. Наступило неловкое молчание. Потом мистер Тоуд расхохотался.

— Да ладно, Рэтти. Ну, у меня такой характер, ты же знаешь. И на самом-то деле это ведь не такой уж плохой дом, правда? Признайся, что тебе он тоже нравится. А теперь послушай. Будем благоразумны. Вы как раз те, кто мне нужен. Вы должны мне помочь. Это чрезвычайно важно.

— Полагаю, это связано с греблей,— заметил дядюшка Рэт с невинным видом.— Ты делаешь большие успехи, хоть и поднимаешь брызги чуть-чуть больше, чем надо. Но если ты проявишь терпение и поупражняешься как следует, то ты...

— Вот ещё, лодки! — перебил его мистер Тоуд с отвращением в голосе.— Глупые мальчишеские забавы! Я уже давным-давно это оставил. Пустая трата времени, вот что я вам скажу. Мне просто до слёз вас жалко, когда я вижу, как вы тратите столько драгоценной энергии на это бессмысленное занятие. Нет, я наконец-то нашёл стóящее дело, истинное занятие на всю жизнь. Я хочу посвятить этому остаток своей жизни и могу только скорбеть о зря потраченных годах, выброшенных на пустяки. Пойдёмте со мной, Рэтти, ты и твой добро-

желательный друг, если он будет так любезен, здесь недалеко идти, всего лишь до конюшни. Там вы кое-что увидите.

Он пошёл вперед, указывая им путь в сторону конюшенного двора, а следом за ним двинулся дядюшка Рэт с выражением крайнего сомнения на лице. И что же они увидели? Во дворе стояла выкаченная из каретного сарая новёхонькая цыганская повозка канареечно-жёлтого цвета, окаймлённая зелёным, и с красными колёсами!

— Ну! — воскликнул мистер Тоуд, покачиваясь на широко расставленных лапах и раздуваясь от важности. — Вот вам истинная жизнь, воплощённая в этой небольшой повозочке. Широкие просёлки, пыльные большаки, вересковые пустоши, равнины, аллеи между живыми изгородями, спуски, подъёмы! Ночёвки на воздухе, деревеньки, сёла, города! Сегодня здесь, а завтра — подхватились — и уж совсем в другом месте! Путешествия, перемены, новые впечатления — восторг! — Весь мир — перед вами, и горизонт, который всякий раз иной! И заметьте, это самый прекрасный экипаж в таком роде, свет не видал более прекрасного экипажа. Войдите внутрь и посмотрите, как всё оборудовано. Всё в соответствии с моим собственным проектом!

Кроту было необыкновенно любопытно поглядеть, и он торопливо поднялся на подножку и полез внутрь повозки. Дядюшка Рэт только фыркнул и остался стоять, где стоял.

Всё было сделано действительно очень разумно и удобно. Маленькие коечки, столик, который складывался и приставлялся к стене, печечка, рундучки, книжные полочки, клетка с птичкой и ещё — чайники, кастрюльки, кувшинчики, сковородки всяких видов и размеров.

— Полный набор всего, чего хочешь! — победоносно заявил мистер Тоуд, откидывая крышку одного из рундучков. — Видишь, печенье, консервированные раки, сардины — словом, всё, чего ты только можешь пожелать. Здесь — содовая, там — табачок, почтовая бумага и конверты, бекон, варенье, карты, домино, вот ты увидишь, — говорил он, пока они спускались на землю, — ты увидишь, что ничего, решительно ничего не забыто, ты это оценишь, когда мы сегодня после обеда тронемся в путь.

— Я прошу прощения, — сказал дядюшка Рэт с расстановкой, жуя сухую соломинку, — мне показалось или я в самом деле услышал что-то такое насчёт «мы», и «тронемся в путь», и «после обеда»?

— Ну милый, ну хороший, ну старый друг Рэтти, ну не начинай разговаривать в такой холодной и фыркучей манере, ну ты же знаешь, ты просто должен со мной поехать! Я просто никак не могу без тебя обойтись, ты уж, пожалуйста, считай, что мы уговорились. И не спорь со мной — это единственное, чего я совершенно не выношу. Не собираешься же ты всю жизнь сидеть в своей старой, скучной, тухлой речке, жить в прибрежной норе и только и знать, что плавать на лодке? Я хочу показать тебе мир! Я хочу сделать из тебя зверя, как говорится, с большой буквы, дружок ты мой!

— Мне наплевать! — сказал дядюшка Рэт упрямо. — Я никуда не еду, и это совершенно твёрдо. Я именно собираюсь провести всю жизнь на реке в прибрежной норе и плавать на лодке, как плавал. Мало того, Крот тоже останется со мной и будет делать всё то, что делаю я, правда, Крот?

— Да, конечно, — отозвался верный Крот, —

я всегда буду с тобой, и как ты скажешь, так всё и будет. И всё-таки, знаешь, было бы вроде весело... — добавил он задумчиво.

Бедный Крот! Жизнь Приключений! Для него всё было так ново, так интересно. Его манили новые впечатления. К тому же он просто влюбился с первого взгляда в канареечный экипажик и его замечательное оборудование.

Дядюшка Рэт понял, что творится в его голове. Он заколебался. Он не любил никого огорчать, а к тому же любил Крота и готов был почти на всё, чтобы порадовать его. Мистер Тоуд пристально глядел на обоих.

— Пошли в дом, перекусим чего-нибудь, — сказал он дипломатично. — Мы всё это обсудим. Ничего не надо решать сразу. Мне в общем-то всё равно. Я хотел доставить вам удовольствие, ребята. «Жить для других» — таков мой девиз.

Во время ленча — а он был отличным, как всё вообще в Тоуд-Холле, — мистер Тоуд всё-таки не удержался. Не обращая никакого внимания на дядюшку Рэт, он играл на неопытной душе Крота, как на арфе. По природе разговорчивый, с богатым воображением, тут уж он просто не закрывал рта. Он рисовал перспективу путешествия, вольной жизни, всяких дорожных удовольствий такими яркими красками, что Кроту с трудом удавалось усидеть на стуле. Постепенно как-то само собой получилось, что путешествие оказалось делом решённым, и дядюшка Рэт, внутренне не очень-то со всем согласный, позволил своей доброй натуре взять верх над его личным нежеланием. Ему было трудно разочаровывать друзей, которые успели глубоко погрузиться в планы и предчувствия, намечая для каждого дня в отдель-

ности занятия и развлечения, планируя их на много недель вперёд.

Когда все окончательно созрели для поездки, мистер Тоуд вывел своих компаньонов на луг за конюшней и велел поймать старую серую лошадь, которой предстояло во время путешествия выполнять самую тяжёлую и пыльную работу, хотя, к её неудовольствию, с ней никто предварительно не посоветовался. Она открыто предпочитала луг, и поэтому некоторое время пришлось потратить, чтобы её изловить. Тем временем мистер Тоуд набил рундучки ещё плотнее всякими необходимыми вещами, а лошадиные торбы с овсом, мешочки с луком, охапки сена и всякие мелкие корзинки прикрепил снизу ко дну повозки.

Наконец лошадь изловили и запрягли, и путешественники тронулись в путь, все что-то говоря разом, кто сидя на козлах, кто шагая рядышком с повозкой,— кому как заблагорассудилось.

Было золотое предвечерье. Запах пыли, которую они поднимали по дороге, был густой и успокаивающий. Из цветущих садов по обеим сторонам дороги их весело окликали птицы. Добродушные путники, которые попадались навстречу, останавливались и здоровались с ними, говорили несколько слов в похвалу красивой повозки, а кролики, сидя на крылечках своих домов, спрятанных в живой изгороди, поднимали передние лапки и восклицали: «Ах! Ах! Ах!»

Поздним вечером, усталые и счастливые, находясь уже очень далеко от своего дома, они свернули на пустырь, распрягли лошадь, чтобы она попаслась. Они уселись поужинать на травке возле повозки. Мистер Тоуд хвастался тем, что он предпримет в ближайшие дни; а звёзды

вокруг них всё разгорались и разгорались, и жёлтая луна, которая молча появилась неизвестно откуда, придвинулась, чтобы побыть с ними и послушать, о чём они говорят. Наконец они улеглись на свои коврики, и мистер Тоуд, блаженно вытягивая ноги под одеялом, сказал сонным голосом:

— Спокойной ночи, ребята! Вот это настоящая жизнь для джентльмена! И не говорите мне больше ни слова о реке.

— Я не говорю о реке, Тоуд, ты же видишь, я ничего не говорю. Но я думаю о ней,— вздохнул Рэт печально.— Я думаю о ней всё время!

Крот высунул лапу из-под одеяла, нащупал в темноте лапу друга и пожал её.

— Я сделаю, как ты захочешь, Рэтти,— прошептал он.— Хочешь, мы завтра рано утром убежим? Очень-очень рано? И вернёмся в нашу милую норку на реке?

— Нет, погоди, уж доведём дело до конца,— ответил дядюшка Рэт тоже шёпотом.— Спасибо тебе. Но я предпочёл бы находиться с мистером Тоуд, пока это путешествие не завершится. Небезопасно оставлять его одного. За ним надо приглядеть. Впрочем, всё скоро кончится. Его причуды недолговечны. Спокойной ночи!

Конец был даже ближе, чем Рэт мог предположить. Надышавшись свежим воздухом и получив массу новых впечатлений, мистер Тоуд спал так крепко, что, сколько его ни трясли утром, вытрясти его из постели не удалось. Так что дядюшка Рэт и Крот спокойно и мужественно принялись за дела, и, пока дядюшка Рэт обихаживал лошадь, разжигал костёр, мыл оставшуюся от ужина посуду и готовил завтрак. Крот отправился в ближайшую деревню, которая была вовсе не близко, чтобы купить молока и яиц и ещё кое-что необходимое,

что мистер Тоуд, конечно, позабыл взять с собой. Когда вся трудоёмкая работа была сделана и оба зверя, уставшие донельзя, присели отдохнуть, на сцене появился мистер Тоуд, свеженький и весёлый, и тут же принялся расписывать, какую приятную и лёгкую жизнь они теперь ведут по сравнению с заботами и хлопотами домашнего хозяйства.

Они прелестно провели этот день, ездили туда-сюда по заросшим травкой холмам, вдоль узеньких переулочков и остановились на ночлег, опять подыскав подходящий пустырь. Но только уж теперь гости следили, чтобы хозяин по-честному делал свою долю работы. А кончилось дело тем, что, когда на следующее утро пришло время трогаться в путь, мистер Тоуд не был в таком уж восторге от простоты кочевой жизни и даже сделал попытку снова улечься на койку, откуда был извлечён силой.

Путешественники двигались по узким деревенским улочкам и только к обеду выехали на большак. Тут катастрофа, стремительная и непредвиденная, буквально обрушилась на них. Катастрофа, которая оказалась решающей в их путешествии и совершенно перевернула дальнейшую жизнь их друга, «достославного мистера Тоуд».

Они тихонечко двигались по дороге, Крот шагал впереди повозки, возле лошадиной морды, и беседовал с лошадью, потому что лошадь жаловалась, что на неё никто не обращает внимания, а мистер Тоуд и дядюшка Рэт шли позади повозки, разговаривая друг с другом, во всяком случае, Тоуд говорил, а дядюшка Рэт время от времени вставлял: «Да, именно так» или: «А ты что ему ответил?», сам же в это время думал о чём-то совершенно постороннем, когда далеко позади себя они услышали какое-

то предупреждающее бормотание, напоминающее отдалённое жужжание пчелы. Оглянувшись, они увидели небольшое облачко пыли, в центре которого находилось что-то очень энергичное, что приближалось к ним с невероятной скоростью, время от времени из-под пыли вырывалось какое-то «би-би», словно невидимый зверь жалобно выл от боли. Почти не обратив на это внимания, друзья вернулись было к прерванной беседе, как вдруг в один миг мирная картина совершенно изменилась. Порывом ветра и вихрем звуков их отбросило в ближайшую канаву, а ЭТО, казалось, неслось прямо на них!

«Би-би» нахально ворвалось им прямо в уши, и на мгновение они успели увидеть сверкающее стекло и богатый сафьян, и великолепный автомобиль, огромный, такой, что перехватило дыхание, с шофёром, напряжённо вцепившимся в руль, на какую-то долю секунды завладел всей землёй и воздухом, швырнул в них окутавшее и ослепившее их облако пыли, уменьшился до размеров пятнышка вдали и снова превратился в пчелу, жужжащую в отдалении.

Старая серая лошадь, которая ступала по дороге, мечтая о своём лужке возле конюшни, совершенно растерялась в этих суровых обстоятельствах и потеряла над собой контроль. Она стала пятиться, пятиться, не останавливаясь, несмотря на все усилия Крота, не обращая внимания на его призывы к её разуму, она толкала повозку назад и назад к глубокой канаве, что шла вдоль дороги. Повозка на секунду повисла над бездной, покачнулась, послышался душераздирающий «крак!» — и канареечно-жёлтая повозка, их радость и гордость, лежала на боку в канаве, разбитая вдребезги.

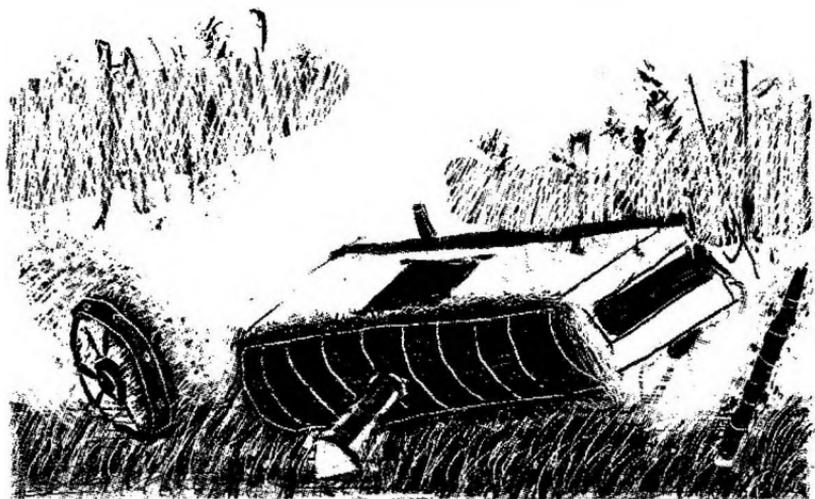
Дядюшка Рэт носился взад и вперёд по дороге не помня себя от злости.

— Эй вы, негодяи! — кричал он, потрясая обоими кулаками в воздухе. — Вы — мерзавцы! Разбойники с большой дороги! Вы — дорожные... свиньи! Я подам на вас в суд! Я вас по судам затаскаю!

Его тоска по дому мгновенно улетучилась, и он ощущал себя шкипером канареечно-жёлтого судна, посаженного на мель из-за удали моряков судна-соперника, и он пытался припомнить все те прекрасные и ядовитые слова, которыми он пиявил владельцев паровых катеров, когда они подплывали слишком близко к берегу и поднятая ими волна подмывала коврик в его гостиной.

Мистер Тоуд уселся в пыль посреди дороги, вытянул задние лапы прямо перед собой и не отрываясь глядел туда, где исчез автомобиль. Дышал он прерывисто, на лице откуда-то появилось безмятежное и счастливое выражение, и время от времени он мечтательно бормотал: «Би-би!»

Крот попытался успокоить лошадь, в чём



через некоторое время и преуспел. Потом он поглядел на повозку, которая валялась на боку в канаве. Это было действительно печальное зрелище. Все стёкла и панели разбиты вдребезги, оси разбросаны по всему белу свету, птица в клетке плачет и просится, чтобы её выпустили.

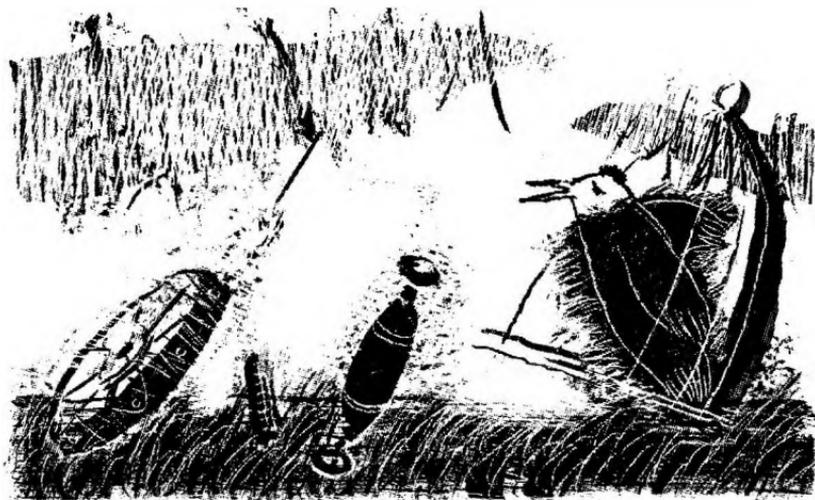
Дядюшка Рэт подошёл к Кроту, но даже их общих усилий не хватило, чтобы выровнять разбитую повозку.

— Эй, Тоуд,— закричали они в один голос,— что ты сидишь, иди помоги нам!

Мистер Тоуд не ответил ни словечка, он даже не шелохнулся, и они забеспокоились, что же такое с ним случилось. Он был как зачарованный. Счастливая улыбка играла на губах. Взгляд был устремлён вслед их погубителю. Время от времени он бормотал: «Би-би!» Дядюшка Рэт потряс его за плечо.

— Ты идёшь или нет помогать нам? — спросил он довольно жёстко.

— Великолепное, потрясающее видение...— пробормотал мистер Тоуд, не трогаясь с места.— Поэзия движения. Истинный способ путешествовать. Единственный способ передвигаться!



Сегодня — здесь, а завтра уже там, где ты смог бы в другом случае оказаться только через неделю! Прыжок — и ты уже перепрыгнул деревню, скачок — и ты уже перескочил через город! Всегда ты — это чей-то горизонт! О радость! О би-би! О боже мой, боже мой!

— Перестань валять дурака, Тоуд! — прикрикнул Крот.

— Подумать только, что я этого не знал, — продолжал мистер Тоуд всё на той же мечтательной ноте. — О бессмысленно потраченные мною годы! Ведь я даже и не знал, мне даже и не снилось! Но теперь, когда я знаю, теперь, когда я полностью отдаю себе отчёт! О какая дорога, усеянная цветами, простирается теперь передо мной! О какие облака пыли будут расстилаться вслед за мной, когда я буду проноситься мимо с таким беззаботным видом! Какие кареты я буду опрокидывать в канавы, шикарно проносясь мимо них и даже не оглядываясь! Глупые, жалкие повозки, ничтожные повозки, канареечно-жёлтые повозки!

— Что с ним делать? — спросил Крот у своего друга.

— Да ничего, — ответил дядюшка Рэт твёрдо. — Потому что мы ничего и не сможем сделать. Видишь ли, я-то его давно знаю. Теперь на него наехал. У него снова бзик. Это сразу не пройдёт. Будет бредить, как лунатик, погруженный в прекрасный сон, и толку от него никакого не будет. Не обращай на него внимания. Пойдем поглядим, что можно сделать с повозкой.

Тщательное исследование показало, что если бы им даже, паче чаяния, и удалось поднять повозку, к дальнейшему использованию она всё равно уже непригодна. Оси совершенно поломались, а откатившееся колесо просто разлетелось в щепки.

Дядюшка Рэт связал вожжи узлом и закинул их на спину лошади, взял её под уздцы, а в свободную лапу — клетку с её истеричной обитательницей.

— Пошли, — сказал он Кроту с мрачным видом. — До ближайшего городка не то пять, не то шесть миль, и нам предстоит пройти их пешком. Чем скорей мы пойдём, тем лучше.

— А что же будет с мистером Тоуд? — обеспокоенно спросил Крот, когда они тронулись в путь. — Как же мы оставим его посреди дороги, ведь он явно не в себе? Это даже опасно. Представь себе, что ещё одно ЭТО помчится по дороге?

— Наплевать на него! Я с ним больше дела иметь не желаю!

Но не успели путники пройти и десяти шагов, как за спиной у них послышалось шлёпанье ног и мистер Тоуд присоединился к ним, взял их обоих под ручку и, всё ещё задыхаясь, снова вперил свой взор в пустоту.

— Послушай-ка, Тоуд, — резко обратился к нему дядюшка Рэт, — как только мы доберёмся до города, ты должен сразу же отправиться в полицейский участок, узнать, что им известно про этот автомобиль и кто его хозяин, и подать на него жалобу. А потом тебе надо найти кузнеца или колёсника и позаботиться, чтобы повозку доставили в город и привели в порядок. Это, конечно, займёт время, но она не совсем безнадежно поломана. Мы с Кротом пока сходим в гостиницу и снимем удобные номера, где мы могли бы пожить, пока повозку чинят. За то время ты немножко отойдёшь от пережитого потрясения.

— Участок? Жалоба? — бормотал мистер Тоуд, будто во сне. — Мне? Мне жаловаться на это прекрасное, небесное видение, которого я был

удостоен? Чинить повозку? Я навсегда покончил с повозками! Я больше никогда и не взгляну на повозку, я даже и слышать о ней ничего не желаю. О, Рэтти! Ты даже и не знаешь, как я вам благодарен, что вы согласились на это путешествие. Я бы один без вас не поехал, и тогда... тогда бы мне никогда бы не явился этот лебедь, этот луч солнца, этот громовой удар! Этот обворожительный звук никогда не коснулся бы моего уха, а этот колдовской запах — моего обоняния. Я всем обязан вам, мои самые лучшие друзья!

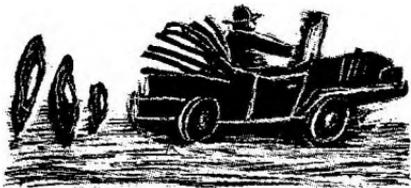
Дядюшка Рэт отвернулся от него в полном отчаянии.

— Теперь ты видишь,— обратился он к Кроту поверх головы обезумевшего приятеля.— Он безнадежен. Я сдаюсь. Как только мы дойдём до города, отправимся тут же на вокзал, и, если нам повезёт, мы ещё сегодня к вечеру доберёмся домой, на Берег Реки. И если только ты когда-нибудь обнаружишь, что я снова отправился на увеселительную прогулку с этим противным типом...— Он фыркнул и все свои дальнейшие слова на протяжении их утомительного пути адресовал исключительно Кроту.

Прибыв в город, они тут же отправились на вокзал и поместили своего незадачливого приятеля в зал ожидания второго класса, дав носильщику два пенса и строго наказав не спускать с него глаз. Потом они пристроили лошадь в гостиничной конюшне и отдали кое-какие распоряжения относительно повозки и её содержимого. И вот наконец почтовый поезд высадил их на станции недалеко от Тоуд-Холла, и они проводили зачарованного, грезящего наяву хозяина до самой двери, ввели внутрь, велели экономке, чтобы она его покормила, разделала и уложила в постель. После этого они вы-

вели свою лодку из лодочного сарая и поплыли вниз по реке, к себе домой. Уже совсем поздним вечером они сели поужинать в своей уютной гостиной в речном домике, к величайшей радости и удовлетворению дядюшки Рэт. Весь следующий день дядюшка Рэт провёл, нанося визиты друзьям и болтая с ними о том о сём, а к вечеру отыскал Крота, который к тому времени хорошо выспался и в прекрасном настроении сидел с удочкой на берегу.

— Слыхал новости? — сказал Рэт. — По всему берегу только об этом и говорят. Тоуд отправился в город первым поездом. Там он купил себе самый большой и самый дорогой автомобиль.

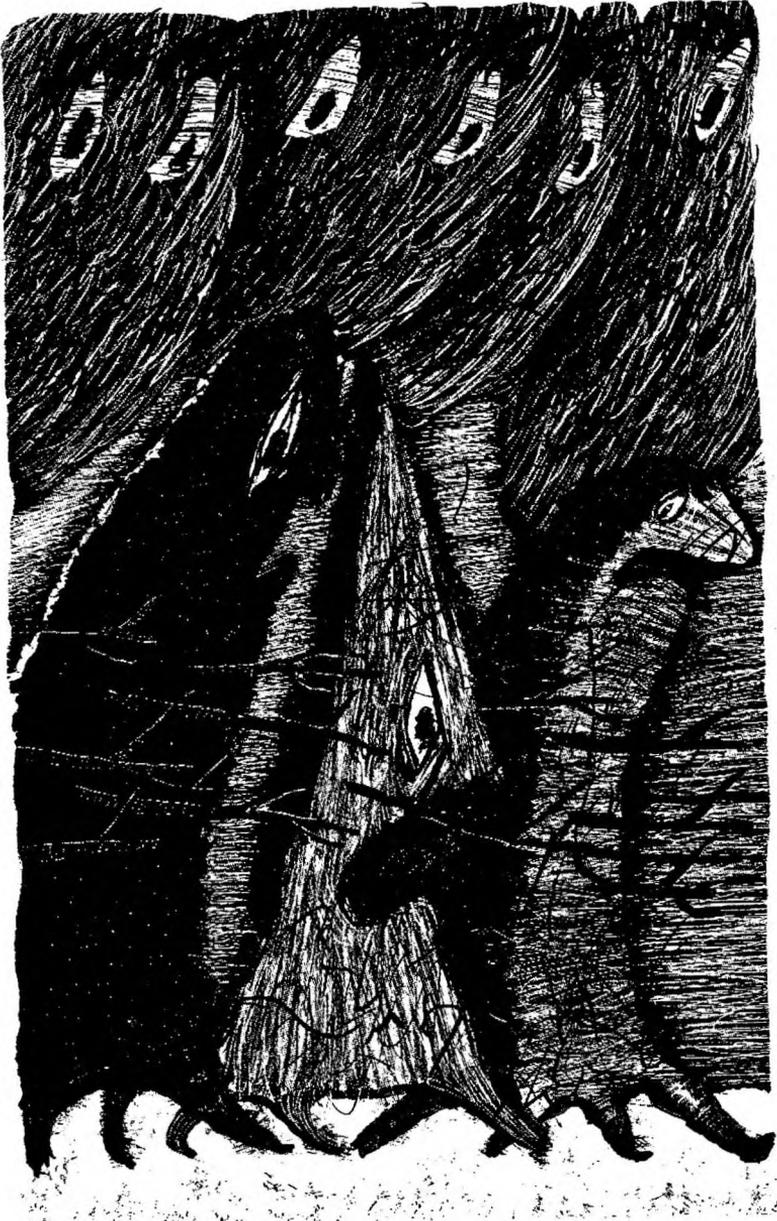


3

---

Дремучий лес







роту уже давно хотелось познакомиться с Барсуком. По тому, как о нём говорили, Крот заключил, что Барсук — очень важная фигура и, хотя он редко появлялся, его влияние на всех отчётливо ощущалось. Но когда бы Крот ни обратился с просьбой к дядюшке Рэт, тот каждый раз отвечал очень неопределённо.

— Хорошо, хорошо, — говорил дядюшка Рэт. — Он сам как-нибудь появится, тогда я тебя с ним познакомлю. Отличный парень! Но ты должен принимать его не только таким, какой он есть, но и когда он есть.

— А ты не мог бы пригласить его сюда, устроить, например, званый обед или что-нибудь такое? — спросил Крот.

— Да он не придёт, — просто ответил дядюшка Рэт. — Барсук ненавидит общество, и приглашения, и обеды, и всё такое в этом духе.



— Ну, а предположим, мы с тобой сами сходим к нему?

— Я убеждён, что ему это решительно не понравится,— сказал дядюшка Рэт с тревогой.— Он такой застенчивый, да нет, он бы просто на нас обиделся! Я ещё ни разу не решился явиться к нему в дом, хотя мы с ним очень давно знакомы. Кроме того, нам просто нельзя. Он живёт в самой середине Дремучего Леса.

— Ну и что? — заметил Крот.— Помнишь, ты же говорил, что там нет ничего особенного.

— Ну говорил,— ответил дядюшка Рэт уклончиво.— Но мы пока что туда не пойдём. Не сейчас, понимаешь. Это очень далеко, и в это время года он, во всяком случае, не бывает дома, и вообще он сам придёт, ты подожди.

Кроту пришлось удовлетвориться этим объяснением. Но Барсук всё не появлялся, а каждый день приносил свои развлечения, и так продолжалось до того времени, пока лето окончательно не ушло и холод, дождь и раскисшие дороги не заставили сидеть дома, а набухшая река неслась мимо окон с такой скоростью, что ни о какой гребле даже и подумать было невозможно. В это время Крот снова поймал себя на том, что мысли его неотступно вертятся вокруг Барсука, который живёт своей непонятной жизнью совершенно один в своей норе в самой глуши Дремучего Леса.

Зимой дядюшка Рэт много спал: рано ложился, а по утрам вставал очень поздно. В течение короткого дня он сочинял стихи или занимался какими-нибудь другими домашними делами, и, конечно, кто-нибудь из зверей постоянно заглядывал с ним поболтать. Само собой, было много рассказов, полных интересных наблюдений и всяких удачных сравнений, все пускались в воспоминания о лете и о том, каким оно выдалось.

О, лето было роскошной главой в великой книге Природы, если внимательно в неё вчитаться. С бесчисленными иллюстрациями, нарисованными самыми яркими красками! Они изображали весь нескончаемый пёстрый карнавал, который разворачивался на берегу реки прекрасными живыми картинами. Первым появился алый вербейник, потряхивая спутанными локонами, заглядывая с берега в зеркало реки и улыбаясь собственному отражению. А потом не задержался и кипрей, нежный и задумчивый, как облако на закате. Окопник белый, взявшись за руки с алым, приполз следом. Наконец однажды утром застенчивый и робкий шиповник тихо ступил на сцену, и каждому становилось так очевидно, как будто об этом возвестили аккорды струнного оркестра, переходящие в гавот, что июнь окончательно наступил. На сцене ожидался ещё один персонаж — пастушок, который будет резвиться с нимфами, рыцарь, которого дамы ждут у окошек, принц, который поцелует пробудит к жизни спящую принцессу — лето. И когда таволга, весёлая и добродушная, одетая в благоухающий кремовый камзолчик, заняла своё место, то всё было готово на сцене, чтобы летний спектакль начался.

Ах, какой это был спектакль! Сонные звери, укрывшись от дождя и ветра, стучавших в двери, в своих уютных норках, вспоминали ясные рассветы за час до восхода солнца, когда туман, еще не успевший рассеяться, тесно прилегал к поверхности воды. Нырнёшь в холодную воду и бежишь по берегу, чтобы согреться. А вслед за этим появлялось солнце, и преображались земля, вода и воздух. Серое становилось золотым, и рождался цвет от того, что солнце снова с ними. Они вспоминали послеобеденную лень жаркого летнего полудня, когда можно было

зарыться в густой травяной подлесок и чувствовать, как солнышко проникает туда маленькими золотыми пятнышками. А потом купание и катание по реке, прогулки вдоль пыльных улочек и по тропинкам среди спелой пшеницы. А после этого, наконец, — длинные вечера, когда завязывались ниточки добрых отношений, возникали дружеские связи, составлялись планы на завтрашний день. Было о чём поговорить в короткие зимние дни, когда звери собирались возле камина. Но у Крота всё-таки оставалась ещё горсточка свободного времени, и вот однажды, когда дядюшка Рэт, сидя в кресле возле огня, то задрёмывал, то пытался срифмовать слова, которые никак не рифмовались, он принял решение пойти самому, и изучить Дремучий Лес, и, может, завязать знакомство с Барсуком.

Стоял тихий холодный день, небо над головой было стального цвета, когда он шмыгнул наружу из тёплой гостиной. Земля вокруг была гола и безлистна, и он подумал, что никогда еще не заглядывал так глубоко в суть вещей, как в этот зимний день, когда природа была погружена в свой ежегодный сон и точно сбросила с себя все одежды. Холмы и лощины, карьеры и все скрытые листьями местечки, которые летом казались таинственными копиями, интересными для исследования, теперь были печально доступны со всеми их секретами и, казалось, просили пока не замечать их неприкрытой бедности, доколе они снова не наденут свои богатые маскарадные костюмы и не очаруют опять своими прежними обманами. С одной стороны, всё это выглядело жалко, а с другой — вселяло надежду и даже подбадривало. Его радовало то, что он по-прежнему любит землю, неприкрашенную, застывшую, лишённую наряда. Он разглядел её, что называется, до костей,

и кости эти оказались красивы, крепки и естественны. Он сейчас вовсе и не мечтал о тёплых зарослях клевера или о шелесте заколосившихся трав. Ветки живой изгороди без листьев, голые сучья бука и вяза казались красивыми, и в бодром настроении он шёл, не останавливаясь, в сторону Дремучего Леса, который чернел внизу, точно грозный риф в каком-нибудь тихом южном море.

Поначалу, когда он только вошёл в лес, его ничто не встревожило. Сухие сучки потрескивали под ногами, поваленные деревья перегородивали путь, грибы на стволах напоминали карикатуры, пугая его в первый момент своей похожестью на что-то знакомое, но далёкое. Всё это казалось ему поначалу забавным и весёлым. Но лесная глубь понемногу заманивала, и он уже проникал туда, где было таинственно и сумеречно, где деревья начинали подкрадываться к нему всё ближе, а дупла стали кривить рты.

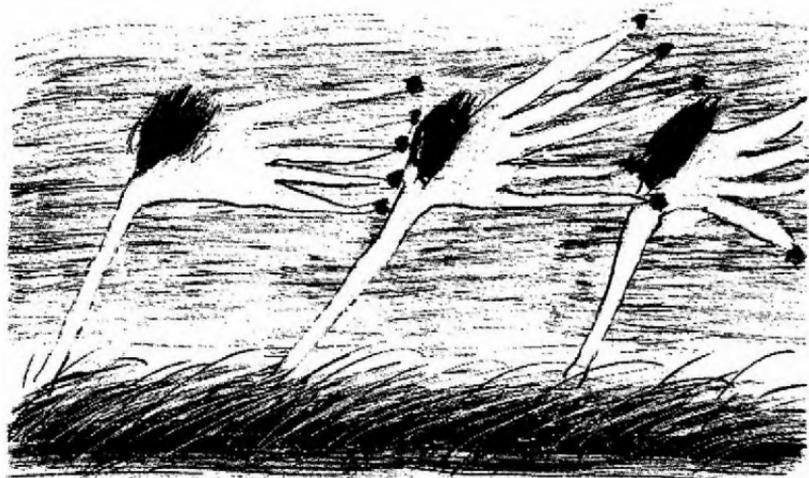
Здесь было очень тихо, темнота надвигалась неуклонно, быстро, сгущаясь и спереди и позади него, а свет как бы впитывался в землю, как вода в половодье. И вдруг стали появляться гримасничающие рожицы. Сначала ему показалось, что он неясно увидел где-то там, из-за плеча, чьё-то лицо: маленькую злую клинообразную рожицу, которая глядела на него из дупла. Когда он повернулся и поглядел на неё в упор, она исчезла.

Он ускорил шаги, бодро убеждая самого себя не позволять себе воображать всякое, а то этому просто конца не будет. Он миновал ещё одно дупло, и ещё одно, и ещё, а тогда — ну да! да нет! ну да, конечно! — маленькое узкое личико с остренькими глазками, оно мелькнуло на мгновение и скрылось в дупле. Он за-

колебался, потом подбодрил сам себя и, сделав усилие, пошёл дальше. И потом вдруг — точно они были там всё время — у каждого дупла, а их были сотни, вблизи и в отдалении, оказалась своя рожица, которая появлялась и тут же исчезала, и каждая делала гримасу или вперяла в него злобный, ненавидящий взгляд.

Если бы, думалось ему, он мог оторвать свой взгляд от этих углублений в стволах, похожих на отверстия органных труб, эти мерзкие видения немедленно прекратились бы. Он покинул тропу и устремился в нехоженный лес.

Тогда вдруг послышался свист. Когда Крот впервые его услышал где-то далеко за спиной, свист был пронзительный, но негромкий. Но он всё же заставил Крота поспешить. Такой же пронзительный, но негромкий свист, зазвучавший далеко впереди, привёл его в замешательство, внушив желание вернуться. Когда он в нерешительности остановился, свист вдруг возник сразу справа и слева, казалось, что кто-то этот свист ловит и передаёт дальше через весь лес, до самого отдалённого уголочка. Эти, которые передавали свист, были бодры и энергичны и ко



всему готовы. А Крот... Крот был один и невооружен, и на помощь звать ему было решительного некого, а ночь уже наступала.

И тогда вдруг послышался топот. Он подумал, что это падают сухие листья, такой лёгкий и нежный был этот звук сначала. Потом, постепенно нарастая, звук приобрёл свой ритм, и его ни за что другое и принять было нельзя, как за топ-топ-топ маленьких ножек, топающих пока что очень далеко. Спереди или сзади он доносился? Сначала казалось, что спереди, потом — сзади, потом — и оттуда и оттуда сразу. Топот рос и умножался, пока он не стал слышен отовсюду, и, казалось, надвигался и окружал его. Когда он встал неподвижно и прислушался, он увидел несущегося прямо через чащу кролика. Он ожидал, что кролик приостановится или, наоборот, кинется от него в сторону. Вместо этого зверёк мазнул по нему боком, проскакивая мимо, мордочка искажена, глаза огромные.

— Спасайся, дурак, спасайся! — услышал Крот его бормотанье, когда кролик, завернув за ствол дерева, скрылся в норке каких-то своих знакомых.



Топот усилился, зазвучал как внезапный град, ударивший по ковру из сухих листьев. Теперь казалось, будто весь лес куда-то мчался, бежал, догонял, устремляясь к чему-то или к кому-то. Крот тоже в панике побежал, без цели, не зная, куда и зачем. Он на что-то натыкался, во что-то проваливался, под чем-то проскакивал, от чего-то увёртывался. Наконец он укрылся в глубокой тёмной расщелине старого вяза, которая казалась уютной, надёжной, может, даже и безопасной, хотя кто мог знать наверное? Так или иначе, он слишком устал, чтобы бежать дальше, у него хватило сил, чтобы свернуться калачиком на сухих, занесённых в расщелину ветром листьях, в надежде, что здесь он в безопасности хоть на время. И пока он так лежал, дрожа, будучи не в состоянии успокоить дыхание, прислушиваясь к топоту и свисту в лесу, он наконец-то понял, понял до самого донышка то, что называется страхом и с чем сталкиваются жители полей, лесов и разных зарослей, то, что испытывают они в самые тёмные минуты своей жизни, от чего дядюшка Рэт тщетно пытался его оградить,— Ужас Дремучего Леса!

Тем временем дядюшка Рэт в тепле и уюте дремал возле своего камина. Листочек с неоконченным стихотворением соскользнул с колен, голова откинулась, рот приоткрылся, а сам он уже бродил по зелёным берегам текущих во сне речек. Затем уголёк в камине осыпался, дрова затрещали, пыхнули язычком пламени, и он, вздрогнув, проснулся. Вспомнив, чем он занимался перед тем как задремать, он нагнулся и поднял с пола стихи, попытался вникнуть в них, потом оглянулся, ища глазами Крота, чтобы спросить, не придёт ли ему в голову подходящая рифма.

Но Крота не было.

Он прислушался. В доме было очень тихо.

Тогда он позвал:

— Кро-от! Дружочек! — несколько раз и, не получив ответа, вышел в прихожую.

Шапки Крота на вешалке не было. Его галоши, которые обычно стояли возле подставки для зонтов, тоже отсутствовали.

Дядюшка Рэт вышел из дома и тщательно обследовал размокшую поверхность земли, надеясь найти его следы. Следы, конечно, отыскились. Галоши были новые, остренькие пупырышки на подошвах ещё не стёрлись. Он видел их отпечатки в грязи, прямо ведущие в сторону Дремучего Леса. Минуту-другую дядюшка Рэт постоял в задумчивости. Вид у него был очень мрачный. Потом он вернулся в дом, обвязался ремнём, сунул за него пару пистолетов, взял в руки дубинку, которая стояла в прихожей в углу, и быстрыми шагами двинулся по Кротовым следам.

Уже наступили сумерки, когда он добрался до опушки и без колебаний погрузился в лес, с тревогой глядя по сторонам, высматривая хоть какой-нибудь признак присутствия своего друга. То тут, то там злые рожицы выглядывали из дупел, но тут же исчезали при виде доблестного зверя, его пистолетов, его здоровенной серой дубинки, зажатой в лапах; и свист, и топот, которые он отчётливо слышал, как только вошёл в лес, постепенно смолкая, совсем замерли, стало очень тихо. Он мужественно шёл через весь лес в самый дальний его конец. Потом он плюнул на тропинки и стал ходить поперёк леса, всё время громко окликаая:

— Кротик! Кротик! Кротик! Где ты? Это я, твой друг Рэт!

Он терпеливо обыскивал лес уже в течение

часа, а может, и больше, когда наконец, к своей радости, услышал тихий отклик. Идя на голос, он пробирался сквозь сгущающуюся темноту к комлю старого вяза с расщелиной, откуда и доносился слабенький голосок:

— Рэтти! Неужели это в самом деле ты?

Дядюшка Рэт заполз в расщелину и там обнаружил Крота, совершенно измученного и всё ещё дрожащего.

— О, Рэт! — закричал он. — Как я перепугался, ты не можешь себе представить!

— Вполне, вполне понимаю, — сказал дядюшка Рэт успокаивающим тоном. — Тебе не стоило ходить, Крот. Я изо всех сил старался тебя удержать. Мы, те, кто живёт у реки, редко ходим сюда поодиночке. Если уж очень понадобится, отправляемся хотя бы вдвоём, так оно бывает лучше. Кроме того, есть тысяча вещей, которые надо знать, мы в них разбираемся, а ты пока что — нет. Я имею в виду всякие там пароли, и знаки, и заговоры, и травы, которые при этом должны быть у тебя в кармане, и присловья, которые ты при этом произносишь, и всякие уловки и хитрости, которые совсем просты, когда ты их знаешь, но их обязательно надо знать, если ты небольшой и не сильный или если ты попал в затруднительное положение. Конечно, когда ты Барсук или Выдра, тогда совсем другое дело.

— Уж, наверное, доблестный мистер Тоуд не побоялся бы прийти сюда один, правда? — спросил Крот.

— Старина Тоуд? — переспросил дядюшка Рэт, смеясь от души. — Да он сам носа сюда не покажет, насыпь ты ему полную шапку золотых монет. Кто угодно, только не он!

Крота очень ободрил беззаботный смех друга, так же, как и вид его дубинки и двух

сверкающих пистолетов, и он перестал дрожать, и почувствовал себя смелее, и понемногу стал приходить в нормальное расположение духа.

— Ну вот,— сказал дядюшка Рэт,— теперь нам надо с тобой взять себя в руки и отправиться домой, пока осталась ещё хоть капелька света. Не годится тут ночевать, ты сам понимаешь. Слишком холодно, и вообще...

— Милый Рэтти,— сказал несчастный Крот.— Мне очень жаль, но я просто не в силах двинуться от усталости, и с этим ничего не поделаешь. Ты должен дать мне отдохнуть ещё чуточку, чтобы ко мне вернулись силы, если они вообще хоть когда-нибудь вернуться.

— Хорошо, хорошо,— сказал добросердечный Рэт.— Валяй отдыхай. Всё равно уже ни зги не видно, а попозже, может, покажется молодой месяц.

Таким образом, Крот хорошенечко зарылся в сухие листья, вытянулся и вскоре заснул. Правда, сон его был беспокойным и прерывистым. А дядюшка Рэт тоже, кое-как накрывшись листьями, чтоб было потеплее, прилёг и стал терпеливо ждать, держа на всякий случай пистолет наготове.

Когда Крот наконец, отдохнувший и бодрый, проснулся, дядюшка Рэт сказал:

— Ну, я сейчас погляжу, всё ли снаружи спокойно, и нам уже в самом деле пора.

Он подошёл ко входу в их убежище и высунул голову наружу. Затем Крот услышал, как он спокойно сказал самому себе:

— Ого! Ого! Вот это да!

— Что происходит, Рэтти? — спросил Крот.

— Снег происходит. А вернее, просто идёт. Снегопад, вот что.

Крот, присев на корточки рядом с дядюшкой Рэт, выглянул из укрытия и увидел, что

лес совершенно изменился. Ещё совсем недавно он казался ему таким страшным! Ямы, дупла, лощины, лужи, рытвины и другие чёрные угрозы путешествующему быстро исчезали, сияющий волшебный ковёр возникал повсюду и казался слишком нежным для грубых шагов. Тонкая белая пыльца наполняла воздух, ласково касаясь щеки крошечными иголочками, а чёрные стволы деревьев выступали как бы подсвеченные необычным, идущим от земли светом.

— Так, так, ну, ничего не поделаешь, — сказал дядюшка Рэт, немного поразмыслив. — Мне кажется, Крот, нам надо двигаться и не терять присутствия духа. Хуже всего то, что я не знаю точно, где мы находимся. И к тому же этот снег всё изменил, и всё выглядит совершенно иначе!

Действительно, всё кругом изменилось до неузнаваемости. Крот ни за что бы не догадался, что это тот же самый лес. Но делать было нечего, и они отважно двинулись в путь, выбрав направление, которое казалось наиболее обещающим. Они шли, держась за лапы и подбадривая себя тем, что оба притворялись, будто



узнают старого друга в каждом следующем дереве, мрачно и молча их приветствовавшем. Или находили полянки, прогалины и тропинки с якобы знакомым изгибом, который перебивал монотонную одинаковость белизны и древесных стволов, упрямо отказывавшихся отличаться друг от друга.

Час или два спустя они совсем утратили ощущение времени. Они остановились, уставшие, потерявшие всякую надежду, решительно не зная, что дальше делать, и сели на поваленный ствол перевести дух и хоть прикинуть, как же им быть. У них всё ныло и болело от усталости и ушибов. Они несколько раз проваливались в ямы и вымокли насквозь. Снегу напало столько, что они едва брели через сугробы, с трудом переставляя свои маленькие лапки, а деревья росли всё чаще и чаще и были уж совсем неотличимы одно от другого. Казалось, этому лесу нет конца, и начала у него тоже нет, нет и никакой разницы в любом его месте, и что самое худшее — выхода из него тоже никакого нет.

— Мы не можем тут долго рассиживаться,—



сказал дядюшка Рэт.— Надо нам ещё раз попытаться выбраться или вообще что-нибудь предпринять. С таким холодом не шутят, а снег скоро делается глубокий-глубокий, настолько, что нам через него вброд не перейти.

Он огляделся вокруг и сказал:

— Послушай, вот что приходит мне в голову. Видишь, вон там, чуть пониже, лощина, там земля какая-то маленько горбатая, кочковатая какая-то, вроде изрытая. Давай спустимся туда, попробуем поискать какое-нибудь убежище, какую-нибудь пещерку или норку с сухим полом, где можно укрыться от этого пронзительного ветра и снежной завирухи. Там мы хорошенечко отдохнём, а потом снова попробуем выбраться, а то мы с тобой оба до смерти устали. Кроме того, снег может перестать или ещё вдруг найдётся какой-нибудь выход.

Они снова поднялись и, с трудом пробираясь, пошли в сторону лощины в поисках пещерки или хоть подветренного уголка, который укрыл бы их от ветра и метели. Они как раз осматривали тот кочковатый участок, о котором говорил дядюшка Рэт, когда вдруг Крот споткнулся и, взвизгнув, полетел на землю ничком.

— Ой, лапа! Ой, моя бедная лапа!

И он уселся прямо на снег, обхватив заднюю лапу передними.

— Бедняжка! — посочувствовал дядюшка Рэт.— Ну скажи, как тебе сегодня не везёт, а! Ну-ка, покажи лапу. Конечно,— продолжал он, опускаясь на колени, чтобы получше рассмотреть,— лапа порезана, никаких сомнений. Погоди, сейчас я достану платок и перевяжу.

— Я, должно быть, споткнулся о сучок или пень,— сказал Крот печально.— Ой, как болит!

— Уж очень ровный порез,— заметил Рэт, внимательно рассматривая лапу.— Нет, никакой

это не сучок и не пень. Это порезано острым краем чего-то металлического. Странно! — Он на минуту задумался и стал исследовать близлежащие рытвины и кочки.

— Какая тебе разница, об чего я порезался? — сказал Крот, от боли забывая, как надо говорить правильно. — Всё равно больно, обо что бы я ни порезался.

Но дядюшка Рэт, после того как крепко стянул ранку платком, не обращая внимания на Крота, стал изо всех сил раскапывать снег. Он разгребал его, копал, расшвыривал всеми четырьмя лапами, а Крот взирал на него нетерпеливо, время от времени вставляя:

— Ну, Рэт, ну пошли же!

И вдруг дядюшка Рэт закричал:

— Ура!

И потом:

— Уррра! Урра-ра-ра!

И начал из последних сил отплясывать джигу прямо на снегу.

— Что ты нашёл, Рэtti? — спросил Крот, всё ещё держа заднюю лапу обеими передними.

— Иди и посмотри! — сказал дядюшка Рэт в восторге, продолжая плясать.

Крот дохромал до того места и внимательно посмотрел.

— Ну и что, — сказал он с расстановкой, — я вижу достаточно хорошо. Я видел такую штуку тысячу раз и раньше. Знакомый предмет, я бы сказал. Скоба для того, чтобы счищать грязь с обуви. Что из этого? Чего выплясывать вокруг железной скобы?

— Но неужели ты не понимаешь, что это значит для нас? — воскликнул дядюшка Рэт нетерпеливо.

— Я понимаю, что это значит, — ответил

Крот.— Это обозначает, что какой-то беззаботный и рассеянный тип швырнул этот предмет посреди Дремучего Леса, где об него обязательно споткнётся любой прохожий. Довольно бездумный поступок, я бы сказал. Когда мы доберёмся до дому, я непременно пожалуюсь... кому-нибудь, вот увидишь.

— О господи! О господи! — воскликнул дядюшка Рэт в отчаянии от такой тупости.— Сейчас же перестань разглагольствовать, иди и разгребай снег!

И он сам тут же принялся за работу, и снег летел во все стороны.

Его дальнейшие старания опять увенчались успехом, и на свет появился довольно потёртый дверной коврик.

— Видал, что я тебе говорил! — воскликнул он с торжеством.

— Ничего ты мне не говорил,— заметил Крот, что было истинной правдой.— Ну, нашёл ещё один предмет, ну, домашний предмет, изношенный и выброшенный за ненадобностью, чему, как я вижу, ты безумно радуешься. Лучше давай быстренько спляши джигу вокруг него, если тебе так уж хочется, и, может, мы пойдём дальше и не будем больше тратить время на помойки. Его что, по-твоему, едят, этот коврик? Или, может быть, спят под ним? Или можно на нём по снегу поехать домой, как на санях-самоходах, а? Ты, несносный грызун!

— Ты... хочешь... сказать,— закричал дядюшка Рэт, волнуясь,— что этот коврик тебе ничего не говорит?!

— На самом-то деле, Рэт,— отозвался Крот с раздражением,— хватит уж этих глупостей! Ну скажи, кто и когда слышал, чтобы дверные коврики умели говорить? Они не разговаривают. Они совсем не такие. Они знают своё место.

— Да послушай ты, ты — толстолобый зверь! — ответил дядюшка Рэт, уже по-настоящему сердясь. — Кончай болтать. Молчи и копай. Копай, рой, скреби и ищи. Особенно там, где пригорочки, если ты хочешь спать эту ночь на сухом и в тепле, потому что это наша самая последняя возможность!

И дядюшка Рэт с жаром набросился на соседний сугроб, ощупывая всё вокруг своей дубинкой и яростно раскапывая снег.

Крот тоже озабоченно копал, больше для того, чтобы не огорчать друга, чем с какой-либо другой целью, потому что, как он считал, его друг просто понемножечку сходил с ума.

Минут десять усердной работы, и дубинка наткнулась на что-то, что отозвалось пустотой. Рэт копал до тех пор, пока не сумел просунуть лапу и пощупать, потом попросил Крота, чтобы он подошёл помочь ему. Оба зверя стали изо всех сил копать и копали до тех пор, пока даже Кроту не стало ясно, зачем они это делали. В том, что казалось на первый взгляд сугробом, обнаружилась крепкого вида дверь, выкрашенная в тёмно-зелёный цвет. Сбоку висела железная петля звонка, а чуть ниже была укреплена небольшая медная табличка, на которой были красивыми, аккуратными буквами выгравирована надпись, которую они прочли при свете луны:

### *МИСТЕР БАРСУК*

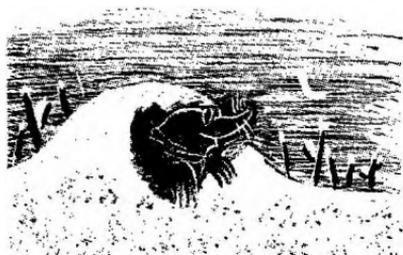
Крот повалился в снег от удивления и восторга.

— Рэтти! — закричал он в раскаянии. — Ты чудо! Настоящее чудо, вот кто ты! Теперь я всё понял! Ты всё это вычислил шаг за шагом в твоей мудрой голове с того самого момента,

как я упал и порезал лапу! Ты увидел порез, и тут же твой пронизательный ум сказал тебе: «Не иначе как железная скоба!» Тогда ты взялся копать и отыскал эту самую скобу. Но остановился ли ты на этом? Нет! Кто-нибудь мог бы, но только не ты! Твой интеллект продолжал трудиться. «Найти бы мне теперь дверной коврик,— сказал ты самому себе,— и тогда моя теория подтвердится». И конечно, ты находишь коврик. Ты, Рэт, такой умный, что ты мог бы найти чего бы ты только ни захотел. «Ну, так эта дверь существует, словно я видел её своими глазами. И ничего другого не остаётся, как её обнаружить». Ну конечно, я читал про такие вещи в книгах, но я никогда не встречался с этим в жизни. Тебе бы надо отправиться туда, где тебя по-настоящему оценят. Ты же тут среди нас, простых ребят, пропадёшь. Если бы у меня была такая голова, как у тебя, Рэтти...

— Но поскольку её у тебя нет,— прервал его дядюшка Рэт довольно сердито,— я думаю, что ты, разглагольствуя, просидишь всю ночь на снегу. Немедленно поднимайся, хватайся за петлю и звони, а я буду стучать.

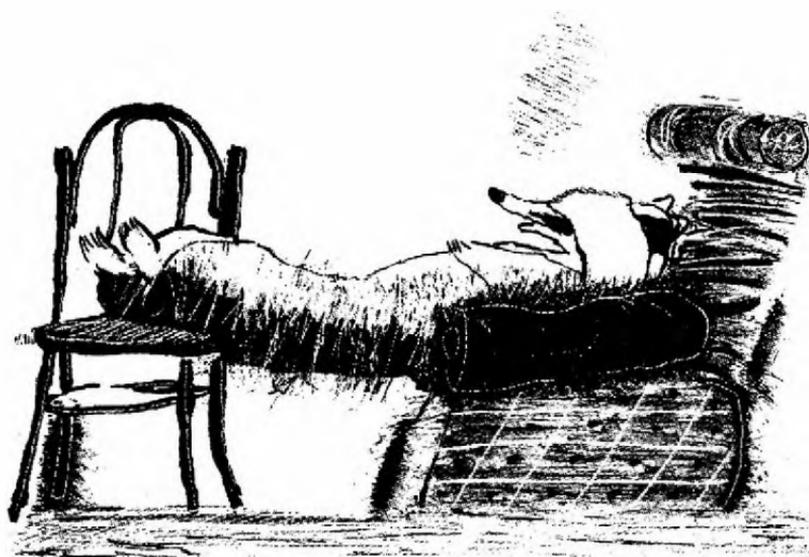
Пока дядюшка Рэт стучал, накидываясь на дверь со своей дубинкой, Крот набросился на звонок, чуть ли не повис на железной петле и раскачивался на ней, болтая обеими задними лапами в воздухе, и было слышно, что где-то вдали, в глубине, отзывается колокольчик.



# 4

---

## Дядюшка Барсук







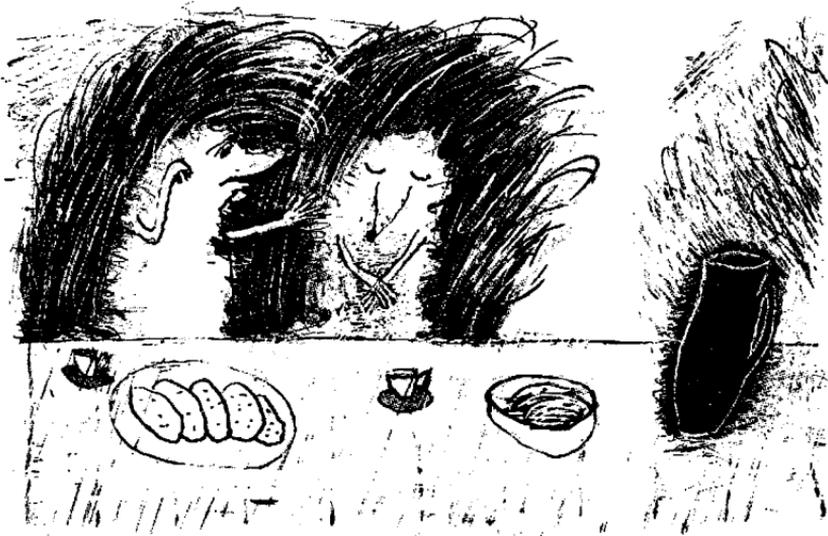
ни терпеливо ждали, перетаптываясь с ноги на ногу, чтобы вконец не озябнуть, и ждали, как им показалось, довольно долго. Наконец они услышали медленное шарканье, которое приближалось к двери изнутри.

Кроту представилось, будто кто-то идёт в ковровых шлёпанцах, которые ему велики и у которых стоптаны задники. Так оно и было на самом деле.

Послышался звук отодвигаемого засова, дверь приоткрылась всего на несколько дюймов, как раз на столько, чтобы можно было просунуть длинную мордочку и глянуть парой заспанных глазок.

— Так, если это повторится ещё раз, — сказал недовольный голос, — я ужасно рассержусь. Кто это смеет беспокоить жителей в это время и в такую ночь? Ну-ка, отвечайте!

— Барсук! — закричал дядюшка Рэт. —



Впусти нас, пожалуйста, это я, Рэт, и мой друг, Крот, мы заблудились в снегу.

— Что? Рэтти? Мой милый дружище!— воскликнул дядушка Барсук уже совсем другим голосом.— Входи же, оба входите, скорее. Боже мой, да вы, должно быть, прямо погибаете! Подумать только! Заблудились в снегу! И не где-нибудь, а в Дремучем Лесу, да ещё в такую поздноту! Ну давайте входите, входите.

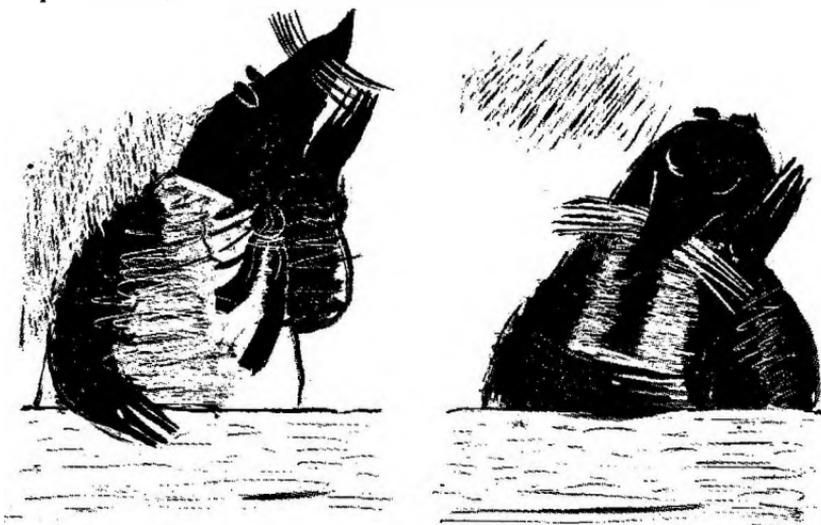
Оба путника чуть ли не перекувырнулись друг через друга, так им хотелось поскорее попасть внутрь, и оба с удовольствием и облегчением услышали, как за ними захлопнулась дверь.

На Барсуке был длинный халат и действительно совершенно стоптанные шлёпанцы, он держал в лапе плоский ночник и, скорее всего, направлялся в спальню, когда его застиг их настойчивый стук. Он посмотрел на них и по доброму каждого потрепал по голове.

— Это вовсе не такая ночь, когда маленьким зверькам можно бродить по лесу,— сказал он отечески.— Боюсь, это всё твои проказы, Рэтти. Ну, идёмте, идёмте на кухню. Там пылает камин, и ужин на столе, и всё такое прочее.



Он шёл, шаркая, неся перед собой свечу, а они в приятном ожидании следовали за ним, подталкивая друг друга по длинному, мрачному и, по правде говоря, довольно обшарпанному коридору в прихожую, от которой, как им показалось, расходились другие коридоры и переходы, таинственные и на вид бесконечные. Но в прихожую выходили также ещё и крепкие, дубовые двери. Одну из них дядюшка Барсук распахнул настежь, и они сразу же очутились в тепле и свете большой, с пылающим камином, кухни. Пол в кухне был из старого, исшарканного кирпича, в огромном устье камина пылали брёвна, в углу — уютное место для отдыха, исключавшее самую мысль о сквозняке. Там стояли два кресла с высокими спинками, лицом обращённые друг к другу, приглашая расположенных к беседе гостей посидеть в них. Посередине помещения стоял длинный стол, сколоченный из простых досок, положенных на козлы, вдоль стола по обеим сторонам тянулись две скамьи. В торце стола, возле которого стояло отодвинутое кресло, были видны остатки ужина, простого, но обильного. Ряды чисто вымытых



тарелок подмигивали с полок буфета, стоящего в дальнем углу кухни, а с балок над головой свешивались окорока, пучки высушенных трав, сетки с луком, корзины, полные яиц. Казалось, что в этом месте доблестное воинство вполне могло бы устроить пир после славной победы над врагом, или сборщики урожая, человек сто, могли бы отпраздновать Праздник Урожая с песнями и плясками, или, на худой конец, двое-трое закадычных друзей без больших запросов могли бы удобно усесться за этим столом, посидеть, покурить, поболтать всласть. Рыжеватый кирпичный пол посылал улыбки продымлённому потолку, дубовые табуретки, отполированные до блеска частым употреблением, обменивались бодрыми взглядами друг с другом, тарелки в буфете подмигивали кастрюлькам на полках, а весёлый отсвет камина играл решительно на всём без всякого разбора.

Добрейший Барсук усадил их у огня на табуретки и посоветовал скинуть мокрую одежду и обувь. Потом он сходил и принёс им халаты и шлёпанцы, самолично промыл Кроту ранку на ноге тёплой водичкой и залепил пластырем, и нога сделалась как и была, а может, даже и ещё лучше! Им, приведённым сюда метелью, наконец-то обсохшим и согревшимся в объятиях света и тепла, слышавшим за спиной звон накрываемых на стол тарелок, теперь, когда они обрели надёжное пристанище, казалось, что холодный, бездорожный Дремучий Лес не тут, снаружи, а где-то далеко, за много-много миль, и всё, что они там пережили,— это полузабытый страшный сон.

Когда наконец нежданные гости основательно «поджарились», Барсук призвал их к столу, где он сервировал для них трапезу. Они изрядно проголодались и до того, но, когда они увидели

ужин, который был накрыт для них, им захотелось съесть всё. Вопрос был только в том, на что наброситься сначала, потому что всё было так привлекательно! Довольно продолжительное время беседа вообще исключалась, а когда она возобновилась, то приобрела тот достойный сожаления характер, который возникает от разговора с набитым ртом.

Правда, дядюшка Барсук не обращал на это решительно никакого внимания, так же, как и на локти, положенные на стол, или на то, что все говорят разом. Поскольку сам он не любил бывать в обществе, то полагал, что условности не имеют значения. (Мы, конечно, понимаем, что он ошибался и что его взгляд на это был слишком узок; всё это имеет значение, а почему — долго объяснять.) Он сидел в своём кресле во главе стола, мрачно кивая головой, пока пришельцы рассказывали о своих злоключениях. Казалось, его не удивляло решительно ничего в их рассказах. Он не приговаривал: «Я вас предупреждал» или: «Я же об этом сто раз говорил», и не поучал их, что, мол, надо было так-то и так-то поступить, и не упрекал их, что, мол, почему они не сделали то-то и то-то. Это необычайно расположило к нему Крота.

Когда с ужином наконец-то покончили и каждый из них почувствовал, что съесть ещё хотя бы кусочек небезопасно, потому что шкура может лопнуть, и что теперь ему наплевать на всех и вся, они собрались возле затягивающихся пеплом угольков большого камина, и каждый подумал, как это прекрасно сидеть так поздно, и ничего не бояться, и быть таким сытым. После того как они поболтали о том о сём, Барсук спросил с большим интересом в голосе:

— Ну, хорошо. А теперь расскажите, какие новости в ваших краях? Как поживает наш приятель Тоуд?

— О, чем дальше, тем хуже,— сказал дядюшка Рэт с сожалением, а Крот, который сидел в кресле, наслаждаясь теплом от камина и задрав ноги выше головы, постарался напустить на себя искренне печальный вид.— Ещё одна автомобильная катастрофа на прошлой неделе. И очень сильная,— продолжал дядюшка Рэт.— Понимаешь, он хочет сам сидеть за рулём, а к этому ну просто безнадежно неспособен. Нанял бы он лучше приличного, надежного, хорошо обученного зверя в шофёры, да платил бы ему как следует, да поручил бы ему дела, связанные с автомобилем, всё бы и наладилось. Но где уж там! Он считает себя прирождённым шофёром и решительно никого не слушает, вот отсюда неприятности и получают.

— И сколько же у него их было?— спросил Барсук подавленно.

— Машин или катастроф?— спросил Рэт.— Впрочем, что касается нашего приятеля, то это, в конце концов, одно и то же. Это уже седьмая. А что до предыдущих... Ты ведь помнишь его каретный сарай? Он весь забит, ну то есть абсолютно весь, до самой крыши забит обломками его предыдущих автомобилей, и кусочки-то эти размером не больше твоей шляпы. Я думаю, тебе всё ясно, не так ли?

— Он уже три раза попадал в больницу,— вставил Крот.— А уж сколько денег он переплатил на штрафы, даже страшно подумать!

— Да и это ещё полбеда,— сказал дядюшка Рэт.— Он богатый, конечно, это всем известно, но не миллионер же! Дело в том, что он никуда не годный шофёр, не признающий ни правил, ни законов. Одно из двух: либо он разорится, либо погибнет в катастрофе. Барсук, подумай! Ведь мы его друзья, не должны ли мы что-нибудь предпринять?

Барсук глубоко задумался.

— Послушайте!— сказал он через некоторое время довольно сурово.— Вы, надеюсь, понимаете, что я ничего не могу сделать теперь?

Оба его приятеля наклонили головы, вполне понимая, что он имел в виду. Согласно звериному этикету, никого из зверей нельзя заставлять, чтобы он совершил что-либо героическое, или требующее приложения всех сил, или даже сравнительно небольшого напряжения, когда речь идёт о зиме. В это время все звери сонные, а некоторые по-настоящему спят. Все, так или иначе, зависят от погоды. И все отдыхают от пламенных летних дней, когда каждый мускул подвергался серьёзному испытанию и вся их энергия была пущена в ход.

— Хорошо,— сказал Барсук.— Тогда так и решим. Как только год переломится, ночи станут короче, ну, знаете, когда начинаешь ёрзать и хочется вскочить и быть уже вполне бодрым к тому времени, как солнце встанет, а то и раньше, ну, вы сами понимаете...— Оба кивнули с серьёзным видом. Они понимали.

— Ладно. Тогда мы,— продолжал Барсук,— то есть ты, и я, и вот ещё наш друг Крот,— мы тогда за него серьёзно возьмёмся. Мы не позволим ему валять дурака. Мы его заставим войти в разум, даже силой, если понадобится. Эй, да ты спишь, Рэт?

— Нет, нет, нет,— сказал дядюшка Рэт, вздрагивая и просыпаясь.

— Он после ужина уже раза два или три засыпал,— засмеялся Крот.

Он-то чувствовал себя вполне бодрым и даже оживлённым, сам не зная почему. А причина была, несомненно, в том, что он был и по рождению, и по воспитанию подземный житель, и дом Барсука был в том же духе, что и его собствен-

ный, вот почему он себя тут так хорошо чувствовал. А дядюшка Рэт, чьи окна выходили на прохладную, дышащую ветерком реку, естественно, находил, что воздух тут тяжёл и душен.

— Ну, пора нам всем ложиться,— сказал Барсуку, вставая и доставая для них плоские подсвечники.— Пошли со мной, я покажу вам ваши апартаменты. И не спешите утром вставать, завтрак в любое время, когда пожелаете.

И он повёл своих гостей в комнату, которая служила наполовину спальней, а наполовину — кладовой. Большую часть занимали зимние запасы Барсука: груды яблок, репы и картошки, корзины, полные орехов, и кувшины с мёдом. Но две небольшие, чисто застланные кровати, стоявшие на незаставленной части пола, так и манили к себе, а бельё было хоть и грубоватой ткани, но приятно пахло лавандой, так что дядюшка Рэт и Крот, в тридцать секунд стряхнув с себя всю одежду, нырнули в чистые простыни с великой радостью и удовлетворением.

В точном соответствии с предписанием доброго хозяина оба усталых путника на следующее утро спустились к завтраку очень поздно и обнаружили яркий огонь, пылающий в камине, и двух юных ёжиков, сидевших на лавке за столом, евших овсяную кашу из деревянных мисок. Ёжики положили ложки, вскочили и вежливо поклонились вошедшим.

— Сидите, сидите,— сказал им дядюшка Рэт приветливо,— доедайте. Вы, юноши, откуда взялись? Наверное, заблудились в снегу, а?

— Да, сэр,— почтительно отозвался старший из ёжиков.— Я и вот Билли, мы было пошли в школу, мама нам велела, и мы, конечно, заблудились, сэр, и Билли испугался и начал плакать, потому что он ещё маленький и пугается. Мы как раз оказались возле двери мистера Бар-

сука, возле чёрного хода, и решились постучать, сэр, потому что мистер Барсук, он, как известно, очень добрый...

— Понимаю, понимаю,— сказал дядюшка Рэт, отрезая тонкий кусочек ветчины от большого окорока, а Крот тем временем положил пару яиц в кастрюльку.— А как там погода? И не говори «сэр» через каждые два слова.

— Кошмарная погода, сэр, снегу навалило — ужас!— сказал ёжик.— На улицу не выйдешь.

— А где Барсук?— спросил Крот, подогревая кофе.

— Хозяин удалился в кабинет, сэр, и сказал, что будет очень занят всё утро, и просил не беспокоить его ни под каким видом.

Эти слова были понятны всем присутствующим. Дело в том, что когда ты живёшь изо всех сил целые полгода подряд, то другие полгода ты спишь или дремлешь. И неловко всё время повторять, что тебе хочется спать, когда у тебя в доме гости. Неудобно как-то об этом без конца напоминать. Всем было ясно, что Барсук, как следует позавтракав, удалился в свой кабинет, уселся в кресло, задрал ноги на стул, что стоит напротив, положил на мордочку красный платок и занялся тем, чем обычно занимаются в это время года.

Колокольчик на входной двери громко зазвонил, и дядюшка Рэт, лапы которого были перепачканы маслом, потому что он намазывал себе хлеб, послал маленького Билли поглядеть, кто там пришёл.

Было слышно, как в прихожей кто-то долго отряхивается, и вскоре Билли вернулся в сопровождении дядюшки Выдры, который с громкими приветствиями кинулся обнимать друзей.

— Ну, хватит, хватит,— пробормотал дядюшка Рэт, прожёвывая ветчину.

— Я так и знал, что вы здесь, — бодро заметил дядюшка Выдра. — Там, на берегу реки, все в панике: «Рэт не ночевал дома, и Крота тоже нигде нет, что-нибудь, наверное, ужасное случилось» — и следы ваши, конечно, занесло снегом. Но я так и знал. Когда кто попадёт в затруднение, тот отправляется к Барсуку или Барсук сам как-то об этом узнаёт, и я пошёл прямо сюда, в Дремучий Лес, по снегу. Ух как там сегодня красиво! Солнце встало красное-красное, окрасило розовым снег сквозь чёрные стволы деревьев. И такая тишина! А время от времени целая шапка снега — шлёп! — срывается с ветки, и ты отскакиваешь и ищешь, где бы укрыться. За ночь прямо ниоткуда воздвиглись снежные дворцы, и снежные пещеры, и снежные мосты, и террасы, и крепостные валы. Играть бы и играть во всё это часами. Там кое-где валяются огромные ветки — они рухнули под тяжестью снега, а малиновки по ним скачут с таким важным видом, точно это они всё сделали. Пока я шёл, гусиный клин пролетел у меня над головой высоко в небе, потом парочка-троечка грачей покружились над деревьями. Поглядели, полетали и отправились по домам с брезгливым выражением. Ни одного здравого существа не встретилось, чтобы порасспросить о вас. На полпути я встретил кролика — сидел на пеньке и начищал свою глупую мордочку передними лапами. Ох и испугался же он, когда я подкрался к нему сзади и положил лапу на плечо. Мне пришлось пару раз его стукнуть, чтоб добиться хоть какого-нибудь толку. В конце концов мне удалось вытянуть из него, что какой-то кролик видел в Дремучем Лесу Крота вчера вечером. В кроличьих норах вчера только и разговору было, как Крот, задушевный друг нашего Рэtti, по-

пал в переплёт и заблудился. *Они* все нарочно стали его заманивать и водить по лесу кругами.

«Почему же вы не поспешили на помощь? — спросил я. — Конечно, ума у вас лишнего нет, но всё-таки вас целые сотни, и есть среди вас здоровые парни, и норы ваши под землёй расходятся во все стороны, и вы не могли его позвать и помочь ему укрыться в безопасном месте? Хотя бы попытались устроить его как-нибудь поудобнее!»

А он только сказал: «Что? Мы? Кролики?» Ну, я стукнул его ещё разок и пошёл дальше. Во всяком случае, я хоть кое-что узнал, а если бы мне ещё попались *Они*, я бы узнал и побольше, но *Они* боялись мне попадаться.

— И тебе не было нисколько... ну... жутко? — спросил его Крот, вспоминая при словах «Дремучий Лес» пережитые накануне страхи.

— Жутко? — улыбнулся дядюшка Выдра, сверкнув набором крепких, белых зубов.— Я бы показал им «жутко», попробовали бы *Они* со мной свои штучки! Крот, дружище, не в службу, а в дружбу, поджарь мне кусочек-другой ветчинки, я страшно голоден, а потом мне надо перекинуться парочкой слов с Рэтти, мы с ним сто лет не виделись.

Добродушный Крот, отрезав несколько кусочков от окорока, велел ежатам их поджарить, а сам вернулся к прерванному завтраку. А дядюшка Выдра и дядюшка Рэт, усевшись нос к носу, завели беседу, обсуждая специфические речные новости, и надо сказать, что такая беседа бесконечна и течёт и журчит, как сама река.

Тарелка с жареной ветчиной была опустошена и отправлена для добавки, когда в кухню вошёл Барсук, зевая и потягиваясь. Он поздоровался со всеми как обычно — спокойно и просто, задав каждому по доброму вопросу.

— Дело идёт к обеду,— сказал он Выдре.— Оставайся и поешь с нами, утро такое холодное, и ты, наверно, здорово проголодался?

— Да, весьма основательно,— сказал дядюшка Выдра, подмигивая Кроту.— При одном взгляде на этих молодых обжор, этих молодых ежей, набивающих животы жареной ветчиной, кто хочешь начнёт умирать с голоду.

Ежата как раз почувствовали, что снова проголодались после овсяной каши и большого труда, который пришлось затратить, жаря ветчину. Они робко взглянули на Барсука, но сказать ничего не решились.

— Ну, ребяташки, теперь вам пора домой к маме,— сказал Барсук ласково.— Я кого-нибудь пошлю вас проводить.— Он дал каждому из них по шестипенсовой монетке, потрепал по головке, и ежата ушли, почтительно кланяясь и дотрагиваясь до козырьков.

Вскоре все опять уселись за стол.

Крот оказался рядом с дядюшкой Барсуком, и, поскольку те двое были всё ещё погружены в речные сплетни и ничто не могло их от этого занятия отвлечь, он воспользовался случаем и заметил Барсуку, как уютно и домашнему он чувствует себя у него в доме.

— Под землёй ты всегда знаешь, где ты находишься,— сказал Крот.— Ничего с тобой не случится и никто на тебя не набросится. Ты сам себе хозяин, и тебе не надо ни с кем советоваться и обращать внимание, кто что о тебе скажет. Там, над головой, что-то происходит, а тебе до этого нет никакого дела, и ты ни о ком и не думаешь. А как захочешь — раз! — и можешь подняться наверх, и пожалуйста — всё тебя дожидается и всё к твоим услугам.

— Именно это я всегда и говорю,— сказал Барсук.— Нигде нет такой тишины и покоя,

как под землёй. И нигде ты не чувствуешь себя в большей безопасности. А если вдруг мыслям твоим станет тесно и тебе захочется простора, стоит только копнуть, поскрести — и пожалуйста! А если тебе покажется, что твой дом чересчур велик, закопай парочку проходов — вот и всё. Никаких тебе плотников, никаких строителей, никаких советов через забор, а главное — никакой погоды! Погляди на Рэтти. Стоит только паводку подняться на парочку футов выше обычного, и вот он уже вынужден перебираться в гостиницу, в неудобный и неудобный номер, и к тому же страшно дорогой. Возьми мистера Тоуд. Я ничего не хочу сказать, Тоуд-Холл — это лучший дом во всей округе, если говорить о доме как таковом. Ну а вдруг пожар? Что тогда будет с ним? А вдруг ураган снесёт черепицу? Или стена треснет? Или окно разобьётся? Что тогда будет с ним? Или вдруг сквозняк, я ненавижу сквозняки! Нет, наверху, пожалуйста, работайте, веселитесь — всё это хорошо. Но жить надо под землёй. Я в этом глубоко убеждён.

Крот поддержал его всей душой, и дядюшка Барсук в конце концов с ним очень подружился.

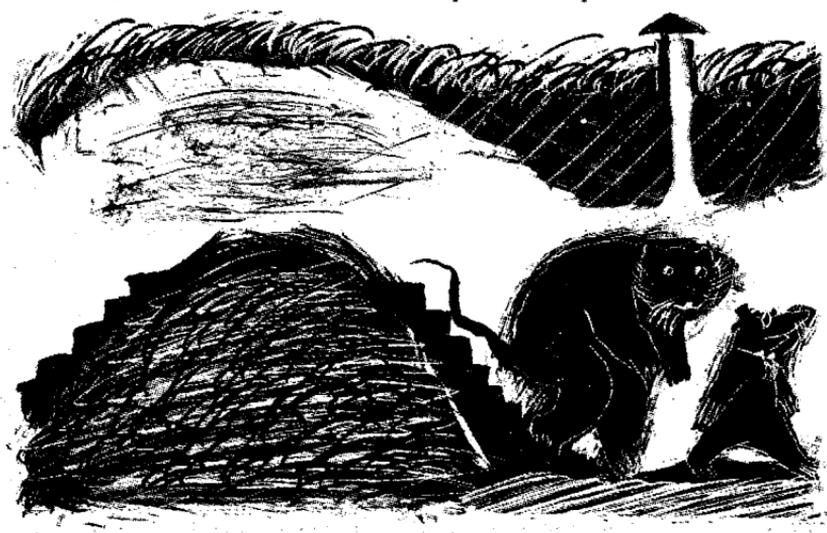
— После обеда я покажу тебе весь свой дом, — сказал он. — Я думаю, тебе он понравится. Ты понимаешь толк в архитектуре.

После еды, когда те двое уселись в уголок возле камина и затеяли оживлённый спор насчёт угрей, Барсук засветил фонарь и пригласил Крота следовать за ним. Они пересекли прихожую и двинулись по одному из главных коридоров. Колеблющийся свет фонаря на мгновение высвечивал по обеим сторонам разные помещения — то маленькие, величиной не больше шкафа, а иные такие просторные

и впечатляющие, как парадная столовая в Тоуд-Холле. Узенький проход, шедший под прямым углом к главному, привёл их к другому коридору, и тут всё повторилось сначала. Крот был потрясён размерами и размахом всех этих ответвлений, длиной сумрачных переходов, толстыми сводами набитых припасами кладовых, солидностью кирпичной кладки, колоннами, арками, прочно вымощенными полами.

— Откуда же ты нашёл силы и время всё это построить? — вымолвил он наконец. — Это потрясающе!

— Было бы действительно потрясающе, если бы я всё это построил сам, — ответил Барсук просто. — Но в действительности я этого ничего не делал. Я только расчищал коридоры и помещения по мере надобности. Их здесь вокруг ещё гораздо больше. Я вижу твоё недоумение и сейчас тебе всё объясню. Видишь ли, давно-давно на том месте, где теперь шумит Дремучий Лес, задолго до того, как он вырос таким, каким ты его знаешь, тут был город — человеческий город. Здесь, где мы с тобой сейчас стоим, они жили: ходили, разговаривали, спали,



занимались своими делами. Здесь они держали конюшни и пировали, отсюда они отправлялись на войну или уезжали торговать. Это был могущественный народ, они были богаты и умели хорошо строить. Строили они крепко, потому что верили, что их город будет стоять вечно.

— Что же всё-таки с ними со всеми случилось? — спросил Крот.

— Кто знает? — сказал Барсуک.— Народы приходят, живут, процветают, строятся, а потом уходят. Таков их удел. А мы остаёмся. Здесь жили барсуки, я слышал, задолго до того, как построился город. Мы можем на время уйти, переждать, перетерпеть, а потом появиться снова. Мы всегда будем.

— И что же случилось, когда люди отсюда ушли?

— Когда люди ушли, — продолжал дядюшка Барсук, — за дело взялись сильные ветры и затяжные ливни — терпеливо, не останавливаясь, день за днём, год за годом. Может быть, и мы, барсуки, как могли, помогали — кто знает? Вниз, вниз, вниз опускался город, опу-



скался, разрушался, исчезал. И тогда вверх, вверх, вверх потянулся лес. Постепенно проросли семена, молодые деревца вытягивались и крепили, на помощь им явились ежевика и папоротники. Листья опадали, становились перегноем, образуя почву, и покрывали руины. Весенние ручьи нанесли земли и песку, засыпали щели, и вот наш дом был опять готов, и мы переселились в него. То же самое происходило там, наверху. Явились звери, им здесь понравилось, они осели, устроились, стали расселяться, и жизнь вошла в свою колею. Они не утруждали себя мыслями о прошлом, они о нём никогда не думают, им некогда. Место это, конечно, холмистое, кочковатое, здесь полно ям и всяких рытвин, но в этом есть и преимущества. Звери не думают и о будущем. Возможно, люди опять сюда явятся, может статься, опять всего лишь на время. Сейчас Дремучий Лес плотно населён, среди его обитателей есть и хорошие, и плохие, и так себе, никакие. Я, конечно, не называю имён. Разнообразие и создаёт мир. Но я могу себе представить, что ты уже и сам о них кое-что знаешь.

— Ох, кажется, знаю! — сказал Крот, поёживаясь.

— Ну, ничего, ничего, — сказал Барсук, хлопывая его по плечу, — это было твоё первое знакомство с ними. На самом деле они не такие уж плохие. Что ж, надо ведь жить и давать жить другим. Но завтра я кое с кем поговорю, и у тебя больше не будет неприятностей. Мои друзья ходят в этих краях где хотят, иначе кое-кому придётся иметь дело со мной.

Вернувшись назад, они увидели, что дядюшка Рэт беспокойно мечется взад-вперёд по кухне. Воздух подземелья был для него слишком тяжёл и действовал ему на нервы; каза-

лось, что он всерьёз думает, что речка куда-нибудь сбежит, если он не приглядит за ней хорошенько. Он надел пальто и сунул свои пистолеты за пояс.

— Пошли, Крот,— сказал он нетерпеливо, увидев входящих.— Нам надо выйти засветло, я не хочу снова ночевать в Дремучем Лесу.

— Хорошо, дружок,— отозвался дядюшка Выдра.— И я с вами пойду, я тут каждую тропинку с закрытыми глазами найду. И если кому-нибудь по дороге придётся оторвать голову, положитесь на меня, я оторву.

— Не суетись, Выдра,— сказал дядюшка Барсук.— Мои туннели ведут гораздо дальше, чем ты думаешь. И у меня есть запасные выходы в разных местах опушки, хотя я и не всех в это посвящаю. Если уж вы действительно собрались, то воспользуйтесь одним из моих коротких путей. Не беспокойтесь и посидите ещё немножко.

Но дядюшка Рэт продолжал волноваться о своей реке, и Барсук, взяв в руки фонарь, повёл их сырым и душным туннелем, который то извивался в каменистой породе, то нырял вниз, под кирпичные своды, и тянулся, как им показалось, на несколько миль. Наконец сквозь заросли, скрывавшие выход, забрезжил слабый дневной свет. Наскоро со всеми попрощавшись, Барсук поспешно выпихнул их наружу. Он постарался, чтобы всё, по возможности, приняло прежний вид, замаскировав вход хворостом, опавшими листьями и ветками ползучего кустарника. И тут же удалился.

Они увидели, что стоят на самой опушке Дремучего Леса. Позади них громоздились валуны. Ежевичные плети, обнажённые корни деревьев — всё было навалено и переплетено друг с другом. Перед ними лежало огромное

пространство спокойно дремлющих, обрамлѣнных чѣрными на фоне снега живыми изгородями, а там, далеко, поблескивали воды старого друга — Реки, и зимнее солнце висело, низкое и красное, возле самого горизонта.

Дядюшка Выдра, как знающий все тропинки, возглавил всю компанию, и они двинулись гуськом напрямик через поле туда, где в живой изгороди был лаз к реке. Остановившись возле него и оглянувшись, они окинули взглядом сразу всю массу леса, тѣмную, плотную, пугающую, мрачно возвышающуюся среди окружающей её белизны. Они тут же повернулись и заторопились к дому, к каминному теплу и милым, знакомым вещам, на которых играют отблески огня, к голосу воды, который бодро звучит за окном, к реке, которую они знали и которой доверяли в любых её настроениях. Она никогда не пугала их никакими неожиданностями.

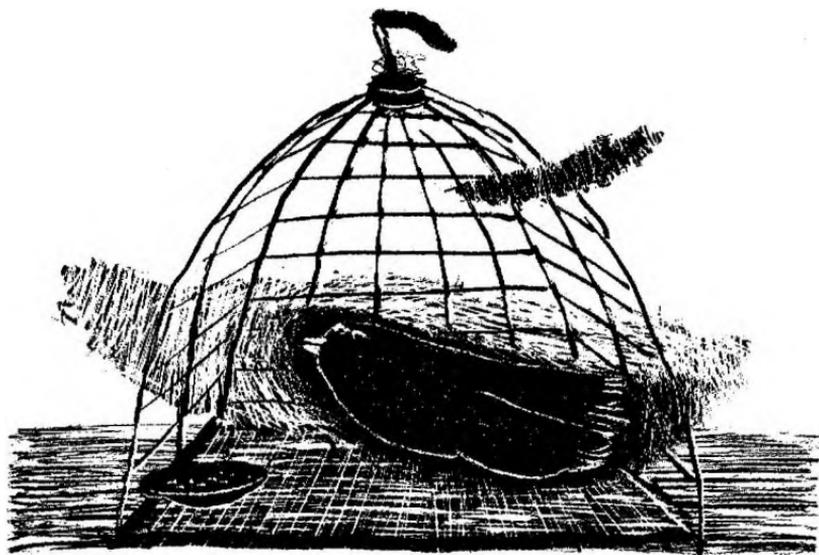
И пока Крот торопливо шагал, сладко предвкушая тот момент, когда он снова окажется дома, среди вещей, которые он знал и любил, он ясно понял, что он не лесной зверь, что жить ему надлежит возле возделанного поля и живых изгородей, недалеко от хорошо вспаханной борозды, выпаса, ухоженного сада, деревенской улочки, по которой можно не спеша пройтись вечером.

Не для него — для других — эта суровая жизнь, полная лишений, требующая стойкости и упорства, не для него открытия, столкновения, которые неизбежны в этих медвежьих углах; он должен быть мудрым, должен держаться приятных и безопасных мест, по которым пролегает его стезя, и на ней его ждѣт немало приключений, по-своему увлекательных, их хватит ему до конца дней.

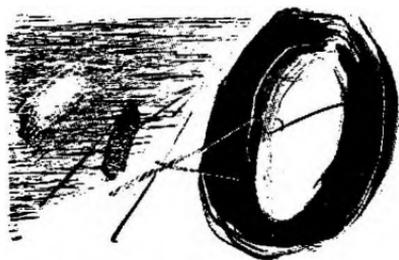
5

---

## Добрый старый дом



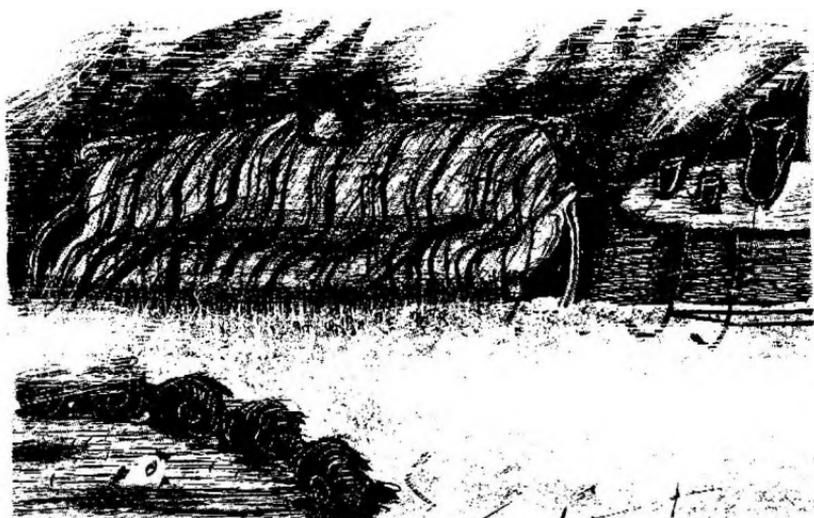




вцы беспорядочно толпились у плетня, прочищая свои тонкие ноздри и топая изящными передними ножками, высоко задирая головы. В морозном воздухе лёгкий парок поднимался

над овечьим загонем, когда двое друзей в прекрасном настроении проходили мимо, без умолку болтая и смеясь. Они возвращались через поля и сёла, проведя целый день с дядюшкой Выдрой, охотясь и исследуя обширные гористые места, где многие речушки, впадающие в их собственную реку, начинались малюсенькими ручейками.

Тени короткого зимнего дня уже надвигались на них, а им было ещё порядочно идти. Шагая наугад через пашню, они услышали овец и направились туда, и вот прямо за овечьим загонем они обнаружили утопанную тропу, идти по которой становилось совсем легко, а к



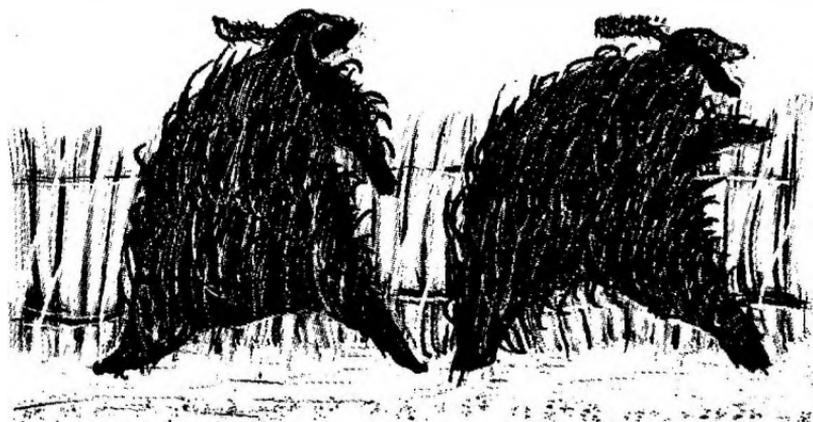
тому же направление дороги как раз отвечало тому тоненькому голоску, который живёт в каждом звере и который всегда безошибочно может сказать: «Да, совершенно верно, дорога ведёт к дому».

— Похоже, что мы идём в деревню,— сказал Крот с некоторым сомнением, замедляя шаги, потому что тропа постепенно превратилась в дорожку, а дорожка — в улицу, которая сейчас и собиралась поручить их заботам хорошо вымощенной щебнем дороги.

Звери не очень-то любят деревни, и их собственные тропы, по которым идёт оживлённое движение, прокладываются независимо от деревенских дорог, несмотря на то что в деревне есть церковь, почта и пивная.

— Да ничего,— сказал дядюшка Рэт,— в это время года мужчины, женщины, дети, собаки, кошки — вообще все надёжно сидят дома, возле печек. Мы быстренько проскользнём без всяких неприятностей и даже можем взглянуть на них через окошки и посмотреть, что они делают, если хочешь.

Ранние декабрьские сумерки совершенно завладели маленькой деревушкой, когда они подходили к ней на мягких лапах по только что выпавшему, тонкому, как зубной порошок,



снежку. Почти ничего не было видно, кроме тёмных, оранжево-красных квадратов по обеим сторонам улочки, откуда свет от камина или от лампы переливался через оконные переплёты в темноту лежащего снаружи мира. Большинство низких решётчатых окошек не были стыдливо прикрыты гардинами, и для заглядывающих с улицы все обитатели домиков, собравшиеся вокруг обеденного стола, занятые рукодельем или со смехом беседующие и жестикулирующие, обладали той прелестной грацией, которую даже самый опытный актёр не смог бы уловить и передать,— той естественной грацией, которая сопутствует полному неведению, что за тобой наблюдают.

У обоих зрителей, переходивших от «театра» к «театру», бывших довольно далеко от собственного дома, в глазах появлялась печаль, когда они видели, как кто-то гладит кошку, или берёт на руки уснувшего малютку и переносит его на постель, или как уставший человек потягивается и выколачивает трубку о тлеющее в камине полено.

Но ощущение дома и уюта особенно чётко исходило от одного завешенного тюлем, обращённого к ночи лицом окна: так отделён был стенами и занавесками этот тёплый, уютный



мир от внешнего мира Природы, что, казалось, он совершенно о нём позабыл.

Близко к белому тюлю висела птичья клетка, силуэт её ярко вырисовывался на фоне штор, каждая проволочка, каждая жёрдочка были ясны и узнаваемы, всё, вплоть до зёрнышек и наполовину склёванного вчерашнего кусочка сахара. На средней жёрдочке помещалась и сама нахохлившаяся птица, голова надёжно зарыта в пёрышки; она была так близко, что им представлялось: захоти они и хорошенечко постарайся — они смогут её погладить. Даже кончики её хохолка, точно нарисованные карандашом, были видны на их экране.

И пока они смотрели, маленькое существо забеспокоилось, проснулось, встряхнуло пёрышки и подняло головку. Они разглядели даже щёлочку в клюве, когда птица с недовольным видом зевнула, огляделась и снова спрятала головку в пёрышки на спине, они увидели, как взъерошившиеся было пёрышки вернулись на своё место и затихли. Потом порыв холодного ветра схватил их за загривок, мокрый снег, попавший за воротник, больно ужалил и точно разбудил ото сна, и они сразу же осознали, что ноги у них замёрзли и устали, что их собственный дом — на утомительном расстоянии отсюда.

Дома внезапно кончились, и сразу же с обеих сторон дороги сквозь темноту пробился к ним дружелюбный запах полей, и они взбодрились, приготовившись к последнему длинному переходу домой. А такой переход, как мы знаем, рано или поздно кончается, и кончается он щелчком замка, растопленным камином и встречей со знакомыми вещами, которые приветствуют нас как давно отсутствовавших путешественников, вернувшихся из-за дальних мо-

рей. Они шагали споро и молча, каждый занятый своими собственными мыслями. Мысли Крота в значительной степени вращались вокруг ужина, потому что было темно и местность была, как ему казалось, незнакомой, и он послушно шёл позади своего друга, целиком полагаясь на него.

Дядюшка Рэт шагал, как обычно, немного впереди, подняв плечи и устремив пристальный взгляд на ровную серую дорогу прямо перед собой, так что он и не глядел на бедного Крота и упустил тот момент, когда Крота вдруг настиг неясный призыв и пронзил его, как электрическим током. С людьми дело обстоит иначе, мы давно утратили тонкость наших физических ощущений, и у нас даже и слов таких нет, чтобы обозначить взаимное общение зверя с окружающими его существами и предметами. В нашей речи, например, есть только слово «запах» для обозначения огромного диапазона тончайших сигналов, которые день и ночь нашёптывают носу зверя, призывая, предупреждая, побуждая к действию, предостерегая и останавливая. Это был один из таких таинственных, волшебных призывов из ниоткуда, который в темноте настиг Крота, пронизал его насквозь каким-то знакомым чувством, хотя пока он не мог отчётливо вспомнить каким. Он остановился как вкопанный, а нос его изо всех сил старался нащупать и ухватить тоненькую ниточку, этот телеграфный проводок, который донёс так сильно его взволновавший зов. Мгновение — и он его снова поймал, и на этот раз воспоминания обрушились на него потоком.

Дом! Вот что обозначали эти мягкие прикосновения маленьких невидимых рук. Чьи-то ласковые призывы, как лёгкое дуновение, влекли, притягивали и манили всё в одном и том

же направлении. Ну да, он где-то тут, совсем близко от него в эту минуту, его старый дом, который он так торопливо оставил, никогда к нему больше не возвращался с того дня, когда впервые он обнаружил реку! И вот теперь дом высылал своих разведчиков и посыльных, чтобы они его захватили и привели назад. С момента своего исчезновения в то ясное весеннее утро он о нём почти ни разу не вспомнил, погружённый в свою новую жизнь со всеми её радостями и сюрпризами, новыми и захватывающими приключениями. И вот теперь, когда на него нахлынули воспоминания о былом, собственный его дом вставал в темноте перед его мысленным взором удивительно ясно! Старенький, конечно, и небольшой, и неважно обставленный, но его, его дом, который он сам для себя построил и куда бывал счастлив вернуться после дневных трудов. И дом тоже, очевидно, бывал с ним счастлив, и теперь тосковал по нему, и хотел, чтобы он вернулся, и сообщал ему об этом, касаясь его носа. Он печалился и легонько упрекал Хозяина, но без горечи и злобы, просто напоминая ему, что он близко и ждёт его. Голос был отчётлив, призыв не оставлял сомнений. Крот должен его немедленно послушаться и пойти.

— Рэтти! — позвал он, приходя в весёлое возбуждение. — Обожди! Вернись! Ты мне нужен! Скорее!

— Не отставай, Крот, — бодро отозвался дядюшка Рэт, продолжая шагать.

— Ну пожалуйста, постой, Рэтти! — молил бедняжка Крот в сердечной тоске. — Ты не понимаешь, тут мой дом, мой старый дом! Я его унюхал, он тут близко, совсем близко! Я должен к нему пойти, я должен, должен! Ну пойдёшь же сюда, Рэтти, ну пойдёшь же!

Дядюшка Рэт был к этому времени уже довольно далеко, настолько далеко, что не слышал звенящую, молящую нотку в голосе друга. Он даже не мог ясно слышать, о чём говорил Крот. И к тому же его беспокоила погода, потому что он тоже улавливал в воздухе запах — запах надвигающегося снегопада.

— Крот, мы не должны медлить, честное слово! — крикнул он, оборачиваясь. — Мы вернёмся сюда завтра за тем, что ты там нашёл. Но нам нельзя останавливаться сейчас, уже поздно, и снег опять вот-вот повалит, и я не очень хорошо знаю дорогу, и надо, чтобы ты тоже принял, ну будь умником, иди, иди сюда скорее!

И дядюшка Рэт двинулся дальше, даже не дожидаясь ответа.

А бедный Крот стоял один на дороге, и сердце его разрывалось, и печальный всхлип копился, копился где-то у него в глубине, чтобы вот-вот вырваться наружу. Но преданность другу выдержала даже и такое испытание. Кроту ни на секунду не приходило в голову оставить дядюшку Рэт одного. А тем временем дуновения, исходившие от его старого дома, шептали, молили, заклинали и под конец уже стали настойчиво требовать. Он не мог позволить себе дольше находиться в их заколдованном кругу. Он рванулся вперёд, при этом в сердце что-то оборвалось, пригнулся к земле и послушно пошёл по следам дядюшки Рэт, а слабые, тонюсенькие запахи, всё ещё касающиеся его удаляющегося носа, упрекали за новую дружбу и бессердечную забывчивость.

Сделав усилие, он догнал ничего не подозревающего дядюшку Рэт, который тут же начал весело болтать о том, что они будут делать, когда вернутся домой, — и как славно растопят

камин в гостиной, и какой ужин он собирался приготовить,— нисколько не замечая молчания и подавленности своего друга. Но наконец, когда они отошли уже довольно далеко и проходили мимо пеньков в небольшой рощице, которые окаймляли дорогу, он остановился и сказал:

— Послушай, Крот, дружище, у тебя смертельно усталый вид, и разговора в тебе уже никакого не осталось, и ноги ты волочешь, точно они у тебя налиты свинцом. Давай минуточку посидим, передохнём. Снег пока ещё не начинается, да и большую часть пути мы уже прошли.

С покорностью отчаяния Крот опустился на пенёк, стараясь овладеть собой, потому что чувствовал, что вот сейчас, сейчас оно вырвется наружу. Всхлип, с которым он так долго боролся, отказался признать себя побеждённым. Наверх и всё наверх пробивал он себе путь к воздуху, а ему вдогонку другой всхлип, и ещё один, друг за другом, сильные и напористые, пока Крот наконец не сдался и не зарыдал откровенно и беспомощно, потому что он понял: поздно, и то, что едва ли можно назвать найденным, теперь наверняка окончательно потеряно.

Рэт, потрясённый и огорчённый таким сильным приступом горя, какое-то время не решался заговорить. Но вот он произнёс очень спокойно и сочувственно:

— Что с тобой, дружок? Что могло произойти? Скажи-ка, в чём дело, и давай подумаем, чем можно помочь.

Кроту было трудно просунуть хоть словечко между частыми всхлипами, которые следовали один за другим, душили его и не давали говорить.

— Я знаю... это... это маленький тёмный домишко,— прорыдал он отрывисто,— не то что твоя удобная квартира... или прекрасный Тоуд-Холл, или огромный дом Барсука... но он был моим домом... и я его любил... а потом ушёл и забросил его... и вдруг я почувствовал его... там, на дороге... я тебя звал, а ты даже и слушать не хотел... и мне вдруг сразу всё вспомнилось... и мне нужно было с ним повидаться, о господи, господи, а ты даже не обернулся, Рэтти, и мне пришлось уйти, хотя я всё время слышал его запах, и мне казалось, что моё сердце разорвётся. Мы могли бы просто зайти и взглянуть на него, Рэтти, только взглянуть, он же был рядом, а ты не хотел обернуться, Рэтти, не хотел обернуться! О господи, господи!

Воспоминание принесло с собой новый взрыв горя, и всхлипы опять им овладели и не давали говорить.

Дядюшка Рэт глядел прямо перед собой, ничего не отвечая и только ласково похлопывая Крота по плечу. Через некоторое время он мрачно произнёс:

— Теперь я всё понимаю! Какой же я оказался свиньёй! Настоящая свинья! Свинья, и больше ничего!

Он подождал, пока буря рыданий несколько поутихла, всхлипы стали ритмичнее, потом он ещё подождал, пока Крот стал чаще шмыгать носом, чем всхлипывать, тогда он встал с пенька и заметил спокойным голосом:

— Ну, теперь уже нам точно надо идти, старина!

И двинулся по дороге назад, по трудному пути, который они уже было преодолели.

— Куда ты (всхлип) идёшь (всхлип), Рэтти?

— Мы найдём твой маленький домик, дружище,— ответил он ласково.— Поднимайся,

пошли, нам ещё придётся его поискать, и тут без твоего носа не обойдёшься.

— О, вернись, не ходи, пожалуйста, Рэтти! — закричал Крот, вставая и устремляясь следом. — Бесплезно, я тебе говорю. Чересчур поздно, и чересчур темно, и отсюда чересчур далеко, и снег пошёл! И... я не собирался тебе всего рассказывать, всё получилось ненарочно, случайно! И подумай о реке и твоём ужине!

— Да провались она, река, вместе с ужином! — горячо откликнулся дядюшка Рэт. — Я тебе уже сказал, я отыщу твой домик, даже если мне придётся проискать его всю ночь. Так что бодрись, старина, хватай меня под руку, и мы очень скоро туда доберёмся.

Всё ещё шмыгая носом, умоляя и внутренне сопротивляясь, Крот нехотя позволил повлечь себя назад по дороге, но понемногу окончательно покорился непреклонному своему приятелю, который весёлыми анекдотами и рассказами пытался поднять его настроение, чтобы обоим дорога показалась короче.

Когда наконец дядюшка Рэт почувствовал, что они приближаются к тому месту на дороге, где Крот его впервые окликнул, он сказал:

— Ладно, хватит болтать. Теперь — за дело. Пусти в ход свой нос и сосредоточься, пожалуйста.

Небольшой кусочек пути они прошли в молчании, как вдруг дядюшка Рэт ощутил рукой, просунутой под руку товарища, лёгкие удары, словно электрическим током пронизывающие тело Крота. Он тут же освободил руку, отстал на шаг и ждал, весь превратившись во внимание.

Сигналы поступали!

Крот постоял минуточку, весь напрягшись,

в то время как его задранный нос, слегка подрагивая, ощупывал воздух.

Потом коротенькая перебежка вперёд, потеря следа, проверка, немного назад, и потом медленное, уверенное продвижение вперёд. Дядюшка Рэт, волнуясь, старался держаться к нему поближе, пока Крот, слегка напоминающий лунатика, пересёк сухую канаву, продрался сквозь лаз в живой изгороди и бежал, узнавая дорогу нюхом, через поле, лишённое чьих-либо следов и растительности, слабо освещённое неяркими звёздными лучами. И вдруг внезапно, даже не подав знака, он куда-то нырнул, но дядюшка Рэт был начеку и тут же последовал за ним вниз по туннелю, куда привёл Крота его неошибающийся нос.

Туннель был узкий, воздуха в нём было мало, в нём стоял сильный запах сырой земли, так что дядюшке Рэт показалось, что прошло довольно много времени, прежде чем этот проход кончился и он смог выпрямиться, расправить плечи и отряхнуться. Крот чиркнул спичкой, и при её свете дядюшка Рэт разглядел, что они стоят на чисто выметенной и посыпанной песочком площадке, а прямо перед ними — парадный вход в домик Крота и на верхушке звонка красивыми готическими буквами написано: «Кротовый тупик».

Крот снял с гвоздя фонарь и засветил его. Дядюшка Рэт увидел, что они находятся во дворе перед домом. Садовая скамейка стояла справа от двери, машинка для стрижки газона — слева. Крот был аккуратным зверем и не мог допустить, чтобы у него на дворе другие звери протапывали неопрятные дорожки, которые всегда кончаются взрылёмным холмиком земли. На стенах висели проволочные корзины, в которых рос папоротник, они сменялись по-

лочками, на которых стояли гипсовые статуэтки. У одной стены дворика был устроен кегельбан, а вдоль него стояли скамьи и маленькие деревянные столики с круглыми подставками, которые намекали на то, что тут угощают пивом.

В центре был маленький прудик с бордюром из ракушек, в котором плавали золотые рыбки. Из середины пруда поднималось занятное сооружение, тоже отделанное ракушками, увенчанное большим шаром из посеребрённого стекла, который отражал всё вкривь и вкось и выглядел очень приятно.

Лицо Крота засияло при виде всех этих дорогих ему предметов, и он поспешно распахнул двери перед своим другом, зажёл лампочку в прихожей и оглядел свой старый дом. Он увидел пыль, которая покрывала всё толстым слоем, увидел, как печально, пусто выглядит его заброшенное жильё, осознал его маленькие размеры, старенькую обстановку и, снова зарыдав, рухнул на стул в прихожей и зарылся носом в лапы.

— О, Рэтти,— воскликнул он в отчаянии,— и зачем только я это сделал? Зачем я тебя притащил в этот старый нетопленный домишко, да ещё в такую ночь, когда ты бы мог уже быть на речном берегу и сушил бы ноги возле пылающего камина, а тебя бы окружали все твои милые вещи!

Дядюшка Рэт не обратил ни малейшего внимания на эти скорбные упрёки, которые Крот делал самому себе, он носился взад-вперёд, осматривая комнаты и шкафчики, зажигал лампы и свечи и всюду их расставлял.

— Какой прелестный домик! — воскликнул он бодро.— Такой компактный! Так хорошо распланирован! И всё есть, и всё на своих местах.

Мы с тобой прекрасно проведём время. Сначала нам надо растопить камин. Сейчас я этим займусь, я всегда всё очень здорово нахожу. Это твоя гостиная? Прелестно! Это ты сам придумал приделать коечки к стене? Великолепно! Сейчас я принесу дрова и уголь, а ты носи тряпку. Крот, она в ящичке стола на кухне, давай вытирай пыль. Ну, шевелись же, старина!

Ободрённый этими словами, Крот поднялся, стал энергично вытирать пыль, возвращая вещам их прежний лоск. А дядюшка Рэт носился с охапками дров и вскоре развёл весёлый огонь, который зашумел в трубе.

Рэт позвал Крота к огню обогреться, но Крот снова впал в тоску, рухнул на одну из кушеток в чёрном отчаянии и зарылся лицом в пыльную тряпку.

— Рэт,— простонал он,— а что же будет с твоим ужином, бедный, замёрзший, голодный, уставший зверь? У меня ничего нет, ничего, ни крошечки.

— Ну до чего же ты любишь сразу падать духом! — сказал дядюшка Рэт с упрёком.— Я только что совершенно отчётливо видел консервный нож в кухне на полке, а всем известно, что это обозначает, что где-то по соседству должна оказаться и консервная банка. Встряхнись, возьми себя в руки, и давай займёмся розысками продовольствия.

Они взялись за поиски, исследуя каждый буфет и выворачивая содержимое каждого ящичка. В конечном счёте результат оказался не таким уже печальным, хотя мог бы быть и лучше: банка сардин, коробочка с печеньем, немецкие колбаски, упакованные в серебряную бумажку.

— Вот тебе и банкет,— заметил дядюшка Рэт, накрывая на стол.— Я знаю некоторых,

которые дорого бы заплатили, чтобы оказаться сегодня за нашим столом.

— И хлеба нет,— печально простонал Крот,— и масла нет...

— И бургундского нет, и паштета из гусиной печёнки,— подхватил дядюшка Рэт, смеясь.— Это напоминает мне... Слушай, а куда ведёт эта маленькая дверца? Ну конечно, в погреб! Буквально всё есть в этом доме! погоди минуточку!

Он направился к двери и вскоре вернулся, немного подзапылившись, но неся по бутылке пива в каждой лапе и ещё под мышками.

— Ни в чём ты себе не отказываешь, Крот,— заметил он.— Это действительно самый милый маленький домик из тех, где мне приходилось бывать. Ты где достал эти гравюры? Они делают дом таким уютным. Неудивительно, что ты так его любишь, Крот. Расскажи-ка мне поподробнее, как тебе удалось сделать его таким.

И пока дядюшка Рэт расставлял тарелки, ножи, вилки, горчицу, которую он приготовил в яичной подставке, Крот, всё ещё вздрагивая от недавно пережитых огорчений, начал рассказывать сперва скромно, а потом всё более воодушевляясь предметом рассказа, как это было спланировано, и как то было продумано, и как это просто свалилось в руки в виде подарка от тётушки, и как то удалось совершенно случайно разыскать, а то удачно купить, а вот это было куплено в результате больших трудов и строгой экономии, когда пришлось обходиться без того и без другого. Хорошее настроение окончательно вернулось к Кроту, и ему захотелось пойти и приласкать своё имущество, осветить все предметы лампой и объяснить гостю, в чём достоинство каждой вещи, и рассказать

о них подробно, совершенно забывая об ужине, в котором оба так нуждались. Дядюшка Рэт, который был отчаянно голоден, но старался это скрыть, рассматривал всё, наморщив брови, и серьёзно кивал, приговаривая:

— Великолепно!

Или:

— Это замечательно!

В тех случаях, когда ему представлялась возможность вставить хоть слово.

Наконец ему удалось завлечь Крота и усадить за стол. Когда он всерьёз занялся консервным ножом и сардинами, снаружи, со двора, донеслись какие-то звуки, вроде бы шарканье маленьких ножек по гравию и смущённые тоненькие голоса, а потом стали долетать обрывки фраз:

— А теперь все построились в линейчку. Подними немного фонарь, Томми. Откашляйтесь. Не вздумайте кашлять после того, как я скамандую «раз, два, три». Где маленький Билли? Иди, куда ты запропастился, мы тебя все дожидаемся.

— Что происходит? — спросил дядюшка Рэт, прерывая свои труды.

— Я думаю, это, должно быть, полевые мыши, — ответил Крот с некоторой гордостью в голосе. — Они в это время года ходят по домам и поют песни. У них тут целое общество организовано. И они никогда от меня не уходят, ко мне приходят к последнему, потому что я всегда их хорошо угощаю. Они напомнили бы мне старые, добрые времена.

— А ну-ка, поглядим на них! — воскликнул дядюшка Рэт, вскакивая и устремляясь к двери.

Они распахнули дверь, и их взорам предстало умилительное зрелище. Во дворе, освещённом слабыми лучами газового рожка, во-

семь или десять полевых мышек стояли полукругом, на шейках — красные шерстяные шарфики, передние лапки глубоко засунуты в карманы, а задние подпрыгивают, чтобы не замёрзнуть. Ясными глазками-бусинками, робея, они поглядывали друг на друга, хихикая, шмыгая носами и то и дело пуская в ход рукава своих пальтишек. Когда дверь открылась, самый старший из них сказал:

— Ну, раз, два, три!

И тоненькие, пронзительные голоса понеслись вверх, в воздух, исполняя старинную песню, которую сочинили их праотцы на бурых, скованных морозом полях или где-нибудь в занесённом снегом уголке, сочинили и передали потомкам, чтобы эти песни пелись в декабре месяце на холодных улицах перед освещёнными окнами.

Голоса постепенно замолкли, певцы, смущённые, но улыбающиеся, искоса обменялись взглядами, затем последовала тишина. Но только на одну минуту. Потому что сверху и издалека, по туннелю, по которому они только что



прошли, до их ушей долетел еле уловимый звон дальних колоколов, вызывающих весёлую и звонкую колокольную мелодию.

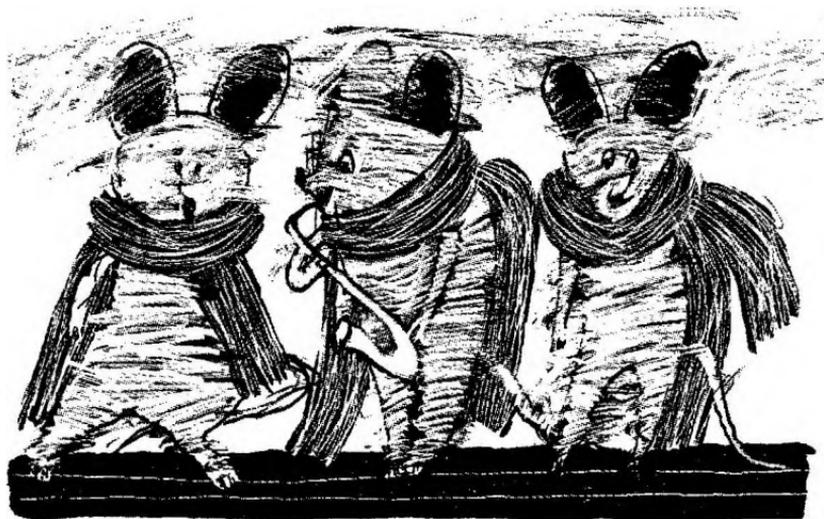
— Хорошо спето, ребятки! — сердечно похвалил их дядюшка Рэт. — А теперь давайте все заходите, погрейтесь у камина и съешьте чего-нибудь горяченького.

— Да-да, заходите, полевые мышки, — воскликнул Крот возбуждённо. — Подумать только, совсем как в старые, добрые времена! Закройте за собой дверь. Пододвигайте скамейку к камину. Теперь вы минуточку подождите, пока мы... О, Рэтти!

Крот сел на скамью, и слёзы уже подступили к его глазам.

— Что же мы с тобой делаем! Нам же нечем их накормить!

— Это ты предоставь мне, — сказал очень властный в этот момент дядюшка Рэт. — Эй, послушай-ка ты, с фонариком! Подойди-ка сюда, мне надо с тобой поговорить. Ну-ка, скажи мне, тут какие-нибудь магазины работают в это время?



— Ну, конечно, сэр,— почтительно ответил старший полевой мышонок.— В это время года наши магазины всегда работают в любой час.

— Тогда послушай,— сказал дядюшка Рэт,— быстренько собирайся вместе со своим фонариком и купи...

Тут последовал длинный, приглушённый разговор, и Крот расслышал только обрывки, такие, как: «Только свежего, понял?», «Нет, одного фунта достаточно», «Гляди, чтоб от Баггинса, другого мне не надо, нет, нет, только высшего сорта, если там нет, поищи в другом месте», «Да, конечно, только домашний, никаких консервов, ну, давай, постарайся!». Наконец послышался звон монет, переходящих из лап в лапы, мышонок получил большую корзинку, чтобы сложить туда покупки, и умчался вместе со своим фонариком.

Другие полевые мышки уселись на лавке рядком, как на насесте, постепенно согреваясь и яростно почёсывая высыпавшие от холода пупырышки. Кроту не удалось вовлечь их в непринужденный разговор, и он заставил их одного за другим называть имена бесчисленных братишек, которые были ещё слишком малы, чтобы отправиться петь песни, но которые в скором будущем ждали на это родительского разрешения.

Дядюшка Рэт тем временем внимательно изучал этикетку на одной из пивных бутылок.

— Я полагаю, что это старый Бэртон,— заметил он одобрительно.— Разумный Крот! Это как раз то, что нужно! Мы сможем сделать подогретый эль! Давай-ка готовь всё остальное, дружище, а я пока повытаскиваю пробки.

В самое короткое время смесь была готова, жестяной кувшинчик засунут в раскалённое сердце камина, и скоро каждый полевой мы-

шонок прихлёбывал, и кашлял, и давился (потому что горячий эль не так-то легко проглатывается), вытирая глаза, и смеясь, и вообще забывая, что он когда-либо в жизни замерзал.

— Они и спектакли ставят, эти ребяташки,— объяснял Крот дядюшке Рэт.— Сами их сочиняют и сами после разыгрывают. У них это здорово получается! В прошлом году было отличное представление про то, как полевого мышонка взяли в плен корсары и заставили грести на галере и как он убежал и вернулся домой, а его любимая ушла в монастырь. Ну-ка, вот ты! Я помню, ты участвовал, встань и представь что-нибудь.

Тот мышонок, к кому обращались, встал, смущённо захихикал, оглядел комнату и онемел. Его приятели зааплодировали, Крот уговаривал и подбадривал, а дядюшка Рэт даже обнял его за плечи и встряхнул, но ничто не могло победить его страха перед публикой. Они всё трудились над ним, как члены Королевского общества спасения на водах над вытасканным из воды утопленником, когда услышали щелчок замка, и дверь открылась, и вновь появился мышонок с фонариком, сгибаясь под тяжестью корзины.

Разговоры о разыгрывании пьесы тут же прекратились, едва лишь солидное и вполне реальное содержимое корзины было выгружено на стол. Все кинулись что-то делать или что-нибудь подносить, подгоняемые генеральскими командами дядюшки Рэт. В несколько минут ужин был готов, и Кроту на мгновение показалось, что всё это с ним происходит во сне. Он уселся во главе стола и увидел, что его ещё минуту назад пустынная поверхность была тесно уставлена пикантными закусками, увидел, как проясняются личики его маленьких друзей,

без проволóчки навалившихся на еду. Крот и сам позволил себе, потому что он умирал с голоду, наброситься на кушанья, которыми, точно по волшебству, всех наделил дядюшка Рэт. Он подумал, что это, в конце концов, очень счастливое возвращение домой. А потом все ели и говорили о старых, добрых временах, и полевые мышки знакомили дядюшку Рэт с последними местными сплетнями и отвечали, как могли, на сотни его вопросов. Дядюшка Рэт почти ничего не говорил, а только следил за тем, чтобы каждый гость получил то, что ему вкусно, и чтобы порция была большая, и чтобы Крот решительно ни о чём не беспокоился и не тревожился.

Ножи и вилки отстучали и замолкли. Мышки стали собираться по домам, изливая на хозяина благодарности и пожелания, а карманы их были набиты гостинцами для младших братьев и сестричек, ожидавших дома. После того как дверь закрылась за последним из них и звяканье фонариков замерло вдали, Крот и дядюшка Рэт снова раздули огонь, пододвинули к нему стулья, приготовили себе ещё по одной, последней чашечке горячего эля и сели поговорить о событиях минувшего долгого дня. Наконец дядюшка Рэт, зевнув во весь рот, сказал:

— Крот, дружище, я ваюсь с ног. Засыпаю, это просто не то слово. Твоя койка где, вот здесь, у этой стены? Очень хорошо, а я лягу на той. Какой восхитительный у тебя домик, всё так удобно!

Он забрался на свою койку, хорошенечко завернулся в одеяло, и дремота окутала его и втянула в себя, как заворачивает и втягивает в себя жатка полосу спелого ячменя.

И Крот тоже был рад улечься, повернувшись к стене, без промедления, и вскоре го-

лова его оказалась на подушке в полном удовлетворении.

Но прежде чем сомкнуть глаза, он позволил им обойти старую комнату, розовую от догорающего огня, отблески которого то играли, то отдыхали на знакомых и дружелюбных предметах, что бессознательно уже давно стали частью его самого и теперь, по-видимому, улыбаясь, радовались его возвращению, не затаив никаких обид. Он пришёл в такое настроение, в которое тактичный дядюшка Рэт спокойно и терпеливо как раз и старался его привести. Он отчётливо видел, какой это простой, обыкновенный, даже узенький, домик, но также отчётливо он сознавал особое значение вот такой надёжной пристани в существовании каждого. Он вовсе не хотел отказываться от своей новой жизни с её изумительными пространствами, повернуться спиной к солнцу и воздуху и ко всему тому, что они ему давали. Нет. Мир там, наверху, был силён, он был слышен ему даже и здесь, и Крот знал, что он туда вернётся. Но было хорошо сознавать, что ему и оттуда есть куда возвратиться, и что этот домик — это его домик, и что на все эти предметы, которые так ему рады, он может положиться и рассчитывать, что они всегда приветят его — радостно и душевно.



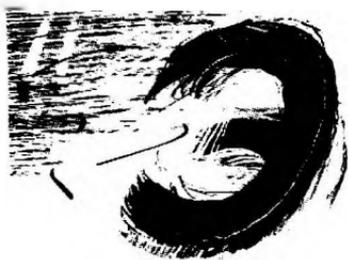


---

## Мистер Тоуд



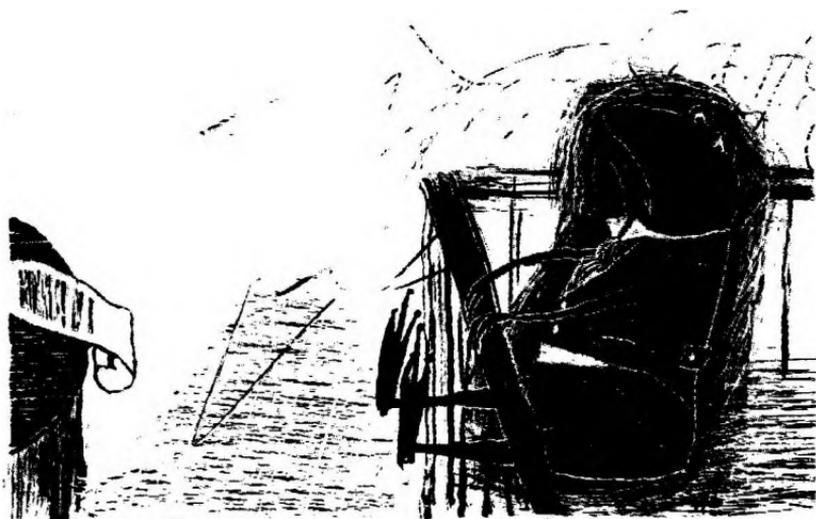




то случилось ясным утром в самом начале лета. Река вошла в свои привычные берега и вернулась к обычной скорости. Жаркое солнце, казалось, так и выманивало из земли всё зелёное — все кустики, и стрелочки, и стебельки — и тянуло к себе, как на верёвках. Крот и дядюшка Рэт встали на рассвете, озабоченные делами, связанными с лодками и с началом гребного сезона, красили и лакировали, чинили вёсла, приводили в порядок подушки, разыскивали лодочные крюки и так далее. Они доедали завтрак в маленькой гостиной и горячо обсуждали планы на предстоящий день, когда раздался сильный стук в дверь.

— Тьфу ты! — сказал дядюшка Рэт, весь перемазавшись яйцом. — Крот, погляди, пожалуйста, кто это там, раз ты уже кончил есть.

Крот пошёл отпирать неожиданному посетителю, и дядюшка Рэт услышал его удивлён-



ный возглас. Затем Крот распахнул дверь гостиной и торжественно провозгласил:

— Мистер Барсук!

Подумать только! Это же небывалый случай, чтобы Барсук нанёс им официальный визит. Он вообще ни к кому не ходил с визитами. Если он кому был нужен, тот его сам выслеживал, когда Барсук, пытаясь остаться незамеченным, проскальзывал вдоль живой изгороди ранним утром или поздним вечером. Или же его надо было ухитриться застать в его собственном доме в середине леса. И было это совсем даже не просто.

Барсук вошёл в комнату тяжёлой поступью и остановился, глядя на обоих с серьёзным выражением лица. Дядюшка Рэт уронил ложку на скатерть и сидел разинув рот.

— Час пробил! — сказал Барсук наконец с большой торжественностью.

— Какой час? — спросил дядюшка Рэт, с тревогой бросая взгляд на каминную полку, где стояли часы.

— Спроси лучше, чей час, — ответил дядюшка Барсук. — Так вот, час нашего друга жабы, который зовётся мистер Тоуд. Его час пробил. Я же сказал, что возьмусь за него, как только зима совсем кончится, и я собираюсь взяться за него сегодня!

— Ну конечно! Его час пробил! — в восторге закричал Крот. — Ура! Теперь я вспомнил! Мы научим его быть благоразумной жабой!

— И именно сегодня утром! — продолжал Барсук, берясь за спинку кресла. — Вчера вечером я получил сведения из весьма надёжного источника, что ещё один новый и исключительно мощный автомобиль прибывает в Тоуд-Холл, чтобы его либо одобрили, либо вернули. Вполне возможно, что в этот самый момент Тоуд

облачается в своё идиотское одеяние, которое он обожает и которое превращает его из (относительно, конечно) вполне миловидной жабы в Нечто, что приводит любого порядочного зверя в истерическое состояние. Мы должны взяться за дело, иначе будет поздно. Вы оба немедленно пойдёте вместе со мной в Тоуд-Холл, и мы доведём до конца работу по его спасению.

— Ты совершенно прав! — воскликнул дядюшка Рэт, вскакивая. — Мы спасём этого бедного, несчастного зверя. Мы его наставим на путь истинный! Он будет самый наставленный из всех когда-либо существовавших на свете жаб.

И они двинулись по дороге выполнять свою миссию милосердия, и Барсук возглавлял их шествие. Звери, когда их несколько, ходят как положено — весьма разумно — по одному в затылок, а не рассеиваются по всей дороге, потому что так не поможешь друг другу в случае опасности или беды.

Они достигли парадной аллеи, ведущей к фасаду Тоуд-Холла, и издали увидели сверкающий новый автомобиль. Он стоял у подъезда, огромный, выкрашенный в красный цвет, который так нравился хозяину. Как только они приблизились к двери, она распахнулась, и мистер Тоуд, облачённый в защитные очки-консервы, кепку, гетры и необыкновенных размеров плащ, важно спустился по ступенькам, натягивая на передние лапы шофёрские краги.

— Привет, ребята! — воскликнул он бодро, увидев пришедших. — Вы как раз успели вовремя, чтобы совершить весёленькую, весёленькую... кую, ве...

Его сердечные возгласы взметнулись и тут же рухнули при виде твёрдых и суровых выра-

жений на лицах друзей, не отвечающих на приветствие. Приглашение, которое он собирался произнести, так и осталось не произнесённым.

Барсук решительно поднялся по ступенькам.

— Ведите его в дом,— жёстко сказал он своим товарищам.

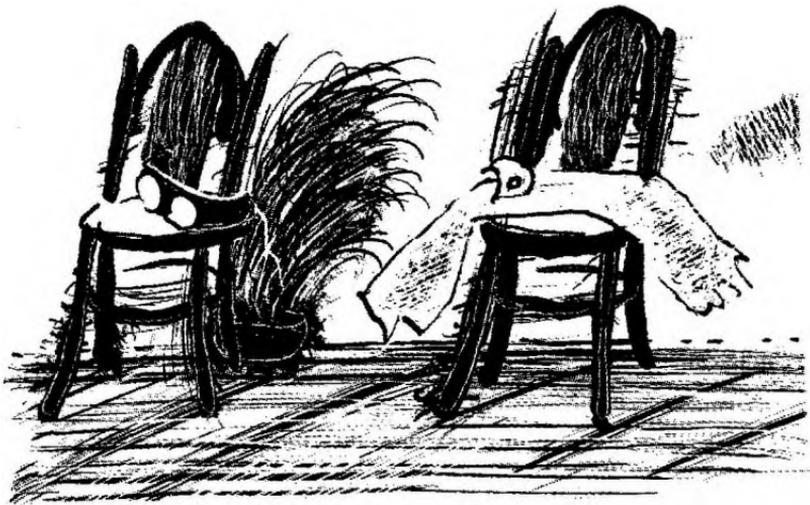
А после того как мистер Тоуд, несмотря на энергичные протесты и сопротивление, был водворён в дом, Барсук обратился к шофёру, на чьём попечении был новый автомобиль:

— Прошу прощения, но вы больше не понадобится. Мистер Тоуд передумал. Автомобиль ему не подходит. Я прошу вас принять к сведению, что это окончательно. Вы свободны.

Затем он последовал за остальными и захлопнул дверь.

— Ну, так вот,— сказал он, обращаясь к хозяину дома, когда все четверо оказались в прихожей.— Прежде всего сними с себя это одеяние и не смей людей.

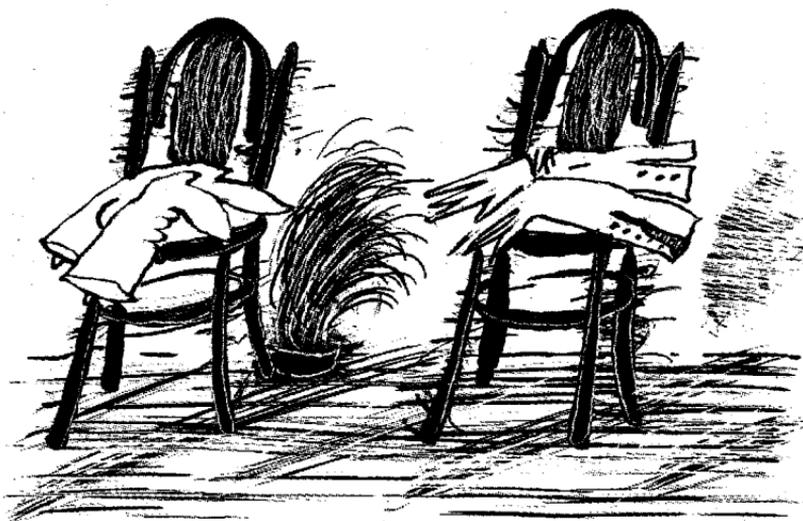
— И не подумаю! — ответил мистер Тоуд с большой отвагой.— Что означает это грубое насилие? Я требую немедленного объяснения!



— В таком случае, снимите с него это всё,— коротко приказал Барсук.

Чтобы выполнить распоряжение, им пришлось разложить мистера Тоуд на полу, при этом он отчаянно лягался и по-всякому их обзывал. Дядюшка Рэт сел на него верхом, а Крот снимал с него один за другим предметы шофёрского наряда, затем его снова поставили на ноги. Хвастливой самоуверенности мистера Тоуд порядком поубавилось после того, как с него были сняты его прекрасные доспехи. Теперь, когда он снова был просто мистер Тоуд, а не Гроза Дорог, он тихонечко подхихикивал, переводил умоляющий взгляд с одного на другого, и казалось, что он отлично понимает, что происходит.

— Ты великолепно знал, что этим должно рано или поздно кончиться, Тоуд,— сурово объяснил ему Барсук.— Ты пропустил мимо ушей все наши предупреждения, ты продолжаешь транжирить деньги, которые тебе оставил отец, ты создаёшь нам, зверям, плохую репутацию в окрестностях своей бешеной езды,



авариями и скандалами с полицией. Независимость и всё такое прочее — это прекрасно. Но мы, звери, никогда не позволяем своим друзьям вести себя по-дурачки сверх известного предела, а ты до этого предела уже дошёл. Ты, конечно, во многих смыслах хороший парень, и я не хочу обходиться с тобой уж слишком жестоко. Я сделаю ещё одну попытку заставить тебя образумиться. Ты выйдешь сейчас со мной в курительную комнату, и там ты услышишь кое-что о себе самом. И мы поглядим, когда ты оттуда выйдешь, будешь ли ты тот самый Тоуд, который туда вошёл.

Барсук взял его крепко под руку, повёл в курительную комнату и закрыл за собою дверь.

— Из этого не будет толку, — сказал дядюшка Рэт презрительно. — Разговорами его не вылечишь. Он на словах пообещает что хочешь.

Они уселись в кресла поудобнее и стали терпеливо ждать. Через закрытую дверь им слышалось жужжание голоса Барсука с подъёмами и падениями волн его ораторской речи. Постепенно они заметили, что его проповедь стала прерываться глубокими всхлипываниями, вырывавшимися, видимо, из груди их приятеля, мистера Тоуд, существа мягкосердечного и нежного, которого легко было наставить — в данный конкретный момент — на любой истинный путь.

Через три четверти часа дверь открылась, и в комнату вернулся Барсук. Он вёл за лапу обмякшего и ослабевшего хозяина дома.

Кожа на нём обвисла мешками, ноги подкашивались, щёки были изрыты бороздами от слёз, в избытии пролившихся в результате трогательной беседы, которую с ним провёл дядюшка Барсук.

— Сядь сюда, Тоуд,— сказал дядюшка Барсук мягко, указывая ему на стул.— Друзья мои,— продолжал он,— я счастлив известить вас, что Тоуд наконец осознал ошибочность своего поведения. Он искренне раскаивается в неправильных поступках, совершённых в прошлом, и он обещал навсегда расстаться с автомобилем. Он дал мне честное слово.

— Это прекрасные новости,— заметил Крот серьёзно.

— Да, действительно очень хорошие новости,— вставил дядюшка Рэт с сомнением,— если только... если только...

Говоря это, он очень пристально посмотрел на мистера Тоуд и заметил у того нечто в печальном глазу. Точно этот глаз взял и незаметно подмигнул.

— Теперь осталось сделать ещё только одну вещь,— заметил удовлетворённый Барсук.— Тоуд, я хочу, чтобы ты перед лицом находящихся здесь друзей торжественно повторил то, с чем ты полностью только что согласился там, в курительной комнате. Во-первых, что ты сожалеешь о том, что ты натворил, и что ты понимаешь всю глупость своего поведения.

Последовала долгая-долгая пауза. Тоуд в отчаянии переводил взгляд с одного на другого, но звери ждали в мрачном молчании. Наконец он заговорил.

— Нет,— сказал он, слегка надувшись, но твёрдо.— Я не сожалею. И вовсе это не было никакой глупостью. Это было просто замечательно!

— Что? — закричал поражённый Барсук.— Ты, сума перемётная, разве ты только что не сказал там...

— Да, да, т а м,— сказал Тоуд нетерпеливо.— Я мог бы сказать что угодно — там. Ты

так красноречив, дорогой Барсук, и так трогательно говоришь, и так убедительно, и формулируешь всё так ужасно здорово, ты можешь из меня верёвки вить — там, и ты это прекрасно знаешь. Но я после обдумал кое-что, мысленно вернулся к разным событиям, и я нахожу, что нисколько не сожалею и не раскаиваюсь, так что было бы просто совсем нехорошо говорить, будто я сожалею, когда это не так, ведь верно?

— Значит, ты не даёшь обещания больше не прикасаться ни к одному автомобилю?

— Ну конечно, нет! — отозвался мистер Тоуд с жаром. — Совсем наоборот, клятвенно вас заверяю, что как только увижу какой-нибудь автомобиль, то я — би-би! — тут же на нём и укачу!

— Не говорил ли я тебе? — обратился дядюшка Рэт к Кроту.

— Ну хорошо, — сказал дядюшка Барсук, поднимаясь. — Раз ты не поддаёшься уговорам, попробуем, чего мы сможем достичь силой. Я всё время опасался, что этим кончится. Ты часто приглашал нас, всех троих, погостить у тебя, Тоуд, в этом твоём прелестном доме. Так вот, мы принимаем твоё приглашение. Когда мы как следует наставим тебя на путь истинный, мы, может, и съедем, но не раньше. Ну-ка, тащите его наверх и запирайте в спальне, пока мы тут обо всём договоримся.

— Всё для твоей же пользы, Тоуд, дружище, — приговаривал дядюшка Рэт, пока они волокли его наверх, а Тоуд лягался и брыкался, оказывая сопротивление своим верным друзьям. — Подумай, как нам будет всем вместе весело! Помнишь, ведь бывало раньше. Вот только пусть с тебя сойдут... ну, эти странные припадки.

— Мы будем хорошо смотреть за всем в твоём хозяйстве, пока ты поправишься, Тоуд,— сказал Крот.— И мы последим, чтобы твои деньги не транжирились, как это было до сих пор.

— И не будет больше этих печальных историй с полицией, Тоуд,— добавил Рэт, поворачивая ключ в замке и убирая его в карман.

Пока они спускались по лестнице, мистер Тоуд посылал им вслед ругательства через замочную скважину. Трое друзей собрались внизу на совещание.

— Нам предстоит довольно нудное дело,— сказал Барсук, вздыхая.— Никогда не видел его таким решительным. Ну, ничего, справимся. Его нельзя ни на секунду оставлять без присмотра. Мы будем караулить его по очереди, пока этот дурман окончательно не испарится из его организма.

Они составили расписание дежурств. Каждый из них обязывался по очереди спать в спальне у поднадзорного, и они поделили между собой дневные дежурства.

Вначале мистер Тоуд был просто невыносим. Когда на него накатывало, он устанавливал стулья в спальне так, что они несколько напоминали автомобиль, забирался на самый первый из них, наклонялся вперёд, вперял взгляд прямо перед собой и гудел и тархтел, подражая автомобилю. Когда приступ достигал своей вершины, он летел кувырком со стульев, валился на пол навзничь и лежал так некоторое время. Казалось, он был очень доволен. Однако, по мере того как проходило время, эти приступы становились всё реже, а друзья всю старались направить его внимание на что-нибудь другое. Но интерес к окружающим предметам, казалось, не оживал, и мистер Тоуд

становился всё более подавленным и вялым.

Одним прекрасным утром дядюшка Рэт, чья очередь была заступать на дежурство, поднялся наверх, чтобы сменить Барсука, который весь уже ёрзал от желания размять ноги, пройтись по лесу, отдохнуть в своём подземном доме.

— Тоуд ещё в постели,— сказал он, когда они вышли переговорить за дверь спальни.— Ничего другого от него не добьёшься, только оставьте его в покое, может, ему скоро полегчает, и очень-то о нём не тревожьтесь и так далее. Ты будь начеку, Рэт: когда он тихий и покладистый, послушный, как первый ученик воскресной школы, тогда, значит, он обязательно что-то замышляет. Я уверен, что он собирается что-то отмочить. Я его знаю. Ну, мне пора.

— Как мы себя чувствуем, старина? — спросил дядюшка Рэт бодрым голосом, подходя к постели.

Ему пришлось несколько минут подождать ответа. Наконец слабый голос отозвался:

— Большое спасибо, милый Рэтти! Как мило с твоей стороны, что ты спрашиваешь об этом. Но сперва скажи, как ты сам и как милейший Крот?

— О, мы-то в порядке,— ответил дядюшка Рэт.— Крот,— добавил он неосторожно,— собирается пройтись вместе с Барсуком, они вернутся только к обеду, а мы с тобой проведём приятное утро вдвоём, и я постараюсь, чтобы тебе было весело. Давай, будь умником, скоренько вставай. Ну кто же хандрит в такое приятное утро?

— Милый, добрый Рэтти,— пробормотал мистер Тоуд.— Как плохо ты представляешь себе моё состояние. «Скоренько вставай...» Я не уверен, встану ли я вообще. Однако не тревожься обо мне. Мне всегда так тяжело

быть обузой для друзей. Но я скоро перестану вас обременять. Я надеюсь, осталось уже недолго.

— Я тоже надеюсь,— сказал дядюшка Рэт сердечно.— Ты был сущим мучением для всех нас последнее время. И я очень рад слышать, что всё это скоро кончится. К тому же погода чудесная, и гребной сезон вот-вот откроется. Это нехорошо с твоей стороны, Тоуд. Не то что нам жаль своих усилий, но мы из-за тебя столького лишаемся!

— Боюсь, как раз вам жаль именно своих усилий,— проговорил Тоуд томным голосом.— Я могу это понять. Это естественно. Вы устали от забот обо мне. Я не должен больше просить вас ни о чём. Я — тяжкое бремя, я понимаю.

— Конечно,— сказал дядюшка Рэт.— Но скажи, в чём твоя просьба, я что хочешь для тебя сделаю, только бы ты стал снова разумным зверем.

— Если бы я мог поверить, Рэтти,— пробормотал Тоуд ещё более слабым голосом,— я бы попросил тебя, это уже, наверно, в последний раз, сходить в деревню, и побыстрее, потому что уже и сейчас может оказаться поздно, и привести ко мне доктора. Впрочем, не тревожь себя. Тебе это только беспокойство, может, лучше пусть всё идёт как идёт.

— Да ты что, зачем тебе доктор? — спросил дядюшка Рэт, подходя поближе и внимательно вглядываясь в него.

Тоуд лежал неподвижно, распластавшись, голос его был слаб, и вообще он был какой-то не такой.

— Ты наверняка заметил в последнее время...— пробормотал Тоуд.— Впрочем, зачем? Замечать — это только себя беспокоить. Завтра, конечно, может быть, ты себе и скажешь: «Ах,

если бы я только заметил раньше. Ах, если бы только я что-нибудь предпринял!» Но нет. Это всё только одно беспокойство. Не обращая внимания, забудь, что я сказал.

— Послушай-ка, старина,— сказал дядюшка Рэт, начиная тревожиться.— Конечно, я схожу за доктором, если ты серьёзно думаешь, что он тебе нужен. Но с чего бы тебе стало вдруг так плохо? Давай-ка поговорим о чём-нибудь другом.

— Боюсь, дорогой друг,— сказал Тоуд с печальной улыбкой,— что «поговорить» в данном случае вряд ли поможет, да и доктор поможет вряд ли... Но нужно ухватиться хотя бы за соломинку. Да, и по пути к доктору — хотя мне просто невыносимо нагружать тебя лишним поручением, но ты будешь идти мимо — попроси, пожалуйста, нотариуса наведаться ко мне. Это было бы очень удобно. Бывают моменты, я бы сказал точнее — настаёт момент, когда приходится сталкиваться с неприятными обязанностями, какой бы ценой они ни доставались измученной душе.

— Нотариуса? Должно быть, ему и в самом деле плохо,— сказал себе перепугавшийся дядюшка Рэт, выбегая из комнаты, но не забывая как следует запереть дверь.

Выйдя из дома, он остановился в раздумье. Двое товарищей были далеко, и ему не с кем было посоветоваться.

«Наверное, лучше сделать всё возможное,— подумал он,— и раньше бывало, что Тоуд воображал себя смертельно больным, но я ни разу не слышал, чтобы он заговаривал о нотариусе. Если с ним на самом деле ничего не происходит, доктор просто скажет ему, что он осёл, и подбодрит его, а это уже кое-что. Сделаю ему это одолжение, схожу, это ведь много времени не отнимет».

И Рэт помчался в сторону деревни, для того чтобы выполнить акт милосердия.

Мистер Тоуд легко спрыгнул с кровати, как только услышал, что ключ повернулся в замке, и наблюдал за другом в окно, с нетерпением ожидая, когда тот скроется из виду. Затем он от души посмеялся, надел самый лучший костюм из тех, что оказались в комнате, набил карманы деньгами, которые достал из ящика туалетного стола; потом связал простыни узлами и, устроив из них импровизированную верёвку, закрепил её за центральную раму старинного, в стиле Тюдор, окна, которое придавало такой элегантный вид его спальне; потом выбрался через это самое окно, легко соскользнул на землю и, взяв курс в направлении, противоположном тому, куда ушёл дядюшка Рэт, двинулся в путь, легкомысленно насвистывая весёлый мотивчик.

Для дядюшки Рэт настал довольно мрачный час, когда Барсук и Крот наконец вернулись. Бедняге пришлось предстать перед ними со своим прискорбным и неубедительным изложением событий.

Можно легко себе представить едкие, если даже не сказать саркастические, замечания, которые отпускал Барсук, поэтому здесь нет нужды их повторять. Но что было особенно горько дядюшке Рэт, так это то, что даже Крот, который сколько мог пытался оправдать друга, не удержался, чтобы не сказать:

— На этот раз ты оказался слегка тупицей, Рэтти! Ну и мистер Тоуд, я вам доложу!

— Он так это ловко разыграл,— сказал удручённый дядюшка Рэт.

— Он т е б я разыграл,— возразил сердито Барсук.— Ну, разговорами делу не поможешь. В данный момент он исчез, это совершенно ясно. И что хуже всего, он сейчас так возгор-

дится от своего, как ему будет казаться, умного поступка, что может натворить любые глупости. Одно утешение, что мы с вами теперь свободны и не должны тратить свои драгоценные часы на дежурство. Но давайте будем ночевать в Тоуд-Холле ещё некоторое время. Тоуд может в любой момент вернуться — на носилках или под конвоем полиции.

Так говорил Барсук, ещё не зная, что для них припасено у будущего и как много воды, и при этом довольно мутной, утечёт, прежде чем Тоуд с удобством усядется в кресло в своём родовом Тоуд-Холле.

Тем временем Тоуд, весёлый и беззаботный, быстро шагал вдоль дороги уже за много миль от дома. Вначале он пробирался тропами, пересёк не одно поле и несколько раз менял направление, опасаясь погони. А сейчас, чувствуя себя в безопасности и при том, что солнышко ему широко улыбалось и вся Природа хором присоединялась к самохвальной песенке, которую внутри него пело его сердце, он шёл по дороге, почти что танцуя, совершенно довольный собой.

— Ловко обделано дельце! — заметил он самому себе, похохатывая. — Мозг против грубой силы — и мозг вышел победителем, как и должно быть. Бедный старый Рэтти! Ох! И достанется ему, когда вернётся Барсук! Стоящий парень Рэтти, с огромными достоинствами, но очень мало интеллекта и абсолютно никакого образования. Мне надо будет как-нибудь им заняться и посмотреть, не удастся ли мне довести его до дела.

Исполненный самодовольных мыслей, подобных этим, он шагал, задрав голову, пока не дошёл до маленького городка, где вывеска «Красный Лев», которая раскачивалась над

тротуаром посредине главной улицы, напомнила ему, что он в этот день не завтракал, и ему страшно захотелось есть после продолжительной прогулки. Он важно вошёл в гостиничное кафе, спросил самый лучший обед, какой только можно было подать без предварительного заказа, и сел за столик.

Когда он успел съесть примерно половину того, что стояло перед ним на столе, приближающийся и слишком знакомый ему звук заставил его вздрогнуть и затрепетать. «Би-би» становилось всё ближе и ближе, и было слышно, как автомобиль свернул во двор гостиницы и замер. Мистер Тоуд вынужден был ухватиться за ножку стола, чтобы скрыть нахлынувшие на него чувства. Тут же приехавшая компания вошла в кафе, все голодные, возбуждённые, веселые, и разговор только об одном — об удовольствиях, пережитых за утро, и достоинствах «колесницы», которая их сюда доставила.

Мистер Тоуд слушал их, на какое-то время весь обратившись в слух. Наконец его терпение лопнуло. Он выскользнул из помещения, заплатил по счёту и, как только вышел за дверь, медленной походкой пошёл на гостиничный двор.

— В этом ничего такого нет,— сказал он самому себе,— если я на него просто посмотрю.

Автомобиль стоял посреди двора, за ним совершенно никто не присматривал: и дворник, и конюх, и разные там зеваки — все ушли обедать. Тоуд медленно обошёл машину, осматривая, оценивая, погружаясь в глубокие размышления.

— Интересно,— сказал он вдруг самому себе,— интересно, легко ли заводится автомобиль такой марки!

В следующий миг, едва осознавая, как это

случилось, он уже схватил стартёр и крутил его изо всех сил. Когда он услышал знакомый звук заведённого мотора, прежняя страсть охватила его и полностью овладела его душой и телом. Как во сне, он вдруг оказался на шофёрском месте, как во сне, он дёрнул рычаг скорости, швырнул машину за угол и — вон из двора через арку. И, как во сне, всякое понимание того, что хорошо и что плохо, всякий страх за возможные последствия на время оставили его совершенно. Он прибавил скорость, и машина в одну минуту проглотила улицу, выпрыгнула на дорогу и понеслась по ней, а мистер Тоуд осознавал только то, что он снова Тоуд, Тоуд в полном блеске, Тоуд-гроза, Тоуд — кошмар дорожного движения, господин всей дороги, которому все должны уступать, иначе они будут обращены в ничто и их поглотит вечная ночь. Он распевал во всё горло, а машина вторила ему громким жужжанием. Миля за милей так и проглатывались, а он всё мчался, сам не ведая куда, влекомый странным инстинктом движения, проживая свой звёздный час, не забо-



тяться о том, чем всё это может обернуться для него.

— По-моему,— бодро заметил Председатель суда,— единственная трудность, которая возникает в этом во всех остальных смыслах очень ясном случае, так это как нам по заслугам выдать неисправимому негодяю и бесстыдному головорезу, который сидит тут перед нами на скамье подсудимых и весь сжимается от страха. Значит, так. Мы признаём его виновным, благодаря несомненным свидетельским показаниям, во-первых, в краже дорогостоящего автомобиля, во-вторых, в том, что создавал опасные аварийные ситуации на дорогах, и в-третьих, в грубости и сопротивлении местным полицейским властям. Уважаемый Секретарь, не будете ли вы любезны сказать, какое самое суровое наказание мы можем дать ему за каждое из означенных преступлений?

Секретарь почесал нос карандашом.

— Некоторые могли бы посчитать, что кража автомобиля — самое большое из его преступле-



ний. Так оно и есть. Но дерзить полиции тоже недозволительно и тоже заслуживает самого сурового наказания. Предположим, можно дать год за кражу, что достаточно мягко. Скажем, три года за бешеную езду, что, конечно, снисходительно. И пятнадцать лет за дерзость, потому что это была дерзость самого худшего свойства, если судить по тому, что мы слышали тут от свидетелей, если даже вы поверите одной десятой услышанного. Лично я никогда не верю больше одной десятой. Эти числа в сумме дают девятнадцать лет...

— Отлично! — сказал Председатель.

— Но вам стоит округлить срок до двадцати, чтобы быть уверенным, что вы выполнили свой долг.

— Отличное предложение! — произнёс Председатель одобрительно.— Заключённый! Возьмите себя в руки, станьте прямо. На этот раз вы осуждены на двадцать лет. И имейте в виду, если вы предстанете перед нами ещё раз по какому угодно обвинению, мы не окажем вам никакого снисхождения!

Вслед за этим жестокие стражи закона схватили несчастного мистера Тоуд, заковали его тяжёлыми цепями и повлекли из зала суда. Тоуд кричал, молил, протестовал! Они, не слушая, протащили его через рыночную площадь, где собралось чуть ли не всё население города, которое всегда столь же решительно настроено против пойманного преступника, сколь снисходительно к тому, который только ещё разыскивается. Они швырялись в него глумливыми замечаниями, морковками и принятыми в городе ругательствами. Потом они повели его мимо школы, где невинные личики школьников осветились радостью, которую они всегда извлекают из беды, если в неё попадают взрослые, потом

по отозвавшемуся гулким звуком подъёмному мосту, под нахмуренной аркой старого мрачного замка, чьи высокие башни возвышались, словно парили в небесах, мимо дежурок, куда набилась сменившаяся с дежурства, скалившаяся на него солдатня, мимо часовых, которые при виде его презрительно кашляли, поскольку это единственное, как стоящий в карауле часовой имеет право выразить своё презрение и отвращение к преступнику, поднялись по истёртым от времени каменным ступеням винтовой лестницы, мимо тяжеловооружённых рыцарей в стальных латах и шлемах, бросавших на них устрашающие взгляды сквозь забрала, мимо придворных, которые держали на поводках огромных догов, и те когтили воздух лапами, пытаясь дотянуться до него, мимо древних стражников, которые, прислонив алебарды к стене, дремали над куском пирога и фляжкой тёмного эля. А его всё вели и вели — мимо камеры пыток, где выворачивают пальцы, мимо дыбы, мимо двери, которая выводила прямо к эшафоту, пока не пришли к входу в самый мрачный каземат, который находился в самой середине крепости. Они наконец остановились перед древним стражем, который перебирал пальцами связку здоровенных ключей.

— Гром и молния! — сказал полицейский сержант, снимая шлем и вытирая вспотевший лоб. — Шевелись, деревенщина, и прими от нас под охрану этого дикого зверя, эту жабу, особо опасного преступника непревзойдённой хитрости и энергии. Стереги и сохраняй его со всем возможным искусством и намотай на ус и на свою седую бороду: если что-нибудь с ним приключится, то твоя голова в ответе за его голову, чтоб вам обоим было пусто!

Старый тюремщик мрачно кивнул, положив

свою увядшую руку на плечо мистера Тоуд. Ржавый ключ заскрипел, повернувшись в замке, огромная дверь защёлкнулась за ними, и Тоуд оказался заточённым в самом дальнем каземате, в крепкой крепости, другой такой не найдёшь, обыщи хоть вдоль и поперёк всю старую добрую Англию.





---

## Свирель у порога зари







рапивник насвистывал свою незатейливую песенку, спрятавшись в кустах, окаймлявших берег. Было уже десять часов вечера, но небо всё ещё хранило верность ушедшему дню, оно не хотело с ним расставаться

и с самого краешка возле горизонта никак не отпускало дневные лучи. Изматывающий жар летнего послеполудня наконец разжал кулаки, свернулся клубком, укатился, подталкиваемый прохладными пальцами июльской ночи.

Крот лежал, растянувшись на березке, тяжело дыша от ударов яростного дня, который был безоблачным от рассвета до заката, и ждал, когда его друг вернётся.

Он провёл несколько часов на реке с приятелями, давая возможность дядюшке Рэт завершить какое-то серьёзное, требующее много времени дело с дядюшкой Выдрой. Когда Крот вернулся, дом был пустой, тёмный и никаких



признаков дядюшки Рэт не было. Он, по-видимому, задерживался у своего старого приятеля. Было ещё слишком жарко и душно, чтобы оставаться в помещении. Поэтому Крот растянулся на листьях конского щавеля и стал вспоминать события дня и размышлять, какими они все были примечательными.

Вскоре послышались лёгкие шаги дядюшки Рэт, который приближался, идя по выжженной солнцем траве.

— О, благословенная прохлада! — сказал он и уселся рядом, задумчиво глядя на реку, молчаливый и погружённый в какие-то свои мысли.

— Ты там поужинал? — спросил его через некоторое время Крот.

— Мне просто пришлось, — сказал дядюшка Рэт. — Они даже слышать не хотели, чтоб я ушёл без ужина. Ты ведь знаешь, как они всегда добры. И старались, чтобы мне было хорошо до самой той минуты, пока я не ушёл. Но я всё время чувствовал себя негодяем, потому что мне было ясно, как им тяжело, хотя они всячески пытались это скрыть. Крот, боюсь, что у них случилось несчастье. Маленького Портли опять нет, а ты знаешь, как отец к нему относится, хоть он и не любит на эту тему распространяться.

— Что, опять? — спросил Крот беззаботно. — Ну и что? Он постоянно удирает и теряется, а потом находится, он такой, он любит приключения. Все в округе его знают и любят, так же как и доброго Выдру. Вот увидишь, кто-нибудь из зверей на него наткнётся и приведёт его домой целёхоньким. Да мы и сами, помнишь, не раз его находили за несколько миль от дома, и он был веселенький и прекрасно себя чувствовал.

— Да. Но на этот раз всё гораздо серьезнее, — сказал дядюшка Рэт мрачно. — Его уже

несколько дней нет, и его домашние обшарили уже всё вдоль и поперёк и даже ни единого следочка не нашли. И каждого зверя опросили на несколько миль вокруг, и никто ничего про него не слышал. Выдра, видимо, даже больше встревожен, чем хочет показать. Я из него выудил, что маленький Портли ещё не научился как следует плавать. Я понимаю, он думает о плотине. Там сильный водосброс, а малышу это место кажется очень привлекательным. Ну, и бывают... ну, капканы там и другое, сам понимаешь. Выдра не такой отец, чтобы паниковать раньше времени, а сейчас он в отчаянии. Когда я уходил, он вышел меня проводить, сказал, что хочет подышать воздухом, размяться и всё такое. Но я понял, что не в этом дело, я выпросил его, всё из него вытряс в конце концов. Он сказал, что проведёт ночь возле брода. Ну, ты знаешь то место, где раньше был брод, в давние времена, до того как построили мост.

— Хорошо знаю, — сказал Крот. — Но почему он решил ждать именно там?

— В том месте он начинал учить Портли плавать, — продолжал дядюшка Рэт. — С той гравийной насыпи, где мелко. И в том самом месте он его учил рыбачить, и малышка именно там поймал свою первую рыбку. Выдра говорит, Портли очень полюбил это местечко, и, где бы он ни находился (где бы он ни находился сейчас, бедняжка!), вероятнее всего, что пойдёт через брод, который он так любит, и, может быть, решит там задержаться и поиграть. Выдра ходит туда каждую ночь и ждёт: а вдруг, ну просто — а вдруг.

Оба какое-то время помолчали, думая об одном и том же — о печальном одиноком звере, сгорбившемся возле брода, ждущем целую долгую ночь — а вдруг!

— Ну, что же,— сказал дядюшка Рэт.— Пора нам и на боковую.— Но при этом даже не шелохнулся.

— Рэтти, я просто не могу лечь и заснуть и ничего не предпринять, хотя я и не знаю, что тут можно предпринять. Давай выведем лодку и поедем вверх по течению. Луна покажется примерно через часок, и мы как сможем — поищем, во всяком случае, это лучше, чем завалиться спать и не делать уж совсем ничего.

— Я как раз и сам об этом подумал,— сказал дядюшка Рэт.— Это не такая ночь, чтобы спать. Да и рассвет не так уж далеко, и к тому же мы можем что-нибудь разузнать о нём от тех, кто встаёт на рассвете.

Они вывели лодку, дядюшка Рэт сел на вёсла и начал тихо грести. Посредине реки тянулась ясная узкая полоса, которая слабо отражала небо, но там, где тени от кустов или деревьев падали на воду с берега, они казались такими же плотными, как и сам берег, и Кроту надо было внимательно следить за рулём. Было темно и пусто, ночь была полна неясных звуков, чьих-то песен, разговоров, шорохов, говоривших о



том, что мелкое ночное население бодрствует, поглощённое своими занятиями, пока рассвет их всех не застигнет и не отправит на отдых, который они вполне заработали. Шум самой воды был ночью тоже слышнее, чем днём, хлюпанье и журчание были более отчётливыми и возникали как бы под рукой, и оба они постоянно вздрагивали от неожиданного и почти что членораздельными словами выраженного звука.

Линия горизонта была ясна и тверда, а в одном месте вдруг прорисовалась и вовсе чёрным на фоне фосфорического сияния, которое всё разгоралось и разгоралось. Наконец над краем замершей в ожидании земли поднялась луна, медленно и величественно, и покачнулась над горизонтом, и поплыла, словно отбросив якорный канат, и снова стали видимы поверхности, широко раскинувшиеся луга, спокойные сады и сама река — от берега до берега, всё мягко себя обнаружило, всё избавилось от таинственности и страха, всё осветилось как днём, а вместе с тем вовсе не как днём, а совсем, совсем иначе.

Знакомые, любимые места по берегам вновь их приветствовали, но точно в иных одеяниях,



как будто они незаметно исчезли, а затем тихонько вернулись назад, но только в других, чистых одёжках, и теперь застенчиво улыбались, ожидая, будут ли они узнаны в новом облачении.

Привязав лодку к стволу старой ивы, друзья сошли на берег в этом тихом серебристом королевстве и терпеливо обыскали заросли кустарника, дуплистые деревья, ручьи, овражки, пересохшие русла весенних протоков. Снова вернувшись на борт и переправившись на противоположный берег, всё то же проделали и там, а луна, спокойная и далёкая в безоблачном небе, всячески старалась им помочь в их поисках, пока не настал её час, и она нехотя не спустилась к земле и не оставила их, и таинственность снова не окутала реку и землю.

И тогда всё стало медленно изменяться. Горизонт прояснился, поля и деревья стали приобретать чёткие очертания и вид у них был уже немножечко другой, тайна стала от них отступать.

Неожиданно свистнула какая-то птица, и снова всё замолкло. И возник лёгкий ветерок и заставил шелестеть камыши и осоку.

Дядюшка Рэт, который в этот раз правил лодкой, вдруг выпрямился и стал к чему-то жадно прислушиваться. Крот, нежными прикосновениями к воде заставляя лодку медленно двигаться, чтобы можно было хорошенечко оглядеть берега, смотрел на него с любопытством.

— Исчезло! — воскликнул дядюшка Рэт, сгорбившись на сиденье. — Так красиво, странно и необычно! Уж если это должно было так быстро кончиться, лучше бы этого и не слышать вовсе! Во мне проснулась какая-то тоска, и кажется, ничего бы я больше в жизни не хотел, только слушать и слушать. Нет! Вот оно снова! — воскликнул он опять, настораживаясь.

Некоторое время он молчал как зачарованный.

— Опять исчезает, опять удаляется! О, Крот, какая красота! Весёлая, радостная мелодия, прекрасные звуки отдалённой свирели. Я и во сне никогда не слышал такой музыки! Она зовёт! Гребни, гребни, Крот! Эта музыка для нас, она нас призывает к себе!

Крот, впадая в величайшее изумление, подчинился.

— Я ничего не слышу,— сказал он.— Я слышу только, как ветер играет в камышах, и в осоке, и в ивах.

Рэт ничего не ответил, а может быть, и не услышал, что сказал Крот. Восхищённый, он весь отдался состоянию восторга, который заключил его, маленького, трепещущего, в свои сильные и мощные объятия.

Крот молчал и только непрерывно взмахивал вёслами, и вскоре они достигли того места, где с одной стороны от реки отделялась большая заводь. Лёгким движением головы Рэт, который давно уже бросил заниматься лодкой, указал гребцу держать в сторону заводи. Медленный прилив света в небе всё увеличивался и увеличивался, и можно было различить, какого цвета цветы, точно драгоценными камнями окаймлявшие берег.

— Всё яснее и ближе! — радостно закричал дядюшка Рэт.— Ну, теперь-то ты должен слышать. А! Наконец-то! Теперь я вижу, что и ты услышал!

Крот перестал грести и замер, затаив дыхание, потому что и на него, точно волной, пролилась мелодия, и окатила его, и завладела им совершенно. Он увидел слёзы на глазах своего друга и наклонил голову, сочувствуя и понимая. Лодка скользила по воде, с берега их задевали

розовые цветы вербейника. И тогда отчётливый и властный призыв, который сопровождался опьяняющей мелодией, продиктовал свою волю Кроту, и он снова взялся за вёсла. А свет становился всё ярче, но ни одна птица не пела, хотя они обычно щебечут перед приходом зари, и, кроме небесной этой мелодии, больше не было слышно ни единого звука.

Травы по обеим сторонам заводи в это утро казались какой-то особой, ни с чем не сравнимой зелёности и свежести. Никогда розы не казались им такими живыми, кипрей таким буйным, таволга такой сладкой и душистой. Затем бормотание плотины стало заполнять воздух, и они ощутили, что приближаются к развязке своей экспедиции.

Полукружие белой пены, вспыхивающие лучи, блеск, сверкающие перепады зелёной воды — большая плотина перегораживала заводь от берега до берега, смущая всю спокойную поверхность маленькими вертящимися водоворотами и плывущими хлопьями пены, заглушая все другие звуки своим торжественным и умиротворяющим говором.

В самой середине потока, охваченный блистающим объятием плотины, бросил якорь малюсенький островок, окаймлённый густой зарослью ивняка, серебристых берёзок и ольхи. Тихий, застенчивый, но полный таинственного значения, он скрывал то, что таилось там, в середине, скрывал до тех пор, пока настанет час, а когда час настал, то открывался только признанным и избранным.

Медленно, но нисколечко не раздумывая и не сомневаясь, в некотором торжественном ожидании, оба зверя проплыли через встревоженную, взбаламученную воду и причалили к самой кромочке острова, покрытой цветами. Они молча сошли на берег и стали пробираться через цве-

тущие, душистые травы и кустарник, туда, где земля была ровной, пока наконец не добрались до маленькой полянки, зелёной-зелёной, на которой самой Природой был разбит сад. Там росли дикие яблони, и дикие вишни, и терновник.

— Вот это место, о котором рассказывала музыка,— прошептал дядюшка Рэт.— Здесь, здесь мы его встретим, ТОГО, КОТОРЫЙ ИГРАЛ НА СВИРЕЛИ.

И тогда вдруг на Крота напал священный ужас, и он опустил голову, и мускулы его стали точно тряпочные, а ноги вросли в землю. Это не был страх, нет, он был совершенно счастлив и спокоен. А просто, просто он почувствовал, что где-то близко-близко здесь находится ТОТ, КОТОРЫЙ ИГРАЛ НА СВИРЕЛИ. Он оглянулся на своего друга и понял, что и он тоже находится в таком же состоянии. А полные птиц кусты по-прежнему безмолвствовали, а заря всё разгоралась.

Может, он и не решился бы поднять голову, но, хотя музыка уже стихла, призыв всё так же властно звучал внутри него. Он не мог не посмотреть, даже если бы сама смерть мгновенно справедливо его поразила за то, что он взглянул смертными глазами на сокровенное, что должно оставаться в тайне. Он послушался и поднял голову, и тогда в светлых лучах приближающейся зари, когда даже сама Природа, окрашенная невероятным розовым цветом, примолкла, затаив дыхание, он заглянул в глаза ДРУГА И ПОМОЩНИКА, ТОГО, КОТОРЫЙ ИГРАЛ НА СВИРЕЛИ. Он ясно увидел кудри и крючковатый нос между добрыми глазами, которые смотрели на них ласково, а рот, спрятавшийся в бороде, приоткрылся в полуулыбке, увидел руку возле широкой груди

и другую руку, которая держала свирель, только что отведённую от губ, видел крепкие ноги, прочно опирающиеся на дёрн, и угнездившегося между его ступнями крепко спящего в полном покое, маленького, кругленького, толстенького детёныша Выдры. Всё это он увидел своими глазами, совершенно отчётливо на фоне рассветного неба! Он всё это увидел своими глазами и остался жив, а оставшись в живых, очень этому удивился.

— Рэт,— нашёл он в себе силы прошептать,— ты боишься?

— Боюсь? — пробормотал тот, и глаза его сияли несказанной любовью.— Боюсь? Его? Да нет же, нет! И всё-таки... Всё-таки мне страшно, Крот!

И оба зверя склонились к земле в порыве благодарности.

Неожиданный и величественный, поднялся над горизонтом солнечный диск и взглянул на них. Его первые лучи, прострелившие насквозь заливной луг, плеснули светом в глаза и ослепили их. А когда они снова открыли глаза, виде-



ние исчезло и воздух наполнился птичьими гимнами, славящими зарю.

И когда оба друга глядели пустым взглядом, погружаясь в печаль оттого, что они видели и тут же утратили, капризный лёгкий ветерок, танцуя, поднялся с поверхности воды, растрепал осины, тряхнул покрытые росой розы, легко и ласково дунул им в лицо, и с его лёгким прикосновением наступило забвение, потому что ДРУГИ ПОМОЩНИК каждому, перед кем он предстал и кому помог, напоследок посылает ещё один чудесный дар: способность забыть. Чтобы воспоминание о необычном не укоренилось и не разрасталось в душе, чтобы оно не затмевало радостей дальнейшей жизни для тех, кого он выручил из беды и кому помог, чтобы каждый оставался счастливым и беззаботным, как прежде.

Крот протёр глаза и вытаращился на дядюшку Рэт, который в недоумении оглядывался вокруг.

— Ты что-то сказал, Рэт? — спросил он.

— Я только заметил, что это то самое место.



Тут только мы его и сможем найти. Погляди! А вот и малыш!

И с радостным возгласом он бросился к дремлющему Портли. А Крот ещё минуточку постоял неподвижно, погружённый в свои мысли. Как тот, кого вдруг разбудили от хорошего сна, старается удержать его, и не может ничего вспомнить, и не может вызвать в памяти ничего, кроме чувства красоты. Да, красоты. Пока и она, в свою очередь, не поблекнет, пока сам проснувшийся не поймёт окончательно, что он проснулся и должен начать осознавать грубую действительность. Наконец Крот, поняв, что он не может удержать воспоминания, тряхнул головой и пошёл вслед за дядюшкой Рэт.

Портли проснулся, издав радостный писк, и стал весь извиваться оттого, что он видит близких друзей своего отца, которые так часто, бывало, играли с ним. Но вдруг мордочка его сделалась озабоченной, и он начал бегать кругами, принохиваясь и повизгивая жалобно. Как дитя, которое уснуло счастливым на руках у няни, и вдруг пробудилось в одиночестве и в незнакомом месте, и бегаёт по комнатам, ничего не узнавая, и отчаяние всё больше и больше овладевает его сердечком. Так и Портли всё что-то искал и искал по всему острову и, не найдя, сел и заплакал.

Крот кинулся утешать маленького зверушку, а дядюшка Рэт пристально и с изумлением глядел на большие следы, отпечатавшиеся на траве.

— Какой-то... большой зверь... был тут,— бормотал он в задумчивости и никак не мог выбраться из этой задумчивости.

— Пошли, Рэт,— окликнул его Крот.— Подумай о бедном дядюшке Выдре, который ждёт там у брода!

Портли быстренько утешили, пообещав про-

катить его по реке на лодке. Оба зверя препроводили малыша в лодку, надёжно усадили между собой на дно и двинулись по заводи к основному руслу. Солнце уже совсем взошло и согревало их, и птицы распевали во всю мочь, и цветы улыбались и кивали с обоих берегов, хотя они были не такими яркими, как, помнилось, они где-то недавно видели, сами не зная где. Добравшись до середины реки, они развернули лодку по течению вверх, туда, где, как они знали, их друг нёс свою одинокую вахту.

Когда они уже приближались к знакомому броду, Крот подвёл лодку к берегу, они подняли маленького Портли и высадили на берег, поставив его ножками на тропинку, наказали, каким путём ему идти, дали ему прощального шлепка и выгребли обратно на середину реки. Они видели, как маленький зверёк шёл по тропинке, довольный и важный. Они наблюдали за ним, пока не увидали, как его мордочка вдруг поднялась и походка вперевалочку перешла в лёгкий бег, сопровождаемый радостным визгом и вилянием. Взглянув вверх по реке, они увидели, как дядюшка Выдра вздрогнул и поднялся с отмели, где, сгорбившись, ждал с упорным терпением, и услышали его радостный, удивлённый взлай, когда он кинулся от ивовых зарослей к тропинке. Тогда Крот ударом весла развернул лодку и предоставил течению нести их куда ему будет угодно, потому что их трудные поиски счастливо завершились.

— Я чувствую себя как-то странно утомлённым, Рэт, — сказал Крот, облакачиваясь о вёсла, в то время как лодка сама скользила по течению. — Ты скажешь потому, что мы всю ночь не спали. Но ведь мы часто не спим по ночам летом, и ничего. Нет, дело не в этом. У меня такое чувство, точно мы испытали нечто удиви-

тельное и даже страшное, а вместе с тем ничего не случилось.

— Или что-то удивительное, и прекрасное, и красивое,— пробормотал дядюшка Рэт, откидываясь назад и закрывая глаза.— И я тоже, Крот, смертельно устал, как и ты, просто смертельно устал. Хорошо, что нам нужно плыть вниз по течению, оно доставит нас домой. Хорошо чувствовать, что солнышко снова прогревает прямо до костей, правда? И слушать, как ветер шелестит в камышах!

— Это как музыка, музыка в отдалении,— сонно кивнул Крот.

— И я так же думаю,— пробормотал дядюшка Рэт медленно и вяло.— Танцевальная музыка, которая звучит не переставая, но у неё есть слова, она переходит в слова, а потом опять — обратно, я иногда их даже различаю, а потом она снова — танцевальная музыка, а потом — только мягкий шёпот камышей.

— Ты слышишь лучше меня,— печально заметил Крот.— Я совсем не слышу никаких слов.

— погоди, я попробую их тебе пересказать,— пообещал дядюшка Рэт ласково.— Вот мелодия опять превращается в слова, тихие, но понятные: «Чтобы светлая чистая радость твоя — Не могла твоей мукою стать.— Что увидит твой глаз в помогающий час,— Про то ты забудешь опять!» Теперь камыши подхватывают: «Забудешь опять — забудешь опять»,— они вздыхают, и слова переходят в шелест и шёпот. А вот опять голоса возвращаются: «Прихожу, чтоб не мучился ты,— Я пружину капкана сломать.— Как силок твой я рву, видишь ты наяву,— Но про то ты забудешь опять!» Крот, гребни поближе к камышам! Очень трудно понимать, и с каждой минутой слова звучат всё тише: «Я целитель, я помощь, я друг,— Вам не надо

заблудших искать.— Отыщу, исцелю, обсушу, накормлю,— Но прошу вас: забудьте опять!» Ближе, Крот, ближе! Нет, бесполезно, песня превратилась в шелест камыша.

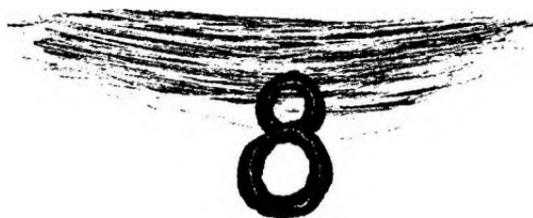
— А что же эти слова означают? — спросил Крот недоумевая.

— Этого я не знаю,— сказал дядюшка Рэт просто.— Я тебе их передал, как они достигли моего слуха. Ах! Вот они снова звучат, на этот раз ясно, отчётливо...

— Повтори их, пожалуйста,—попросил Крот, терпеливо прождав несколько минут и уже задрёмывая на жарком солнышке.

Но ответа не последовало. Он оглянулся и понял причину молчания. Со счастливой улыбкой на лице и точно к чему-то прислушиваясь, утомлённый дядюшка Рэт крепко спал на корме.





---

**Приключения  
мистера Тоуд**



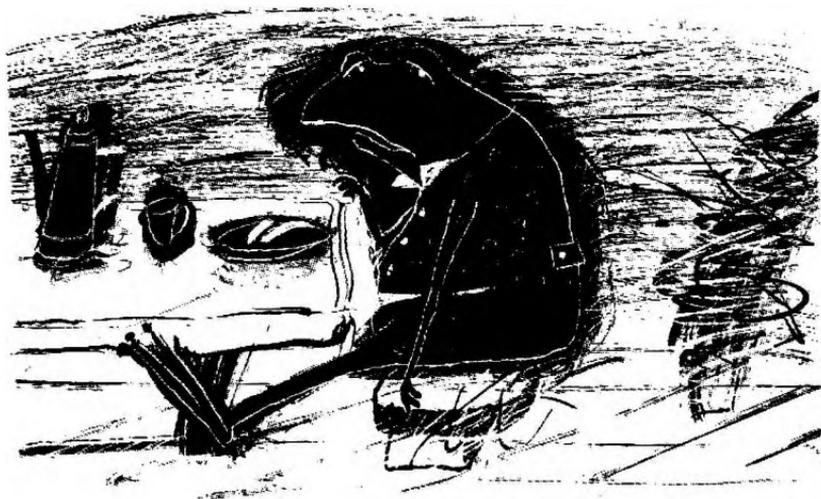




огда мистер Тоуд оказался в сырой и зловонной темнице, он понял, что весь мрак средневековой крепости лежит между ним и внешним миром, где сияет солнышко. Там пролегают

великолепные мостовые, где он ещё так недавно бывал счастлив и развлекался как хотел, словно приобрёл в безраздельную собственность все дороги Англии! Он бросился на пол ничком, зарыдал и предался самому чёрному отчаянию.

«Всё, всему конец,— говорил он,— во всяком случае, конец процветанию мистера Тоуд, а это, в сущности, одно и то же, известного мистера Тоуд, прекрасного мистера Тоуд, богатого и гостеприимного мистера Тоуд, весёлого, беззаботного и жизнерадостного! И как я могу надеяться снова оказаться на свободе, когда это вполне справедливо, что меня посадили в тюрьму (говорил он), потому что я угнал прекрасную машину таким наглым образом да ещё так само-



уверенно дерзил стольким толстым, краснолицым полицейским! (Тут рыдания стали его душить.) Дурак я, дурак, теперь придётся мне томиться в этой крепости. За это время те, кто гордился знакомством со мной, окончательно забудут даже самоё имя мистера Тоуд! О мудрый старина Барсук! О мудрый и дельный дядюшка Рэт! О благоразумный Крот! Какими основательными суждениями, каким великолепным пониманием людей и обстоятельств вы обладаете! Бедный, покинутый Тоуд!»

В жалобах, подобных этим, проводил он дни и ночи в течение нескольких недель, отказываясь от завтрака, обеда и ужина и даже от лёгких закусок, хотя старый и мрачный тюремщик, зная, что в кармане мистера Тоуд водятся денежки, неоднократно намекал ему, что кое-что для утешения и ободрения можно организовать с воли за соответствующую мзду.

У тюремщика была дочка, приятная девчонка, к тому же добросердечная, которая помогала отцу в нетрудных делах во время его дежурств. Особенно она любила животных. У неё была канарейка, чья клетка днём висела на гвозде, вбитом в массивную стену главной башни в крепости. На это очень досадовали заключённые, канарейка мешала вздремнуть после обеда. Кроме того, дочка тюремщика держала ещё несколько пёстреньких мышек и беспокойную, вертящуюся в колесе белку. Этой доброй девушке было от души жаль несчастного мистера Тоуд, и она однажды сказала отцу:

— Отец! Мне невыносимо видеть, как страдает и худеет этот несчастный зверь. Позволь мне им заняться. Ты же знаешь, как я люблю животных! Я его заставлю есть у меня из рук и вообще поставлю его на ноги.

Отец разрешил дочери делать всё, что она

хочет, потому что мистер Тоуд успел ему надоесть со всей его тоской, и капризами, и подлым характером. Она занялась подготовкой милосердного дела. И в тот же день постучалась в дверь погребца, где томился Тоуд.

— Ну, Тоуд, давай-ка взбодрись,— обратилась к нему девушка.— Садись к столу, вытри глаза и будь благоразумным зверем. И давай пообедай. Я сама приготовила. Всё тёплое, только что с плиты.

Это было жарко́е с овощами, положенное между двух тарелок, и его аромат наполнил тесное подземелье. Всепроникающий запах капусты добрался до носа, когда мистер Тоуд в тоске лежал ничком на полу, и стал внушать ему мысль, что, может быть, жизнь не такая уж пустая и безнадёжная вещь, как он себе вообразил. Но он продолжал подвывать и брыкаться ногами, не позволяя себя утешить. Сообразительная девушка на время удалилась, и, так как большая часть запаха горячей тушёной капусты осталась в помещении, мистер Тоуд между приступами рыданий потянул носом и немножечко призадумался, и постепенно к нему стали являться новые и вдохновляющие мысли: о рыцарстве, о поэзии, и о том, что ему ещё предстоит совершить, и о просторных лугах, и о коровах, которые на них пасутся, и как их поглаживает ветер и солнышко, и об огородах, и о цветочных бордюрах на клумбах, и о тёплом львином зеве, облепленном пчёлами, и о приятном звоне тарелок, когда в Тоуд-Холле накрывают на стол, и о том, какой приятный звук издают ножки стульев, когда каждый из гостей пододвигается к столу, чтобы заняться важным делом. Воздух в тесном его погребе вдруг приобрёл розоватый оттенок, и мистер Тоуд стал думать о своих друзьях, что они, наверное, что-нибудь предпри-

мут, об адвокатах, которые, должно быть, с удовольствием возьмутся его защищать, и какой он осёл, что до сих пор ни одного из них не пригласил, и под конец он подумал о собственном уме, и скрытых возможностях и о том, на что он способен, если заставит свой великий ум как следует работать, и, таким образом, курс лечения почти что был завершён.

Когда через пару часов девушка пришла снова, она несла на подносе чашку душистого чаю, от которого шёл пар, и тарелочку с горкой горячих, намазанных маслом тостов, толстых, с коричневой корочкой с обеих сторон, и масло стекало по ноздреватому хлебу золотыми каплями, как мёд вытекает из сот. Запах намасленных тостов ну просто говорил с мистером Тоуд о совершенно конкретных вещах: о тёплых кухнях, о завтраке ясным морозным утром, об уютном кресле возле горящего камина зимним вечером, когда уже все прогулки завершены и ноги в тапочках покоятся на каминной решётке, о сытом мурлыканье кота и тихом чириканье засыпающей канарейки. И мистер Тоуд в очередной раз возродился к жизни. Отёр глаза, хлебнул чайку, зачавкал тёплыми тостами и вскоре разговорился. Он стал рассказывать о себе самом и о доме, в котором он живёт, и о своих деяниях, и о том, какая он значительная фигура и какого его друзья о нём высокого мнения. Дочка тюремщика заметила, что разговор на эту тему приносит ему пользу не меньшую, чем намасленные тосты с чаем, что и было на самом деле, поэтому она всячески поощряла его и просила продолжать.

— Расскажи мне о Тоуд-Холле,— сказала она,— это звучит так привлекательно.

— О, Тоуд-Холл — это очень подходящая резиденция для джентльмена, там есть абсолютно всё необходимое, это уникальное имение, оно

частично восходит к четырнадцатому веку, но снабжено всеми современными удобствами. Современный санузел. Пять минут ходьбы от церкви, почты и площадок для игры в гольф. Подходящее для...

— Да будет тебе,— засмеялась девушка,— я же не собираюсь его у тебя покупать. Расскажи мне про него что-нибудь интересное. Но сначала я схожу ещё за одной порцией чаю.

Она упорхнула и тут же появилась с полным подносом. Тоуд с жадностью набросился на тосты, при этом его настроение окончательно поднялось до обычного уровня. Не переставая жевать, он рассказал ей о лодочном сарае и о пруде, где водятся караси, и про обнесённый высоким забором огород, и про свинарник, и про конюшни, и про голубятню, и про курятник, и про маслобойню, и прачечную, и про буфеты с посудой, и про гладильные приспособления (это ей понравилось больше всего), и про банкетный зал, и как там бывало весело, когда другие звери собирались у него за столом, и как он бывал в ударе — пел песни, рассказывал разные истории и вообще был душой общества. Потом она расспросила о его друзьях и проявила большой интерес ко всему, что он о них рассказывал, и как они живут, и как проводят время. Конечно, она не сказала ему, что звери для неё — просто домашние любимцы, у неё хватило такта понять, что Тоуд на это страшно обидится. Когда вечером она пожелала ему спокойной ночи, взбив перед тем солому, на которой он спал, Тоуд был уже в значительной степени прежним — уверенным и самовлюблённым зверем. Он спел песенку-другую из тех, что любил петь во время своих застолий, зарылся в солому и отлично отдохнул за ночь, причём ему снились приятные сны. С того дня печальное заточение мистера Тоуд

скрашивалось множеством милых бесед, так как дочке тюремщика было очень жаль бедного узника. Ей казалось сущим безобразием то, что несчастный маленький зверёк томился в тюрьме. Ей казалось, что он осуждён за совсем небольшую провинность. А тщеславный Тоуд, как водится, вообразил, что она проявляет к нему вполне определённый интерес, и очень сожалел, что она не такого высокого, как он, происхождения, потому что она была очень хорошенькой девушкой и к тому же восхищалась им выше меры.

Однажды девушка пришла к нему какая-то задумчивая, отвечала невпопад. Ему показалось, что она не обращает достаточного внимания на его остроумные фразы и искромётные замечания.

— Тоуд,— сказала она наконец,— я прошу тебя, послушай внимательно. У меня есть тётка. Она работает прачкой.

— Ну, ничего, не огорчайся,— сказал он изысканно-любезно.— Забудь про это. У меня есть несколько тёток, которые заслуживают того, чтобы быть прачками.

— Помолчи минуточку,— сказала девушка.— Ты слишком много говоришь, это твоя главная беда. Я стараюсь что-нибудь придумать, а от твоих разговоров у меня начинает болеть голова. Как я уже сказала, у меня есть тётка, и эта тётка — прачка. И она обстирывает всех заключённых в этой крепости. Мы стараемся, как ты понимаешь, чтобы тут все члены семьи могли зарабатывать. Она забирает грязное бельё в понедельник утром и приносит выстиранное в пятницу вечером. Сегодня четверг. Вот что мне пришло в голову. Ты — богатый, так ты мне, по крайней мере, говоришь, а она — бедная. Несколько фунтов для тебя не составят

никакой разницы, а для неё они имели бы огромное значение. Ну, если с ней как следует поговорить, вы бы могли договориться. Она бы тебе дала своё платье и чепец, ну и так далее, и ты бы выбрался из крепости под видом прачки. Вы с ней во многом похожи, в особенности фигурой.

— Нисколько не похожи,— сказал Тоуд раздражённо.— У меня очень изящная фигура для такого, как я.

— У неё — тоже,— ответила девушка.— Для такой, как она. Ну, делай как знаешь, ты жуткий, самовлюблённый, неблагодарный зверь. Мне просто тебя жаль, и я стараюсь тебе помочь!

— Да, да, конечно, огромное тебе спасибо! — сказал мистер Тоуд торопливо.— Но послушай, как же ты хочешь, чтобы мистер Тоуд из Тоуд-Холла бродил по окрестностям в обличье прачки?

— Ну, тогда сиди здесь в своём собственном обличье! — ответила она с жаром.— Я думаю, тебе хочется умчаться отсюда в карете, запряжённой четвёркой рысаков?

Честный мистер Тоуд всегда был готов признать свою неправоту.

— Ты хорошая, добрая, умная девочка,— сказал он.— А я и на самом деле самовлюблённая и глупая жаба. Познакомь меня с твоей достойной тётушкой, прошу тебя, и я полагаю, что мы с этой милой леди сумеем договориться на условиях, приемлемых для обеих сторон.

На следующий день девушка провела к нему свою тётушку, у которой в руках было завернутое в полотенце и заколотое булавкой выстиранное за неделю бельё. Старая дама была уже подготовлена к беседе заранее, а блеск некоторого количества золотых монет, которые мистер

Тоуд предусмотрительно разложил на столе на самом видном месте, практически завершил дело и оставил очень мало простора для обсуждений. В обмен за наличные Тоуд получил платье из ситчика в цветочках, передник, шаль и поношенный чепец.

Единственное условие, которое старая леди поставила, желая избежать подозрений, — чтобы её хорошенько связали, швырнули на пол и засунули в угол. Этим не очень убедительным ухищрением и при помощи выразительного рассказа, который она сочинит, она надеялась сохранить своё место постоянной тюремной прачки, несмотря на то, что всё, конечно, будет выглядеть довольно подозрительно. Тоуд был в восторге от этого предложения. Оно придавало блеск его бегству, и его репутация неисправимого и опасного существа снова подтвердится. Он с готовностью помог дочке тюремщика придать тётушке такой вид, будто она явилась жертвой непреодолимых обстоятельств.

— Ну, теперь твоя очередь, Тоуд, — сказала девушка. — Снимай-ка пиджак и жилет, ты сам по себе достаточно толстый.



Трясаясь от смеха, она застегнула на нём крючки ситцевого платья, накинула на него шаль и завязала ленточки поношенного чепчика у него под подбородком.

— Ну, ты просто вылитая тётушка,— рас- смеялась она,— и, я уверена, ты никогда в жиз- ни не выглядел таким респектабельным. До сви- дания, Тоуд, счастливо тебе! Иди вниз тем же путём, каким тебя сюда привели, и, если эти мужланы-стражники будут отпускать в твой адрес нелепые шуточки, ты лучше просто отшу- тись и помни — ты вдова, совершенно одинокая, которая вынуждена дорожить своим честным именем.

С бьющимся сердцем и настолько твёрдой поступью, насколько это ему удалось, мистер Тоуд двинулся в своё рискованное и опасное путешествие. Вскоре он с радостью обнаружил, что всё идёт как по маслу, хотя его немного уни- жало, что ни пол, ни одежда, которые облегчали ему путь, ему лично не принадлежали.

Приземистая фигура прачки в знакомом пла- тье из набивного ситца сама по себе была про- пуском, отпиравшим любую запертую дверь,



дававшим возможность миновать мрачные тюремные коридоры, и даже, когда он один раз засомневался, не зная, куда было бы правильнее свернуть, ему помог стражник, стоявший на часах у ближайших ворот, который спешил выпить свою чашечку горячего чая и поэтому прикрикнул на «прачку», чтобы она проходила быстрее, а не заставляла бы его торчать тут целую ночь. Самой главной опасностью для мистера Тоуд были всякие шуточки и заигрывания, на которые он должен был быстро и язвительно отвечать. Мистер Тоуд был зверем с развитым чувством собственного достоинства, и ему трудно было отшучиваться, когда на него сыпались остроты, как ему казалось, лишённые всякого юмора и изящества. Он, однако, старался не выходить из себя и, хоть и с большим трудом, приспособливал свои реплики к уровню умственного развития остряков, но при этом всячески старался остаться в рамках приличия.

Ему показалось, что несколько часов прошло, пока он пересёк последний внутренний двор, сумел отвертеться от настойчивых приглашений из последней дежурки, уклониться от протянутых рук последнего стражника, который, притворяясь очарованным, пытался обнять прачку на прощанье. Но наконец он услышал, как замок в калитке, вделанной в огромные наружные ворота крепости, защёлкнулся за ним, ощутил прикосновение вольного воздуха к покрытому испариной лбу и понял, что он свободен!

У него закружилась голова от того, как легко совершил он этот подвиг, и он быстро зашагал туда, где мерцали огоньки ближайшего города. Он не имел ни малейшего представления, что ему теперь делать, и знал только одно, что ему нужно срочно убраться из тех мест, где леди,

которую он вынужден был изображать, была такой известной и популярной фигурой.

Когда он, размышляя, вышагивал по дороге, его внимание привлекли красные и зелёные огни чуть поодаль от него и слегка в стороне от города, а слуха коснулось пыхтение паровозов и лязг товарных платформ на стрелках.

«Ага! — подумал он. — Вот это повезло так повезло. В данную минуту железнодорожный вокзал — это для меня самое нужное место на свете. И главное, мне не придётся идти через город и делать вид, будто я прачка. Правда, мои находчивые ответы в стиле прачки послужили мне и помогли выбраться из тюрьмы, но они нисколько не служат самоуважению».

Таким образом, он направился к вокзалу, изучил расписание и выяснил, что поезд, который шёл примерно в том направлении, какое ему было нужно, должен отправиться через полчаса.

— И снова повезло! — заметил мистер Тоуд.

Его настроение ещё улучшилось, и он направился в кассу покупать билет.

Он назвал город, который был расположен ближе всего к той деревне, где Тоуд-Холл был главной достопримечательностью, и машинально стал шарить в том месте, где находится жилетный карман, а в нём — деньги на билет. Но в дело вмешалось ситцевое платье, которое всё ещё было на нём и о котором он начисто забыл. Точно в дурном сне, он пытался победить эту жуткую незнакомую материю, которая, как ему казалось, ловит и держит его руки, и смеётся, и издевается над ним, а другие пассажиры, выстроившись за ним в очередь, ожидали с нетерпением, давая советы более или менее полезные и отпуская замечания более или менее сердитые. Наконец — он сам не понял, каким образом, — он всё-таки победил этот ситец,

достиг того места, где от начала веков располагаются жилетные карманы, и не обнаружил там не только денег, но и решительно никакого кармана, где эти деньги могли бы помещаться!

С ужасом он вспомнил, что и пиджак, и жилет он оставил в покинутой темнице, а вместе с ними и записную книжку, бумажник, ключи, часы, спички, пенальчик с карандашами — всё то, что придаёт смысл жизни и отличает зверя со множеством карманов от тех, которые имеют всего один карман или не имеют их вовсе и прыгают и бегают вокруг совершенно не экипированные.

Приходя в отчаяние, он сделал безнадёжную попытку спасти положение и сказал в своей прежней манере, которая была смесью манер богатого помещика и кембриджского профессора:

— Послушайте! Я забыл захватить кошелёк. Дайте мне билет, и я пришлю вам деньги завтра. Имя моё хорошо известно в этих местах.

Кассир поглядел на него и на его поношенный чепчик и рассмеялся.

— Думаю, тебя и вправду хорошо знают в этих местах, если ты частенько пользуешься этой выдумкой. Отойдите от окна, госпожа, не мешайте другим пассажирам.

Какой-то старый джентльмен, который уже давно сверлил его пальцем в спину, оттолкнул его от кассы и, что хуже всего, назвал его «милейшая», что рассердило мистера Тоуд больше всего из случившегося с ним в этот вечер.

Впадая в полнейшее отчаяние, ничего не видя перед собой, побрёл он вдоль платформы, у которой стоял поезд, и слёзы струились по обеим сторонам его носа. Он думал, как это жестоко, быть так близко от безопасного места, от собственного дома, и встретить препятствие в виде не-

скольких жалких шиллингов и вздорного формалиста-кассира. Очень скоро его побег обнаружится, и будет выслана погоня, и его поймают, и закуют в цепи, и потащат снова в темницу, и посадят на хлеб и воду, и удвоят охрану, и удвоят срок! А какие язвительные замечания будет отпускать девушка! Но что же делать? Он не очень-то скор на ноги, а фигура его, к сожалению, легко узнаётся в этих местах. Может, втиснуться под лавку в вагоне? Он видывал, как школьники пользовались этим методом, когда деньги, данные на проезд заботливыми родителями, бывали истрачены на иные, более важные дела. Размышляя, он не заметил, как очутился возле паровоза, который смазывал, вытирал и всячески ласкал любящий машинист — здоровенный дядька с маслёнкой в одной руке и с ветошью в другой.

— Эй, матушка,— сказал машинист,— что случилось? Вид у тебя что-то не очень весёлый, а?

— О, сэр! — сказал мистер Тоуд, снова заливаясь слезами.— Я несчастная убогая прачка, и я потеряла деньги, и теперь мне нечем заплатить за билет, а мне просто необходимо попасть домой, и что теперь делать, я не представляю себе. О боже мой, боже мой!

— Да, действительно плохо дело,— сказал машинист задумчиво.— Потеряла деньги, и домой тебе не попасть, и детишки у тебя, наверно, есть, правда?

— Страшное количество,— всхлипнул мистер Тоуд.— И они все останутся голодными, и начнут баловаться со спичками, и попрокидывают керосиновые лампы, бедные, невинные крошки! И передерутся, и невообразимо что ещё натворят. О боже мой, боже мой!

— Послушай, я тебе скажу, что мы с тобой

сделаем,— стал утешать его добрый машинист.— Ты говоришь, ты прачка по профессии. Ну и хорошо, пусть так и будет. А я, как видишь, машинист, и тут уж ничего не скажешь, работа эта страшно грязная. Рубашек уходит — сила, супружница моя замучилась их стирать, если ты выстираешь мне несколько рубашек, когда доберёшься до дому, я тебя довезу на паровозе. Это, конечно, запрещено администрацией, но в этих отдалённых местах мы не так уж строго придерживаемся правил.

Отчаяние мистера Тоуд мгновенно перешло в восторг, и он живо вскарабкался в кабину паровоза. Конечно, он в жизни не выстирал ни одной рубашки и не смог бы этого сделать, даже если бы и взялся, впрочем, он и не собирался этого делать. Он подумал: «Когда я доберусь в Тоуд-Холл, то у меня снова будут деньги и карманы, куда их класть. Тогда я пошлю машинисту столько денег, сколько хватит заплатить за стирку целой горы рубашек, а это будет то же самое или даже ещё лучше».

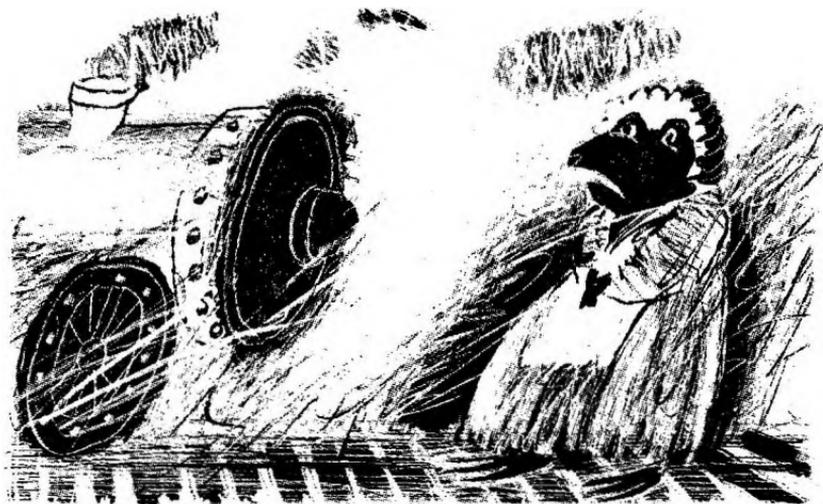
Дежурный махнул зелёным флажком, ма-



шинист ответил ему весёлым свистом, и поезд отошёл от перрона. По мере того как увеличивалась скорость и по обе стороны полотна проносились мимо поля, и деревья, и живые изгороди, и коровы, и лошади, Тоуд чувствовал, как с каждой минутой к нему приближается и Тоуд-Холл, и добрые друзья, и деньги, которые будут звенеть у него в кармане, и вкусная еда, и похвалы, и восторги, которые последуют в ответ на рассказы о его приключениях и невероятной находчивости и сообразительности, он начал подпрыгивать, и кричать, и петь куплеты из каких-то песенок, что привело в страшное изумление машиниста, который в жизни и встречал иногда прачек, но таких — никогда.

Они уже покрыли много миль, и мистер Тоуд уже обдумывал, что он прикажет подать себе на ужин, когда он заметил, что машинист с озадаченным видом высовывается из кабинки и усиленно прислушивается. Потом он увидал, как тот вылез на тендер и пристально глядит назад. Возвратившись, машинист сказал:

— Очень странно. Мы — последний поезд



сегодня, который должен идти в этом направлении, но я могу поклясться, что я слышу, как ещё один поезд мчится следом.

Тоуд мгновенно прекратил свои дурацкие ужимки. Он помрачнел, и тупая боль, образовавшись где-то в спине, спустилась в ноги, и он вынужден был присесть и попытаться не думать о том, что может вскоре последовать.

К этому времени полная луна взошла и светила ярко, и машинист, став поудобнее на уголь, мог видеть, оглядываясь назад, на довольно большое расстояние.

Через некоторое время он воскликнул:

— Теперь я отчётливо вижу. По нашим рельсам за нами вслед идёт паровоз на очень большой скорости! Похоже, что он гонится за нами!

Несчастный Тоуд, скукожившись на угольной пыли, изо всех сил пытался придумать какой-нибудь выход.

— Они нас нагоняют!— воскликнул машинист.— На паровозе толпятся какие-то чудные люди. Мужчины в костюмах старинных стражников размахивают алебардами, полицейские в шлемах машут дубинками, и какие-то люди, плохо одетые и в капюшонах, несомненно штатские детективы, это видно даже на расстоянии, они грозят револьверами и потрясают тростями. Все чем-нибудь машут, и все в голос кричат: «Стой, стой, стой!»

Тогда Тоуд упал на колени прямо среди угля и молитвенно поднял лапы:

— Спаси меня, только спаси меня, милый, добрый мистер Машинист, и я признаюсь тебе во всём. Я вовсе не простая прачка, как тебе с виду показалось! И меня вовсе не ждут никакие дети, невинные крошки. Я — жаба, хорошо известный мистер Тоуд, хозяин Тоуд-Холла. Мне удалось бежать благодаря моему уму и отваге

из отвратительной темницы, куда меня швырнули враги, и если эти типы с паровоза меня поймут, то это означает — цепи, хлеб и вода, и соломенная подстилка, и нескончаемая печаль для несчастного, ни в чём не повинного мистера Тоуд!

Машинист посмотрел на него очень пристально и спросил:

— Скажи-ка мне честно, за что тебя посадили в тюрьму?

— Да так, чепуха,— сказал мистер Тоуд, сильно краснея.— Я просто одолжил автомобиль у хозяев, которым он в то время не был нужен, потому что они завтракали. Я вовсе не собирался его воровать, но эти официальные лица, особенно в магистратах, они делают такие скоропалительные выводы, не понимая, что может же кто-то поступить опрометчиво, если он человек темпераментный!

Машинист поглядел на него неодобрительно и сказал:

— Боюсь, что ты и вправду очень нехорошая жаба и тебя надо бы выдать полиции. Да ты, как видно, попал в большую беду, и поэтому я тебя не предаю. Во-первых, я терпеть не могу автомобили. А во-вторых, я терпеть не могу, когда полицейские командуют мной на моём рабочем месте. И потом, если я вижу слёзы на глазах животного, это всегда смягчает моё сердце. Так что не вешай нос, Тоуд! Я постараюсь, и, может, мы их ещё победим!

Они набили топку углём, отчаянно работая лопатами, топка загудела, поезд подпрыгивал на стыках и качался, но всё-таки преследователи постепенно догоняли их. Машинист отёр вспотевший лоб ветошкой и вздохнул.

— Боюсь, ничего не получится, Тоуд,— сказал он.— Понимаешь, они налегке, без состава,

и ихний паровоз лучше. Нам с тобой осталось только одно, и это наш единственный шанс, поэтому слушай внимательно, что я стану говорить. Через некоторое время мы будем проезжать туннель. По ту сторону туннеля плотно идёт через густой лес. Когда мы въедем в туннель, я прибавлю скорости сколько возможно, а те наверняка притормозят, потому что будут бояться столкновения. Как только мы выскочим наружу, я нажму на все тормоза, а ты соскочишь до того, как они успеют выбраться из туннеля. Затем я опять помчусь на полной скорости, и пусть они за мной гонятся, если хотят, и сколько хотят, и докуда хотят. Будь готов прыгнуть, как только я подам знак.

Они снова набили топку углем, и поезд помчался, рыча и стуча, пока они не выскочили на свежий воздух по другую сторону туннеля и под лунным светом увидели лес по обеим сторонам полотна — густой и надёжный. Машинист выпустил пар и нажал на тормоза, поезд замедлил ход почти что до скорости пешехода. Тоуд, который спустился на последнюю ступеньку, как только машинист скомандовал: «Прыгай!» — прыгнул, скатился с невысокой насыпи, пробрался в лес и спрятался в чаще.

Выглянув из укрытия, он увидел, как его поезд снова набрал скорость и скрылся из глаз. В этот момент из туннеля вырвался преследующий его паровоз, пыхтя и свистя, а его разношёрстная команда продолжала неистово размахивать оружием и кричать:

— Стой! Стой! Стой!

Когда они промчались, Тоуд от души посмеялся — в первый раз после того, как он был брошен в тюрьму.

Но он быстро перестал смеяться, когда немного поразмыслил и вспомнил, что уже очень

поздно, и темно, и холодно, а он находится в незнакомом лесу без денег и надежд на ужин и всё ещё далеко от дома и друзей. Мёртвая тишина, наступившая после рычания и рокота паровоза, оглушила его. Он не смел выйти из-под защиты деревьев и поэтому двинулся в глубь леса, считая, что ему следует как можно дальше оказаться от железной дороги.

После долгих недель, проведённых в четырёх стенах, он не узнавал леса. Лес казался ему чужим, враждебным и способным на всякие каверзы. Козодои, чья ночная песня была похожа на механическую дробь, представлялись ему стражниками, которые рыщут по лесу и вот-вот нападут на него. Бесшумно пролетела сова, задев его плечо своим крылом, и он задрожал, уверенный, что это чья-то рука, но сова унеслась так же неслышно, взмахнув крыльями и смеясь «хо-хо-хо», обнаружив этим, как подумалось мистеру Тоуд, дурной вкус.

Один раз ему навстречу попала лиса, которая остановилась, саркастически оглядела его с ног до головы и сказала:

— Привет, прачка! Опять не хватает наволочки и одного носка. Смотри, чтобы это было в последний раз!

И удалилась, важно задрвав хвост и посмеиваясь.

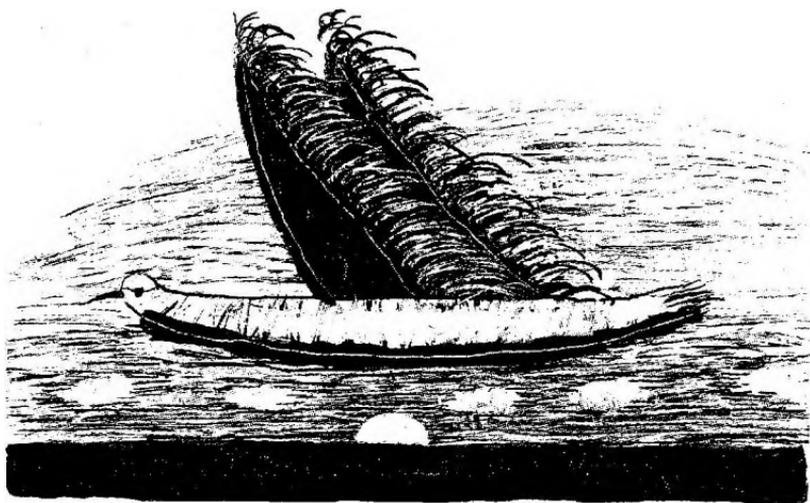
Тоуд искал на земле камень, чтобы швырнуть ей вслед, не нашёл и совсем расстроился. Наконец, продрогший, голодный и измученный, он отыскал дуплистое дерево, приготовил себе, как сумел, постель из веток и прошлогодних листьев и крепко заснул до утра.



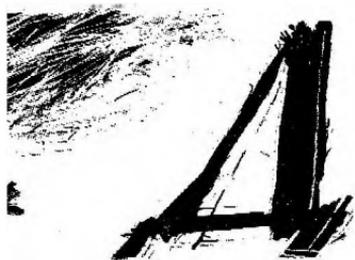
9

---

**Путниками становятся все**







ядюшка Рэт ощущал какое-то беспокойство, сам не понимая отчего. По всем признакам лето с его великолепием и пышностью было всё ещё в самом разгаре. И хотя на возделанных полях зелень

кое-где начала отступать перед золотом, хотя рябины стали уже краснеть, а на лесные опушки кто-то ухитрился в разных местах брызнуть рыжим и бурым — и свет, и тепло, и цвет — всего этого было вдоволь, признаков уходящего лета ещё не было заметно. Но постоянно звучащий птичий хор в садах и кустарнике поутих, и лишь время от времени возникала спокойная песенка нескольких неугомонных артистов. Снова заявила свои права малиновка, и в воздухе витало ощущение перемен и расставаний.

Кукушка-то, конечно, давно умолкла, но и многие другие пернатые приятели, которые месяцами составляли часть пейзажа и его незатейливое общество, тоже уже отсутствовали, и птичьи ряды продолжали день за днём неук-



лонно редеть. Рэт, наблюдательный и никогда не пропускающий ни одного птичьего движения, видел, как с каждым днём всё чаще и чаще взмахи крыльев устремляются в южном направлении. И даже ночами, когда он был уже в постели, ему казалось, что он мог различить в темноте над головой хлопанье нетерпеливых крыльев, послушно возникающее в ответ на вечный, непрекращающийся осенний зов. Ведь и у Природы в её Большой Гостинице, как в любом курортном отеле, тоже есть своё сезонное и несезонное время. Когда сезон проходит, постояльцы упаковывают вещи, расплачиваются и уезжают, закрываются комнаты, сворачиваются коврики, обслуживающий персонал, нанятый на сезон, получает расчёт. И на тех, кто остаётся в гостинице на зимнее время до следующего сезона, тоже невольно влияют все эти отъезды и прощания, горячие обсуждения планов путешествий, маршрутов и новых квартир, которые предстоит занять или построить, это постоянное уменьшение количества друзей. Тем, кто остаётся, делается тоскливо, неуютно, у них портится характер, и они начинают ворчать. Ну к чему эта жажда перемен? Ну почему бы не остаться и не радоваться жизни, подобно нам? Вы ведь не знаете этого отеля в зимний сезон и как нам тут бывает весело — тем, кто остаётся и видит его весь год подряд. Всё это очень верно, отвечают им те, кто собрался в дорогу, мы вам даже завидуем, и, может быть, когда-нибудь... но сейчас мы не можем, нас ждут, время уже подошло! Кивнув и улыбнувшись, они отбывают, а мы остаёмся, тоскуя по ним, затаив на них обиду. Дядюшка Рэт никогда не скучал в одиночестве и всегда умел найти себе дело, и кто бы куда бы ни собрался, он всегда оста-

вался корнями своими привязанным к родному месту, но всё же и он не мог не замечать, что происходит вокруг, и где-то глубоко внутри, в костях, что ли, он чувствовал, что всё происходящее влияет и на него.

Трудно было всерьёз заняться чем-либо на фоне всех этих сборов и отъездов. Оставив берег реки, где густо рос тростник, возвышаясь над водой, которая становилась всё мельче и медлительнее, он побрёл в сторону полей, пересёк пару пастбищ, которые выглядели теперь пыльными и выжженными, и углубился в великое королевство пшеницы, жёлтой, волнующейся, говорящей, наполненной спокойным движением и короткими шепотками. Здесь он любил бродить, пробираясь через лес крепких, негнущихся стеблей, которые держали над его головой их собственное золотое небо, небо, которое всё время танцевало, поблёскивало, тихонечко разговаривало, или эти стебли низко наклонялись под пролетающим ветром, а затем снова распрямлялись, тряхнув головой и рассмеявшись. Тут у него тоже было множество маленьких друзей, целое общество, ведущее трудовую жизнь, но у кого всегда находилась свободная минутка, чтобы поболтать с гостем. Но в этот день полевые мыши, хотя все они были вполне вежливы, казалось, были чем-то очень заняты. Многие копали, роя туннели, другие, собравшись небольшими группками, обсуждали планировку новых квартир, которые должны быть уютными и небольшими и располагаться недалеко от главного склада. Некоторые вытаскивали пыльные сундуки и дорожные корзины, а иные, перегнувшись и уйдя по локоть в корзины, уже паковали своё имущество. Кругом лежали узлы с пшеницей, овсом, ячменём, семенами вяза и орехами, готовые к отправке.

— Сюда, Рэтти, старина!— закричали они, как только его увидели.— Иди к нам, помоги, не стой без дела!

— Что это тут за игры вы затеяли?— спросил он строго.— Вы прекрасно знаете, что пока ещё рано думать о зимних квартирах, и время ещё не скоро наступит.

— Да, мы знаем, знаем,— отозвались полевые мыши, смутившись.— Но лучше всё-таки не прозевать сроки. Нам обязательно надо вывезти мебель, багаж и все запасы, пока эти кошмарные машины не начали стучать и таракать в полях. И потом, ты знаешь, в наше время хорошие квартиры так быстро расхватывают, и, если прозеваешь, будешь жить бог знает где, и потом придётся всё чинить, пока туда въедешь. Мы рано собираемся, мы это знаем, но мы ведь только ещё начали.

— Гори оно, это ваше начало,— сказал Рэт.— Такой прекрасный день! Пошли покатаемся на лодке, или прогуляемся вдоль живых изгородей, или устроим в лесу пикник, или что-нибудь ещё.

— Спасибо, спасибо, но только не сегодня,— торопливо ответил старший из полевых мышей.— Может, как-нибудь в другой день, когда у нас будет побольше времени.

Дядюшка Рэт, презрительно хмыкнув, резко повернулся, споткнулся о чью-то шляпную картонку, упал и произнёс при этом несколько недостойных его слов.

— Если бы некоторые были бы внимательнее,— сказала одна мышь,— и глядели бы под ноги, они бы не ушибались и... не забывались бы до такой степени! Обрати внимание на саквояж, Рэт. А лучше сядь и посиди. Через часик-другой мы, пожалуй, освободимся.

— Вы не освободитесь до Нового года, это ясно,— ответил дядюшка Рэт раздражённо и поспешил с пшеничного поля.

Несколько подавленный, он вернулся назад, к реке, к своей верной, неизменной старой реке, которая никогда не паковала вещи, не сутилась, не перебиралась на зимнюю квартиру. Он разглядел ласточку, которая сидела в ивняке у берега. К ней вскоре присоединилась другая, а потом и третья. Все три птички, беспокойно и нетерпеливо ёрзая на ивовой ветке, тихими голосами тоже принялись беседовать о перелёте.

— Что, уже?— спросил дядюшка Рэт, перемещаясь к ним поближе.— Куда вы так спешите? По-моему, это просто смешно!

— Мы ещё пока не улетаем, если ты это имеешь в виду,— ответила первая ласточка.— Мы пока только заняты планами и приготовлениями. Мы обсуждаем, каким путём нам лететь и где мы остановимся передохнуть и так далее. В этом — половина удовольствия.

— Удовольствия?— сказал дядюшка Рэт.— Вот этого-то я и не могу понять. Если вам необходимо оставить это приятное местечко, и друзей, которые будут без вас скучать, и уютные домики, в которых вы совсем недавно поселились, что ж, когда ваш час пробьёт, я уверен, вы смело отправитесь в путь и выдержите все трудности и неудобства, и перемены в жизни, и новизну, и даже сумеете притвориться, что вы не так уж несчастны. Но хотеть ещё об этом говорить или даже думать об этом до тех пор, пока не придёт необходимость...

— Ты этого просто не понимаешь,— сказала вторая ласточка.— Сначала начинается какое-то движение внутри нас, где-то глубоко,

такое сладкое беспокойство, потом появляются воспоминания, одно за другим, как возвращающиеся из полёта голуби. Они влетают в наши ночные сны, потом они начинают кружить рядом с нами днём. И тогда нам начинает очень хотеться поговорить друг с другом, сравнить наши впечатления, удостовериться, что всё, что было, это было на самом деле. Постепенно знакомые запахи и звуки, названия давно забытых мест возвращаются в нашу память и манят нас к себе.

— А вы не могли бы перезимовать здесь, ну хотя б в этом году?— предложил дядюшка Рэт задумчиво.— Мы все постараемся, чтобы вам было хорошо. Если бы вы знали, как мы тут славно проводим время, пока вы находитесь где-то далеко.

— Я однажды попробовала перезимовать,— сказала третья ласточка.— Я так полюбила эти места, что, когда настало время, я отстала от других и подождала, пока они улетят без меня. Несколько недель всё было хорошо. А потом! О! Какие утомительные длинные ночи! Знобкие дни без солнца! Холодный и сырой воздух и хоть бы одна мошка — сколько ни летай! Нет, этого нельзя было вынести! Я упала духом и однажды холодной, ветреной ночью расправила крылья и полетела, спасаясь от ледяного восточного ветра. Был страшный снегопад, когда я пыталась пробиться между вершинами высоченных гор. Я едва не лишилась жизни. И никогда я не забуду благословенное чувство, которое дало мне солнышко, согревшее мне спину, когда я спешила к озёрам, лежавшим внизу, голубым, сияющим. А какая вкусная оказалась первая же пойманная мною мошка! Прошлое показалось мне кошмарным сном, а будущее сплошным праздником, и я продви-

галась всё дальше и дальше на юг, неделя за неделей, не утруждая себя, отдыхая столько, сколько мне хотелось по пути, но постоянно прислушиваясь к тому зову, который звучал во мне. Нет! Всё это послужит мне предупреждением, никогда в жизни не решусь я больше послушаться.

— О, да, зов юга, зов юга!..— защебетали две другие ласточки мечтательно.— Песни, влага, сверкающий воздух! А ты помнишь...

И, забыв о дядюшке Рэт, они соскользнули в страстные воспоминания, а он слушал зачарованный, и что-то зажглось в его сердце.

Он понял, что и в нём — вот она — зазвучала до сих пор дремавшая струна, о существовании которой он и не подозревал. Простая болтовня этих собирающихся на юг птичек, их немудрящие рассказы разбудили такое новое и сильное чувство, что ему неодолимо захотелось ощутить хотя бы одно прикосновение южного солнца, почувствовать дуновение южного ветра, вдохнуть подлинно южные ароматы. Зажмурившись на один миг, он позволил себе помечтать в полной отрешённости, а когда снова открыл глаза, река показалась ему серой и холодной, зелёные поля пожухшими. Потом его верное сердце пристыдило более слабую часть его души и обвинило её в предательстве.

— Зачем тогда вы вообще возвращаетесь сюда?— ревниво призвал он к ответу ласточек.— Что вас вообще привлекает в этом маленьком, бедном, бесцветном краю?

— Ты что же думаешь,— спросила первая ласточка,— тот, другой зов не нас, что ли, призывает, когда наступает время? Это зов буйной луговой травы, покрытых росой садов, нагретых солнышком прудов, над которыми вьются вся-

кие мошки, пасущегося на лугах скота, зов сенокоса и деревенских домов, пристроенных к прекрасным, удобным стрехам.

— Ты один, что ли, на свете тоскуешь и жаждешь снова услышать, как запоёт кукушка?— спросила вторая.

— Когда настанет время,— сказала третья,— мы снова затоскуем по родине, по водяным лилиям, спокойно качающимся на маленькой английской реке. Но сегодня всё это кажется нам побледневшим, истончившимся, далёким-далёким. Сейчас наша кровь танцует под другую музыку.

И они снова стали щебетать друг с другом, теперь о фиолетовых морях, золотистом песке и стенах, по которым бегают ящерицы.

Дядюшка Рэт ушёл от них со смущённой душой, забрался по склону на холм, который полого поднимался от северного берега реки, улёгся там и долго смотрел в сторону большого кольца горных вершин, отгораживающих от него весь остальной мир. Эти горы были до сих пор его горизонтом, его Лунными Горами, его пределом, за которым лежало только то, о чём он не хотел знать, и то, что ему было неинтересно увидеть. Но сегодня ему, глядящему в сторону юга с какой-то рождающейся в душе жаждой нового, ясное небо над длинной низкой горной цепью казалось пульсирующим каким-то обещанием, сегодня всё невиданное казалось самым важным, всё непознанное — необходимым. И по эту сторону холмов теперь всё казалось пустым, а по ту сторону простиралась живописная панорама, которую он так ясно видел внутренним взором. О, какие залитые солнцем морские берега, где сверкали белые виллы на фоне оливковых роц! Какие тихие гавани, забитые роскошными суда-

ми, направляющимися к розовым островам за винами и специями, островам, низкие берега которых омываются тихими водами!

Он встал и направился было к реке, потом передумал и выбрал пыльную тропинку между двумя живыми изгородями. Там, если он приляжет в прохладных густых зарослях, он может помечтать о хорошо вымощенных дорогах и о том удивительном мире, к которому они ведут, ещё — обо всех путниках, которые по ним, может быть, прошли, и о богатствах, и удаче, и приключениях, которые они отправились искать или которые свалились на них случайно — там, за холмами, за холмами...

Его слуха коснулся звук шагов, и фигура, шагающая с несколько утомлённым видом, предстала перед ним. Он видел, что это крыса, и довольно-таки пропылившаяся. Путник поравнялся с ним, приветствовал его изысканным жестом, в котором сквозило что-то иностранное, потом, минуточку поколебавшись, свернул с дороги и сел рядом с дядюшкой Рэт в прохладную траву. Он выглядел усталым, и дядюшка Рэт не стал его расспрашивать, давая ему перевести дух, понимая, о чём тот думал, и зная, что звери ценят умение вместе помолчать, когда расслабляются утомлённые мускулы, а мозг отсчитывает время.

Путник был худощав, с остренькими чертами лица и слегка сутулился. Лапы его были тонкие и длинные, возле глаз морщины, а в маленьких, красивой формы ушах были вдеты серьги. На нём был трикотажный бледно-голубой пиджак, брюки, залатанные и в пятнах, тоже когда-то были голубыми, а багаж, который он нёс с собой, был увязан в голубой платок. Когда незнакомец немного отдохнул, он принюхался к воздуху и огляделся.

— Пахнет клевером это тёплое дуновение ветерка,— заметил он.— А то, что слышится,— это коровы. Они жуют и, проглотив жвачку, фыркают и вздыхают. А там, я слышу, работают жнецы, а вон там поднимаются к небу дымки из труб на фоне лесной опушки. Тут, наверное, где-то близко протекает река, потому что я слышу, как кричат шотландские куропатки, а ты, судя по твоему виду,— пресноводный моряк. Всё притихло, вроде бы заснуло, но жизнь идёт. Хороший образ жизни ты ведёшь, приятель. Я даже уверен, что лучший на земле. Если только у тебя хватает на него терпения.

— Да. Это лучший образ жизни, единственный, который стоит вести,— отозвался дядюшка Рэт сонно, без своей обычной, глубоко прочувствованной убеждённости.

— Я сказал не совсем то,— осторожно заметил незнакомец.— Но несомненно, что лучший. Я попробовал, и я знаю. И вот потому, что попробовал — в течение шести месяцев — и убедился, что такая жизнь самая лучшая, ты и видишь меня со сбитыми ногами и голодного, топающего от неё прочь, топающего на юг по велению давнего зова назад, к моей старой жизни, которая не хочет меня отпускать, потому что она — моя.

«Ещё один из этих же»,— подумал дядюшка Рэт.

— А откуда ты здесь появился?— спросил он.

Ему не нужно было спрашивать, куда он направляется, ответ был ему заранее известен.

— Со славной маленькой фермы, вон оттуда,— кивнул незнакомец на север.— Бог с ней совсем! У меня там было всё, что только я мог пожелать, всё, что я мог ожидать от жизни.

Даже более того... И всё-таки вот я, здесь. И рад, что я здесь, несмотря ни на что — рад! Я уже много миль оставил позади себя, я уже на много миль приблизился к заветной цели.

Его заблестевшие глаза впились в горизонт, и он, казалось, прислушивался к какому-то звуку, который долетел к нему оттуда, с покинутой фермы, донося до ушей весёлую музыку пастбища и хозяйственного двора.

— Но ты не один из нас,— заметил дядюшка Рэт.— Ты и не фермер. Мне думается даже, что ты иностранец.

— Верно,— ответил незнакомец.— Я — морская крыса, вот я кто, и порт, откуда я родом, называется Константинополь, хотя там я тоже, можно сказать, что-то вроде чужеземца. Ты, наверно, слышал о Константинополе, друг? Прекрасный город, прославленный и древний. И возможно также, что ты слышал про Сигурда, короля норвежского, и как он направился туда с шестьюдесятью кораблями, и как он и его люди проскакали по улицам города, украшенным коврами и парчой в его честь, и как император и императрица пировали с ним на его корабле? Когда Сигурд собрался домой, многие его люди остались и вступили в императорскую лейб-гвардию, и мой предок, родившийся в Норвегии, тоже остался на корабле, который Сигурд подарил императору. Мы всегда были мореплавателями, так что ничего удивительного, что мой родной город для меня ничуть не более родной, чем все замечательные порты между Константинополем и Лондоном. Я их все знаю, и они знают меня. Высади меня в любом из них на набережную, и я почувствую, что прибыл домой.

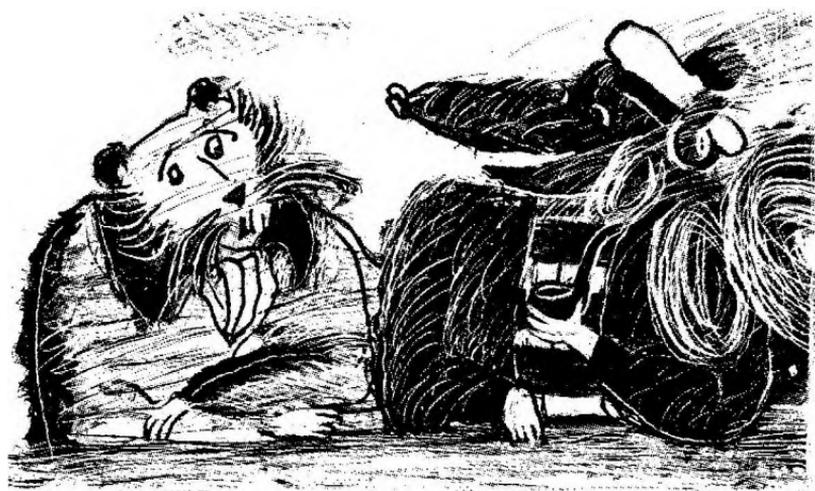
— Ты, наверно, совершаешь дальние рей-

сы?— осведомился дядюшка Рэт с возрастающим интересом.— Долгие месяцы не видишь земли, и провизия бывает на исходе, и кончаются запасы пресной воды, а ты общаешься с могучим океаном и всё такое в этом роде?

— Ни в коем случае. Ничего такого не происходит,— ответил Мореход откровенно.— Такая жизнь, как ты описываешь, совершенно меня не устраивает. Я работаю в порту и редко покидаю берег. Весёлое времяпрепровождение на берегу привлекает меня больше любого путешествия. О, эти морские порты на юге! Их ароматы, их очарование! О, плывущие по воде огни!

— Ну, может, так оно и лучше,— заметил дядюшка Рэт с некоторым разочарованием.— Ну тогда расскажи мне о своей приморской жизни, если у тебя есть настроение, поведай, какой урожай может собрать предприимчивый зверь, чтобы согреть свою старость блистательными воспоминаниями возле каминного огня. Потому что, знаешь, моя жизнь кажется мне сегодня ограниченной и замкнутой.

— Последнее мое путешествие,— начал



свой рассказ Мореход,— которое привело меня, в конце концов, в вашу страну, связано было с большими надеждами относительно покупки фермы. Оно может послужить как бы конспектом всей моей пёстрой жизни. Всё началось с семейных неприятностей. Был поднят домашний штормовой сигнал, и я решил отплыть на маленьком торговом судёнышке, которое отправлялось из Константинополя по древнему морю, где каждая волна хранит память о бессмертных исторических событиях, в направлении Греции и Леванта. Стояли золотые дни и ночи, напоённые ароматами. Мы приставали в разных портах и тут же отчаливали. Везде — старые друзья. Мы спали в каком-нибудь храме или возле заброшенного водоёма во время дневной жары, а потом, после заката, пиры и песни под крупными звёздами, усеивающими чёрный бархат небес! Оттуда мы поплыли в Адриатику и приставали почти в каждом порту. Берега были залиты янтарным, розовым и голубым, аквамариновым, цветом, мы стояли на рейде в больших, глубоко вдающихся в материк бухтах, мы бродили по древним



благородным городам, пока наконец однажды утром, после того как за спиной у нас поднялось в небо царственное солнце, мы не отправились в Венецию по золотой солнечной дороге. О, Венеция, прекрасный город, где крысе есть где разгуляться! Или, устав бродить, можно сесть на берегу Большого канала ночью и пировать с друзьями, когда воздух полон музыки, а небо полно звёзд, когда огоньки вспыхивают и мерцают на чёрном полированном носу каждой покачивающейся на воде гондолы, которые чалятся в такой тесноте, что можно обойти все каналы, шагая только по гондолам. Ты любишь устрицы? Ладно, ладно, об этом после.

Он немного помолчал, и дядюшка Рэт тоже сидел молча, захваченный его рассказами, скользил по воображаемым каналам и слышал воображаемую песню, которая носилась между призрачными серыми стенами, отполированными волнами.

— Наконец мы снова отправились в южном направлении,— продолжал рассказ Мореход,— заходя во все итальянские порты, пока не достигли Палермо, и там я надолго сошёл на берег. Я никогда долго не плаваю на одном и том же корабле, так становишься ограниченным и предубеждённым. Кроме того, я уже давным-давно жарко мечтал о Сицилии. Я всех там знаю, и их образ жизни мне очень подходит. Я провёл много чудесных недель на этом острове, остановившись у своих друзей. Когда мне слегка всё поднадоело, я сел на корабль, который направлялся на Сардинию и Корсику. И я был рад, что я снова дышу свежим морским бризом и чувствую брызги на лице.

— А разве там не жарко и не душно, в этом, как вы его зовёте, трюм, что ли?— спросил дядюшка Рэт.

Мореход поглядел на него и еле заметно подмигнул:

— Я старый морской волк. Капитанская каюта меня вполне устраивает.

— Всё равно это довольно трудная жизнь,— пробормотал дядюшка Рэт, погружённый в свои мысли.

— Для команды — конечно,— ответил Мореход опять с некоторой тенью усмешки.

— Отплывая из Корсики,— продолжал он,— я воспользовался кораблём, который возил вина на Большую землю. Однажды вечером мы прибыли в Алассио, легли в дрейф. Повытаскивали из трюма на палубу бочки с вином и перекидали их, связанные друг с другом длинным канатом, за борт. Затем матросы сели в шлюпки и с весёлыми песнями стали грести к берегу, а за ними потянулась целая вереница связанных бочек. На прибрежных дюнах уже ждали лошади, которые потащили бочки с грохотом, звяканьем и скрежетом по крутой улочке маленького городка. Когда последняя бочка была доставлена покупателям, мы пошли отдохнуть и перекусить и засиделись допоздна. А следующим утром я отправился в оливковые рощи — для разнообразия и для отдыха. Потому что к тому времени мне надоели острова, и путешествия, и морские порты тоже, так что я некоторое время жил праздну, наблюдая, как трудятся крестьяне, или просто ложился повалиться на высоком холме, а голубое Средиземное море было там, далеко внизу. И наконец, мало-помалу, частично морем, а когда и пешком, я прибыл в Марсель. А там — встречи с корабельными друзьями, и огромные океанские пароходы, опять пиры и веселье. А ты говоришь — устрицы! Да я иногда вижу во сне марсельских устриц и просыпаюсь весь в слезах.

— Говоря об устрицах,— заметил вежливый дядюшка Рэт,— ты вроде бы упомянул, что голоден. Надо было мне сообразить это раньше. Ты, конечно, сделаешь остановку и пообедаешь со мной? Моя нора здесь близко, и я рад угостить тебя тем, что там найдётся.

— Что же, я бы сказал, что это добрый и братский поступок,— сказал мореплаватель.— Я действительно очень голоден с тех самых пор, как я тут сижу, и когда я неосмотрительно упоминал в разговоре устриц, то я просто чуть не умер от голода. А ты не мог бы вынести что-нибудь поесть? Я не очень-то люблю забираться под палубу, если только в этом нет крайней необходимости, и, пока мы закусываем, я мог бы тебе ещё порассказать о моих путешествиях и о приятной жизни, которую я веду, ну, по крайней мере, она приятна для меня, а судя по тому, как ты внимательно меня слушаешь, она прельщает и тебя. Если мы будем сидеть в помещении, то сто против одного, что я тут же засну.

— Прекрасное предложение!— согласился дядюшка Рэт и поспешил домой.

Там он вытащил корзинку для пикников и сложил туда немного еды; памятуя о происхождении и вкусах гостя, он не забыл упаковать в корзинку длинный французский батон, колбаску, такую душистую, что чеснок в ней прямо распевал песни, сыр, который плакал огромными слезами, и завёрнутую в солому длинношею бутылку, в которую упряно разлитое и убранное на склады солнышко с южных склонов. Нагрузившись всем этим, он на большой скорости вернулся назад. Он покраснел от удовольствия, когда Мореход высоко отозвался о его вкусе и здравом смысле, пока они вместе доставали содержимое из кор-

зинки и выкладывали на травку возле дороги.

Мореход, как только слегка утолил голод, продолжал рассказ о своём последнем путешествии, проведя своего простодушного слушателя от порта к порту в Испании, высадил его на берег в Лиссабоне, Оporto и Бордо, представил его приятным портовыми городам Корнуоллу и Девону, пока наконец не оказался на спокойной набережной канала, где он в конце концов сошёл на берег, измотанный штормами и непогодой, и где впервые получил намёки и вести совсем другой весны, и, загоревшись, отправился пешком в глубь страны, страстно желая попробовать иную жизнь, на спокойной ферме, как можно дальше от изнуряющего плеска какого угодно моря. Заворожённый и трепещущий от возбуждения, дядюшка Рэт следовал за Искателем Приключений лига за лигой по штормящим заливам, по забитым кораблями рейдам, по несущимся волнам приливов, поднимался по извилистым рекам, умеющим скрыть за поворотом полные деятельной суеты города, и оставил его на скучной ферме, о которой он теперь просто ничего не желал слышать.

К этому времени трапеза их закончилась. Мореход насытился, обрёл силы и окрепшим голосом, с огоньком в глазах, который он, вероятно, подцепил у какого-нибудь дальнего морского маяка, наклонившись к дядюшке Рэт, вновь обратился к своим рассказам, полностью захватившим бедного слушателя. Дядюшка Рэт поглядел ему прямо в глаза, которые были расчерченного пеной серо-зелёного, изменчивого цвета северных морей, а в лапах рассказчик держал стакан с вином, в котором вспыхивал горячий рубин, казавшийся самым сердцем южного края, которое бьётся для тех,

в ком находится достаточно мужества, чтобы отозваться на его удары.

Эти два огня, переменчиво-зелёный и неизменно красный, заморозили дядюшку Рэт, покорили его совершенно, и он слушал, слушал, зачарованный и изнемогший. Спокойный мир, находящийся за пределами этих огней, отступил куда-то далеко и перестал существовать. А рассказы всё лились и лились... да и был ли это только рассказ? Временами он, казалось, превращался в песню, хоровую матросскую песню, которую поют, поднимая тяжёлый якорь со скатывающимися с него каплями, а иногда казалось, что гудит парусина под терзающим её норд-остом, а временами речь Морехода переходила в звуки протяжной старинной баллады, которую напевает рыболов, выбирая сети на ранней зорьке, и силуэт его виднеется на фоне абрикосово-жёлтого неба, а то вдруг становилась аккордами гитары или мандолины, доносящимися с проезжающей гондолы или каика. А не превращалась ли она временами в крики ветра, сначала жалобные, потом пронзительно-сердитые, по мере того как ветер крепчал? Потом эти крики переходили в резкий свист, а затем звучали тихо и мелодично, как струйка воздуха, коснувшаяся паруса. Замороженному слушателю казалось, что он ясно слышит все эти звуки, а с ними вместе и жалобы морских чаек, мягкие удары разбивающихся о берег волн, недовольное ворчание прибрежной гальки.

А потом все эти звуки снова становились звуками речи, и с бьющимся сердцем он как бы принимал участие в приключениях, да не в одном, а в дюжине различных морских портов, в драках, побегах, новых битвах, дружестве, доблестных поступках, или как будто бы

вместе с другими разыскивал сокровища, ловил рыбу в тихих лагунах, или дремал дни напролёт на тёплом белом песке. Он услышал о рыболовстве на большой морской глубине, и о серебряной добыче, которую приносят морские сети в целую милю длиной, о неожиданных кораблекрушениях, о том, как бьют склянки в лунную ночь, или о том, как нос огромного лайнера вдруг вырисовывается из тумана прямо у тебя над головой, о весёлых возвращениях домой, когда ты огибаешь на корабле знакомый мыс и вдруг видишь, как портовые огни показывают тебе, что путь свободен, а на набережных ты угадываешь силуэты встречающих, слышишь радостные приветствия, плюханье по воде стального троса, а затем — путь вдоль по крутой улочке к уютному мерцанию окошек с красными занавесочками.

Наконец в его сне наяву ему показалось, что Искатель Приключений встал, но продолжает говорить, всё ещё крепко держа его своими морского цвета глазами.

— А теперь, — говорил он, — мне снова пора в путь, мне придётся пройти в юго-западном направлении много долгих и пыльных дней, пока я не доберусь до маленького, неприметного приморского города. Он расположен вдоль крутого берега по одну сторону гавани. Там из тёмных дверных проёмов видны пролёты сбегающих вниз каменных лестниц, над которыми нависают розовые кустики цветущей валерианы. Эти лестницы приводят к синей сверкающей воде. Маленькие лодочки, привязанные к крюкам и кольцам в каменной стене, весело окрашены, как те, куда я залезал бесчисленное количество раз в моём далёком детстве. Во время прилива лососи совершают свои невиданные прыжки, косяки макрели проплывают,

поблёскивая и играя вдоль набережных и вдоль затопляемой приливом береговой полосы, а мимо окон скользят огромные суда, днём и ночью, к своим причалам или, наоборот, в сторону открытого моря.

Туда рано или поздно заходят суда всех мореходных наций, и там, в час, назначенный судьбой, тот корабль, который я выбрал, тоже бросит свой якорь. Я не буду спешить, я буду тянуть и выжидать, пока наконец тот самый не будет ждать меня, верпующийся на середине течения, тяжело гружённый, с бушпритом, указывающим прочь от гавани. Я проскользну на борт, добравшись на шлюпке или по перлиню, и в одно прекрасное утро я проснусь и услышу песни и топот матросов, звяканье кабестана, весёлый звон поднимающейся якорной цепи. Мы поднимаем парус, и белые домики на берегу будут медленно плыть мимо нас до тех пор, пока судно не выйдет из гавани, и путешествие начнётся! Пока корабль будет огибать мыс, он весь покроется белой парусиной, а потом, когда выйдет на простор, послышится хлопанье парусов, и судно повернётся по ветру, указывающему на юг.

И ты, ты тоже пойдём со мной, брат мой. Дни проходят и никогда не возвращаются, а юг ждёт тебя. Поспеши навстречу Приключениям, послушайся зова сейчас, пока он не умолк. Всего-то и нужно, что захлопнуть за собой дверь, радостно сделать первый шаг, и вот ты уже вышел из старой жизни и вошёл в новую! А потом когда-нибудь, очень не скоро, пожалуйста, кати домой, если тебе захочется, когда твоя чаша будет выпита и игра сыграна, садись себе возле своей тихой речки и сиди в обществе прекрасных воспоминаний. Ты легко догонишь меня на дороге, потому что ты моло-

дой, а я уже старею и иду потихонечку. Я не буду спешить и буду оглядываться, и я уверен, что увижу тебя, и ты будешь идти весёлый и беззаботный, а на лице у тебя будет написано: юг, юг, юг!..

Голос Морехода постепенно замер в отдалении. Так быстро смолкает и нависает тишиной валторна маленького насекомого, и дядюшка Рэт вскоре мог различить только тёмное пятно на белом полотне дороги.

Машинально он поднялся и стал укладывать всё в корзинку тщательно и без спешки. Так же машинально он вернулся домой, собрал кое-что необходимое и некоторые мелочи, которыми особенно дорожил, и положил это всё в дорожную сумку. Он действовал медленно, но обдуманно, передвигаясь по комнате, как луна-тик во сне. Он забросил сумку за плечи, тщательно выбрал для дороги подходящий посошок и без спешки, но и без каких-либо колебаний переступил через порог и в дверях столкнулся с Кротом.

— Постой, куда это ты собрался, Рэtti?— спросил тот с огромным удивлением, хватая его за руку.

— На юг, как они все,— ровно, как во сне, пробормотал Рэт, даже не взглянув на Крота.— К морю, потом на корабль и — к берегам, которые меня призывают!

И он решительно двинулся дальше, всё ещё не спеша, но упорно стремясь к цели. Однако Крот, который после этих слов всерьёз встревожился, преградил ему путь и, заглянув ему в глаза, увидел, что они остекленели и сделались какими-то перечёркнутыми и мерцающе-серыми, это были чьи-то чужие глаза, а вовсе не глаза его друга!

Крот сгрёб его в охапку, втокнул обратно

в дом, грохнувшись с ним вместе на пол, но не отпустил.

Рэт отчаянно боролся с ним несколько минут, потом силы внезапно его оставили и он, закрыв глаза, затих.

Крот помог ему встать и усадил на стул, на который тот уселся, ссутулившись и время от времени истерически всхлипывая без слёз. Крот крепко затворил дверь, швырнул сумку в ящик и запер его. Он тихонечко сел рядом со своим другом в ожидании, когда пройдёт этот страшный припадок. Постепенно дядюшка Рэт стал задрёмывать, только иногда рывком поднимая голову и бормоча какие-то странные, чужие, непонятные непросвещённому Кроту слова. После этого он забылся глубоким сном.

С беспокойной душой Крот оставил его на какое-то время и занялся хозяйственными делами.

Уже стемнело, когда, вернувшись в гостиную, он нашёл дядюшку Рэт там же, где он его и оставил, бодрствующего, но безразличного, подавленного и молчаливого. Он искоса бросил взгляд на его глаза и с удовлетворением отметил, что они вновь ясные, тёмные и карие. Потом он сел с ним рядом, чтобы подбодрить

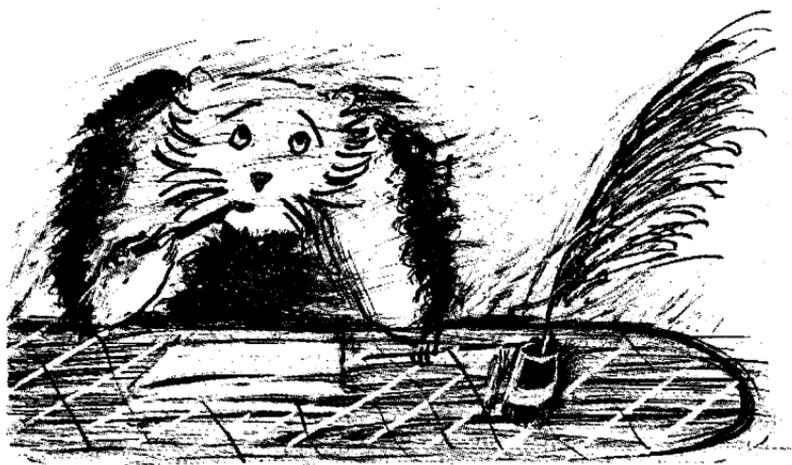


его и помочь ему рассказать, что же с ним такое случилось.

Бедный Рэт мало-помалу выложил всё, как сумел, но что могли передать холодные слова, когда всё, что было с ним, было от начала до конца обольстительным наваждением! Какими средствами изобразишь очарование сотен рассказов Морехода? Теперь это очарование испарилось и блеск померк, и ему было трудно объяснить самому себе смысл того, что несколько часов назад казалось неизбежным и единственно возможным. Неудивительно, что ему так и не удалось внятно объяснить Кроту, что он пережил за этот день.

А тому одно было ясно: приступ прошёл, оставив его друга хоть и в здравом уме, но потрясённого и подавленного. Он как будто потерял интерес ко всему, что составляло его каждодневную жизнь, был равнодушен к тем приятным планам на будущее, которые можно было уже строить, потому что время года менялось.

Осторожно, будто бы невзначай, Крот завёл разговор о сборе урожая, он говорил о полных тележках, и о том, как тяжело их та-



щить волам, и о том, как всё выше и выше поднимаются скирды, и о том, как по ночам полная луна встает над чисто выбритыми лугами, на которых, словно точки, располагаются копны сена. Он говорил о том, как вокруг в садах краснеют яблоки, а в лесу темнеют орехи, и о варенье и других запасах и напитках. Так постепенно в разговоре он достиг зимы и её радостей и уютного жилья в тёплом доме, а дальше он уже совсем размяк и впал в лирику.

Постепенно Рэт отошёл, сел рядом с ним, заговорил. Глаза перестали быть тусклыми, заблестели, безучастность отступила от него.

Через какое-то время тактичный Крот выскользнул из комнаты и вернулся с карандашом и несколькими листочками бумаги, которые он поместил на столе, рядом с правым локтем своего друга.

— Ты очень давно не писал стихов,— заметил он.— Ты мог бы сегодня вечером попробовать вместо того, чтобы... хм... погружаться в раздумья по разным там поводам. Мне кажется, ты почувствуешь себя много лучше, если ты что-нибудь набросаешь, даже если это будут просто отдельные рифмы.

Рэт слабой лапой оттолкнул от себя листочки, но деликатный Крот придумал предлог, чтобы выйти из комнаты, и, когда он через некоторое время заглянул в дверь, он нашёл своего друга, погружённого в стихи и глухого ко всему на свете. Рэт то черкал что-то на бумаге, то посасывал кончик карандаша. Правду сказать, посасывание занимало больше времени, чем черкание. Но Крот был счастлив тем, что выздоровление несомненно началось.

10

---

**Дальнейшие приключения  
мистера Тоуд**







Парадный вход в дупло глядел на восток, так что Тоуд был разбужен в очень ранний час, во-первых, оттого, что на него падал яркий солнечный свет, а во-вторых, потому, что пальцы ног его сов-

сем заоченели. Ему приснилось, что он спит дома, в своей постели, в уютной комнатке с окном в стиле Тюдор, а на улице зима, и ночь очень холодная, и его одеяло и плед вскочили и сердито объявили, что они больше не в состоянии выносить такой холод и что они идут вниз, на кухню, чтобы наконец согреться у плиты. А он пошёл вслед за ними босиком вниз, вниз, вниз по нескончаемой ледяной лестнице, ругаясь с ними и умоляя проявить благо-разумие.

Может быть, холод разбудил бы его и ещё раньше, но он так измучился, пока спал в темнице на каменных плитах, что почти забыл, как



это бывает, когда тебя дружески обнимает тёплое шерстяное одеяло, натянутое до самого подбородка.

Присев на сухих листьях, он сначала протёр глаза, после потёр свои несчастные озябшие пальцы и в первый момент не мог понять, где он находится, не видя знакомых каменных стен и малюсенького зарешёченного окошка. Потом сердце его подскочило, потому что он вспомнил всё — освобождение, побег, погоню, — вспомнил самое главное, самое прекрасное на свете — что он свободен!

Свободен! Само это слово, сама мысль стоили пятидесяти одеял! Он тут же согрелся с головы до пяток, когда подумал о том замечательном мире, который его окружает. Он решил, что все с нетерпением ждут случая ему услужить, готовы во всём ему подыгрывать, только и мечтают, чтобы помочь ему или составить ему компанию, как это всегда и бывало в прежние времена, до того, как на него обрушилось несчастье. Он отряхнулся и за неимением расчёски вычесал сухие листья из головы пальцами. Завершив таким образом свой утренний туалет, он двинулся в путь, озаряемый лучами утреннего солнышка, ещё прохладного, но надёжного, голодный, но полный надежд. Все вчерашние страхи и тревоги рассеивались понемногу оттого, что он хорошо выспался, и оттого, что солнышко светило так ласково и так дружелюбно.

Мир принадлежал ему одному в это раннее летнее утро. В лесу, покрытом прохладной росой, царил тишина и не было ни души. Зелёные поля, которые начинались за лесом, тоже были пусты и принадлежали ему одному, он мог с ними делать что захочет. Даже дорога, когда он наконец до неё дошёл, была пустынна

и казалась бродячей собакой, которая лънёт к нему и хочет, чтоб он её приласкал.

Тоуд же, наоборот, старался найти хоть что-нибудь говорящее, для того чтобы спросить, в каком направлении ему двигаться. Когда у тебя совесть чиста, очень хорошо брести, куда тебя ведёт дорога. Когда ты знаешь, что у тебя в кармане полно денег и никто вокруг не рыщет, чтобы изловить тебя и снова потащить в тюрьму.

Но бедный Тоуд был готов лягать эту дорогу и молотить по ней пятками за её бессильное молчание — ведь каждая минута значила для него очень много! Чтобы составить компанию скромной деревенской дороге, к ней вдруг присоединился застенчивый братец в виде неширокого канала, который взял её за руку и доверчиво засеменил рядышком, но с тем же языком за зубами и нежеланием общаться с посторонними.

— Пропади они пропадом!— сказал Тоуд самому себе.— Но ведь должны же они идти откуда-то и приходить куда-то. И это несомненно, Тоуд, мой мальчик.

И он терпеливо зашагал вдоль канала.

Канал сделал поворот, и за поворотом в поле зрения оказалась лошадь, которая медленно тащилась, наклоняя голову к земле, словно была в глубокой задумчивости. Бечева, тянувшаяся от верёвочных постромок, привязанных к упряжи, то туго натягивалась, то, как только лошадь делала шаг, окуналась в воду. С дальнего конца бечева падали на землю жемчужные капельки. Тоуд дал лошади пройти и остановился в ожидании того, что посылает ему судьба. Из-за ближайшего поворота канала с приятным журчанием воды выплыла небольшая, ярко покрашенная баржа, которую за

бечеву и тянула лошадь. Единственный, кто оказался на барже, была могучая, упитанная тётка в льняном чепце, защищающем голову от солнца, толстая мускулистая рука её лежала на руле.

— Прелестное утро, мэм,— сказала она, поравнявшись с мистером Тоуд.

— Я бы сказала, мэм,— вежливо откликнулся он и пошёл рядом с баржой,— я бы сказала, действительно это прелестное утро для тех, кто не находится в страшной беде, как я. Возьмите, например, мою старшую дочь. Она вызвала меня срочным письмом, чтобы я немедленно выезжала к ней, и вот я несусь, не зная, что там происходит или вот-вот произойдёт, но, конечно, опасаясь самого худшего, что вы, конечно, поймёте, мэм, если вы — мать. И я бросила все свои дела, а я, к вашему сведению, держу прачечную, и я бросила младших детей на произвол судьбы, а это такие бесенята, каких свет не видывал, и вот я потеряла по дороге все свои деньги, да ещё и заблудилась, и что там происходит с моей старшей замужней дочерью, я даже боюсь и подумать, мэм!

— А где ваша замужняя дочь находится, мэм?— спросила женщина с баржи.

— Она живёт недалеко от реки, мэм,— ответил Тоуд.— Поблизости от прекрасного дома, который называется Тоуд-Холл, а это где-то должно быть здесь, поблизости. Может быть, вы слышали?

— Тоуд-Холл? А как же! Я как раз туда и плыву. Этот канал впадает в реку немножко выше по течению, а оттуда нетрудно и пешком дойти. Поехали со мной на барже, я вас подвезу.

Она причалила к берегу, и Тоуд, рассыпа-

ясь в благодарностях, поднялся на баржу и уселся, вполне довольный жизнью.

— Опять повезло,— сказал он самому себе.— Я всегда беру верх над обстоятельствами!

— Так, значит, ваше дело — стирка, мэм?— вежливо обратилась к нему женщина, в то время как баржа скользила вдоль канала.— Очень хорошее дело, доложу я вам.

— Лучше и не бывает,— беззаботно поддержал её Тоуд.— Все благородные господа обращаются только ко мне, не хотят признавать никого другого, даже если им приплатить. Я очень хорошо знаю эту работу и сама за всем присматриваю. Стирка, глажка, крахмаление, обработка рубашек джентльменов для вечерних приёмов — всё это делается под моим личным наблюдением!

— Но вы, конечно, не сами всё это делаете, мэм?— спросила женщина с уважением.

— О, я нанимаю девушек, двадцать девушек или около того всё время за работой. Но вы же знаете, что такое девушки в наше время, мэм? Паршивые, дерзкие девчонки, вот как я это называю.

— И я тоже, и я тоже,— с жаром поддержала его женщина.— Но я думаю, вы своих умеете привести в порядок, этих ветрогонок! А вы сами очень любите стирку?

— Обожаю,— отозвался мистер Тоуд.— Люблю до безумия. Самые счастливые минуты, когда у меня обе руки по локоть в корыте. Мне это ничего не составляет. Я никогда и не устаю. Только удовольствие, уверяю вас, мэм.

— Какое счастье, что я вас встретила!— заметила женщина задумчиво.— Нам обоим неслыханно повезло.

— А? Что вы имеете в виду?— спросил мистер Тоуд, забеспокоившись.

— Возьмите, к примеру, меня,— продолжала женщина с баржи.— Я тоже люблю стирку, как и вы. Но мне от начала до конца хочешь не хочешь всё приходится делать самой. А мой муж — это же такой человек! Ему только бы увильнуть от работы и спихнуть баржу на меня, так что мне своими делами заняться просто минуточки не остаётся. По правде-то, он должен был сейчас здесь находиться, а вовсе не я, он должен был управлять баржей и присматривать за лошадью. Ну хорошо ещё, что у лошади хватает ума, она сама за собой присматривает. И вот вместо всего этого посвистел собаке и решил попытаться подстрелить на обед кролика. Сказал, догонит меня у следующего шлюза. Может быть, и догонит, да что-то не очень верится, уж коли он вырвался, да ещё с этой собакой, которая, правду сказать, ещё хуже его самого. Так как же мне, скажите на милость, успеть со стиркой?

— Да бросьте вы про стирку,— сказал Тоуд, которому тема разговора перестала нравиться.— Вы лучше подумайте о кролике. Молоденьком, жирненьком кролике. Лук-то у вас есть?

— Я не могу думать ни о чём другом, кроме стирки,— сказала женщина,— и я удивляюсь, как вам в голову лезут кролики, когда у вас такие радужные перспективы. Там, в кабине, вы найдёте кучу белья. Выберите парочку вещичек из самых необходимых, я не решусь произнести каких, но вы сразу увидите. Если, пока мы едем, вы разок-другой проведёте их в корыте, то это будет для вас удовольствие, как вы говорите, и большая подмога мне. Там, в кабине, и корыто есть наготове, и мыло, и чай-

ник греется на плите, а рядом с плитой стоит ведёрко, чтобы черпать воду из канала. Мне будет приятно знать, что вы получаете удовольствие, вместо того, чтобы скучать тут со мной и раздирать рот зевотой.

— Давайте лучше я буду править, пусть-ка меня к рулю,— сказал Тоуд, здорово струсив.— И тогда вы можете всё выстирать по-своему. А то ещё я испорчу ваше бельё, выстираю, да не смогу угодить. Я-то всё больше стираю мужское бельё. Это моя узкая специальность.

— Доверить вам руль?— ответила женщина смеясь.— Надо сперва научиться управлять баржей как следует. Кроме того, это работа скучная, а я хочу, чтобы вам было хорошо. Нет, вы уж лучше займитесь любимым делом, а я останусь за рулём, я к этому привычная. Пожалуйста, не лишайте меня возможности доставить вам удовольствие.

Тоуд почувствовал, что его загнали в угол. Он поглядел направо и налево, думая, как бы ему удрать, но до берега ему было не допрыгнуть, поэтому он покорился судьбе.

«В конце концов,— подумал он с тоской,— всякий дурак может стирать».

Он притащил корыто, мыло и прочее необходимое из кабины, выбрал наудачу несколько вещей, попытался вспомнить, что он время от времени видел в окошко, когда ему приходилось проходить мимо дома, где жила прачка, и принялся за работу.

Прошло длинных полчаса, и каждая наступающая минута приносила мистеру Тоуд все большее и большее раздражение. Что бы он ни делал с этими вещами, их это не удовлетворяло. Он пробовал их убедить сделаться почище, он пробовал их щипать, он пробовал их коло-

тить, но они нахально улыбались, выглядывая из корыта, и, казалось, были в восторге от того, что сохраняли свою первоначальную грязь. Раз или два он нервно оглянулся через плечо на женщину, но она глядела прямо перед собой, занятая рулём. Его спина начала болеть, и он с отчаянием заметил, что лапы у него стали совсем морщинистыми. А надо сказать, что мистер Тоуд очень гордился своими лапами. Он пробормотал слова, которые не должны бы произносить ни прачки, ни жабы, и в пятнадцатый раз упустил мыло.

Взрыв хохота заставил его вскочить и оглянуться. Женщина сидела откинувшись и безудержно хохотала, пока слёзы не потекли у неё по щекам.

— Я всё время наблюдала за тобой,— сказала она, переводя дух.— Я так и думала, что ты барахло, когда ты тут начала хвастаться. Ничего себе прачка! Спорим, ты и крохотного лоскутка в жизни не выстирала!

Мистер Тоуд, который и так закипал, тут уж вскипел окончательно и потерял над собой всякий контроль.

— Ты мерзкая, низкая, жирная баба!— закричал он.— Не смей так со мной разговаривать, потому что я лучше тебя! Прачка! Как бы не так! Так знай же, что я мистер Тоуд, прославленный, уважаемый, выдающийся Тоуд! Пусть надо мной сейчас слегка сгустились тучи, но я не потерплю, чтобы надо мной смеялись какие-то тётки с баржи!

Женщина подвинулась к нему и пристально пригляделась.

— Конечно!— закричала она.— Отвратительная скользкая жаба! На моей прекрасной чистой барже! А это уже то, чего не потерплю я!

На минутку она рассталась с рулём. Огромная мускулистая рука протянулась к нему и схватила его за переднюю лапу, а другая за заднюю. После этого мир вдруг перевернулся вверх ногами, показалось, что баржа легко заскользила по нему, в ушах засвистел ветер, и мистер Тоуд понял, что он летит к тому же ещё и быстро вращаясь в воздухе. Вода оказалась холоднее, чем ему хотелось бы, хотя её температуры не хватило, чтобы остудить его гордыню или погасить огонь его негодования.

Отплёвываясь, он вынырнул на поверхность, а когда отёр ряску со своих глаз, первое, что он увидел, была женщина на барже, которая смотрела на него с кормы и смеялась, и он, кашляя и глотая воду, поклялся с ней поквитаться.

Он с трудом поплыл к берегу, хотя ситцевое платье всячески старалось воспрепятствовать его усилиям, и, когда он наконец коснулся земли, он понял, как нелегко ему будет взобраться по крутому склону без посторонней помощи. Он должен был постоять и передохнуть минуточку или две, чтобы успокоить дыхание, а затем, перекинув края мокрой юбки через локоть, бешеный от возмущения и жаждущий мести, он помчался догонять баржу с такой скоростью, с какой только несли ноги.

Женщина на барже всё ещё смеялась, когда он поравнялся с ней.

— Постирай саму себя, прачка!— кричала она.— Погладь свою морду утюгом и завейся, тогда ты сойдёшь за вполне приличную жабу!

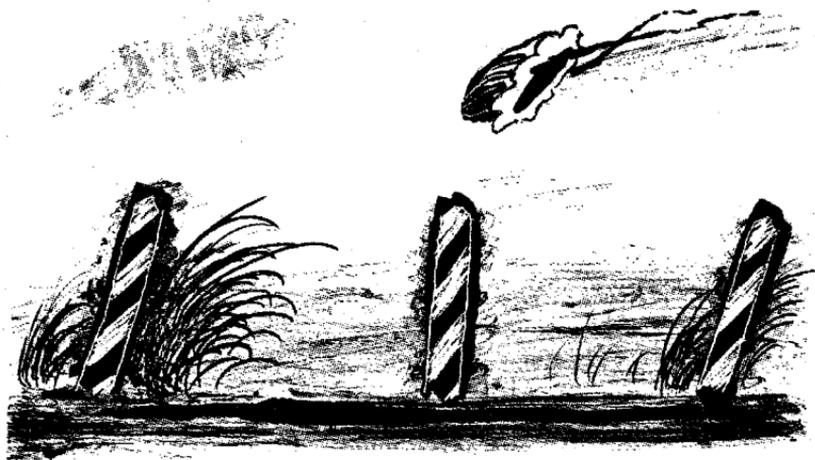
Но мистер Тоуд не терял времени на ответы. Он хотел серьёзной мести, а не дешёвой победы в словесном поединке, хотя парочка слов вертелась у него на языке. Впереди он

увидал, что ему было нужно. Прибавив скорости, он догнал лошадь, отвязал и отбросил от постромок бечеву, за которую та тянула баржу, легко вспрыгнул ей на спину и пустил галопом, наявивая пятками по бокам. Он свернул в сторону, покидая идущую вдоль канала дорожку для буксировки судов, и погнал свою кобылу по изрытой колеями деревенской дороге. А женщина на барже, бешено жестикулируя, кричала:

— Стой! Стой! Стой!

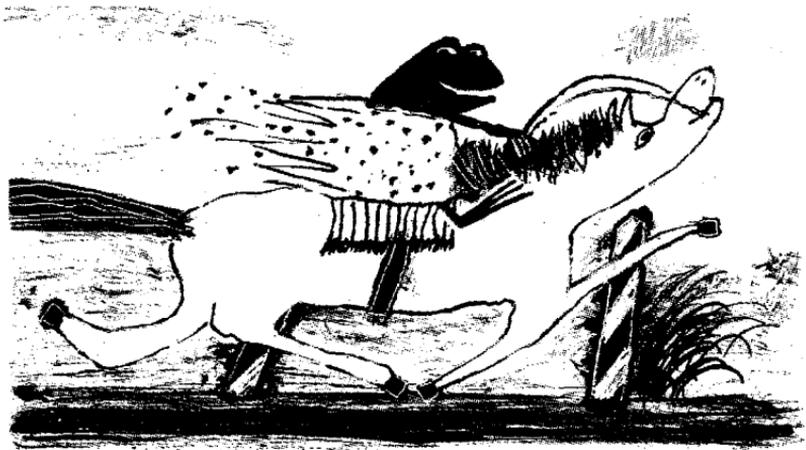
— Я эту песенку уже слышал,— сказал мистер Тоуд, смеясь и продолжая понукать кобылку.

Лошадь, привыкшая медленно тянуть баржу, не была способна к продолжительным усилиям, и скоро галоп перешёл в рысь, а рысь в медленный шаг, но Тоуд довольствовался и этим, сознавая, что он движется, а баржа стоит. К этому времени он успокоился и овладел собой, потому что, как ему казалось, он совершил умный поступок. Поэтому ему было приятно медленно ехать по солнышку, пользуясь, где только удавалось, переулочками и боковыми дорожками и стараясь забыть, сколько времени



прошло с тех пор, как он ел что-нибудь существенное, и вскорости канал остался далеко позади.

Они уже отмахали несколько миль, и мистера Тоуд стало клонить в сон на жарком солнце, когда лошадь остановилась, опустила голову и стала щипать траву. Проснувшись, мистер Тоуд с трудом удержался у неё на спине. Он огляделся и понял, что находится на широком выгоне, на котором, сколько хватало глаз, пятнами там и сям виднелись кусты ежевики. А совсем близко от него стояла крытая цыганская повозка, грязная и выцветшая, а рядом с ней на перевёрнутом ведре сидел человек, который сосредоточенно курил, вперив взгляд куда-то вдаль, в необозримый мир. Рядом с человеком горел костёр из хвороста, а над костром висел железный котелок, из которого доносилось бульканье и шипенье и поднимался намекающий кое на что парок. А ещё оттуда доносились запахи — тёплые и разнообразные, которые сплетались друг с другом, свивались, клубились и соединились, в конце концов, в один сладостный запах, показавшийся мистеру Тоуд самой душой При-



роды. Мистер Тоуд теперь понял, что раньше он никогда не бывал по-настоящему голоден. То, что он ощущал с утра, было так, лёгким приступом малодушия. И вот оно явилось наконец, настоящее! Тут уж не могло быть никакой ошибки. И надо было что-то быстренько делать, иначе случится беда с кем-то или с чем-то. Он пристально оглядел цыгана, туманно соображая, что же будет легче: подражаться с ним или каким-нибудь хитрым образом обмануть. Он принюхивался, и принюхивался, и глядел на цыгана, а цыган сидел, и курил, и смотрел на него.

Наконец цыган вынул трубку изо рта и заметил как бы невзначай:

— Хочешь, что ли, эту свою кобылу продать?

Тоуд был совершенно сбит с толку. Он не знал, что цыгане очень любят торговать лошадьми и никогда не упускают такого случая, и ещё он не учёл, что цыганская повозка всегда в движении, а для этого обязательно нужна лошадь.

Он не имел намерения обратить лошадь в деньги, но предложение цыгана облегчало ему путь к двум столь необходимым ему вещам — наличным деньгам и солидному завтраку.

— Что?— сказал он.— Чтобы я продал эту красивую молодую лошадь?! Нет, нет, это совершенно отпадает. А кто будет развозить бельё по клиентам в субботние дни? И потом, она слишком ко мне привязана, а я-то просто души в ней не чаю.

— Попробуй полюбить ослика,— сказал цыган.— Некоторые любят.

— Руби дерево по себе,— сказал мистер Тоуд.— Разве ты не видишь, что эта лошадь не для того, чтобы таскать повозку. Эта лошадь

хороших кровей... частично. Не там, где ты на неё смотришь. С другой стороны, где тебе не видно. Это призовая лошадь. Она брала призы в своё время, давненько, правда, но всё равно это видно и сейчас, стоит только на неё поглядеть, если ты хоть что-нибудь понимаешь в лошадях. Нет, о продаже сейчас нет никакой речи. А любопытства ради, сколько ты собирался мне за неё предложить?

Цыган внимательно оглядел лошадь, потом с равным вниманием оглядел мистера Тоуд и потом снова — лошадь.

— По шиллингу за копыто!— сказал он коротко и отвернулся, продолжая курить и вглядываться в широкий мир, пока тот не подёрнется синевой.

— Шиллинг за копыто?!— воскликнул Тоуд.— Погоди немного, я должен сообразить, сколько это получается всего.

Он слез с лошади, отпустил её попасть, усевшись рядом с цыганом, стал складывать на пальцах. Наконец он сказал:

— По шиллингу за копыто? Но это выходит ровно четыре шиллинга, и толечко! О, нет! Я и подумать не могу получить четыре шиллинга за мою красивую молодую лошадь.

— Ладно,— сказал цыган,— я тебе скажу, что я сделаю. Я дам тебе пять шиллингов, а это будет ровно на три шиллинга и пять пенсов больше, чем это животное стоит. И это моё окончательное слово.

Мистер Тоуд посидел и серьёзно подумал. Он был голоден и без гроша и неизвестно, на каком расстоянии от дома, а враги всё ещё, может быть, гонятся за ним. Тому, кто находится в подобном положении, пять шиллингов могут показаться изрядной суммой. С другой стороны, это вроде бы уж очень низ-

кая цена за лошадь. Но опять же, лошадь ему самому досталась даром, таким образом, что бы он ни получил, оборачивалось чистой прибылью. Наконец он проговорил решительным тоном:

— Послушай, я тебе скажу, как мы поступим, и это уже моё окончательное слово. Ты мне даёшь шесть шиллингов и шесть пенсов из рук в руки наличными. А к тому ещё ты дашь мне столько еды, сколько я смогу съесть за один присест, разумеется, из этого вот твоего железного котелка, который испускает такие аппетитные и возбуждающие ароматы. За это я тебе отдаю мою молодую, полную сил лошадь с её прекрасными постромками и всем остальным в придачу. Если тебя это не устраивает, так и скажи, и я тут же уеду. Я знаю одного человека, который годами упрашивает меня продать ему мою лошадь.

Цыган долго ворчал, что если он ещё заключит парочку таких сделок, то он обязательно разорится. Но под конец он вытащил грязный парусиновый кошель из кармана своих широких штанов и отсчитал шесть шиллингов и шесть пенсов на лапу мистера Тоуд. Потом он на минутку скрылся в своей повозке и вернулся, неся большую железную тарелку, ложку, вилку и нож. Он снял котёл с огня, наклонил его, и горячий, душистый, жирный поток выплеснулся оттуда на тарелку. Это была, несомненно, самая лучшая еда в мире, потому что была приготовлена из куропаток, и фазанов, и цыплят, и зайцев, и кроликов, и цесарок, и ещё кое из чего, вроде картошки и лука. Тоуд поставил тарелку себе на колени и чуть не плача ел, и ел, и ел, и просил добавки, и цыган, не скупясь, добавлял. Мистеру Тоуд казалось, что он в жизни не едал такого вкусного завтрака.

Когда на борт было загружено такое количество пищи, какое только можно выдержать, Тоуд попрощался с цыганом, нежно обнялся с лошадьёю и снова двинулся в путь в самом лучезарном настроении, потому что цыган, который хорошо знал все окрестности, показал ему, в каком направлении идти. Это уже был другой Тоуд, очень сильно отличавшийся от того, каким он был час назад. Солнце ярко светило, платье уже почти высохло, в кармане у него были денежки, и, что самое главное, он основательно поел вкусной еды, горячей и питательной, и теперь он снова чувствовал себя большим и сильным, беззаботным и уверенным.

Он весело шагал, вспоминая свои приключения и побег, все те положения, когда дело складывалось вроде бы хуже некуда, но из которых он всегда находил выход. И вот его снова начали распирать гордость и зазнайство.

— Хо-хо!— говорил он самому себе, весело маршируя и задирая подбородок к небу.— Какая я умная жаба! Ясное дело, что по уму ни один зверь со мной сравниться не может! Мои враги заточили меня в тюрьму, окружили караулом, день и ночь стерегли меня их тюремщики. А я спокойненько прохожу мимо них, только благодаря своим способностям, помноженным на отвагу. Они гоняются за мной на паровозах с полисменами и револьверами, а я только прищёлкиваю пальцами и исчезаю у них под носом и смеюсь над ними издали. Меня безжалостно швыряет в канал женщина, толстая телом и злобная душой. Ну и что из этого? Я доплываю до берега и назло ей завладеваю её лошадьёю. Я скачу на лошади триумфатором, и я получаю за неё полный карман денег и отличный завтрак! Хо-хо! Я — Тоуд

Великолепный! Я — прославленный, удачливый мистер Тоуд!

Он так раздулся от самодовольства, что, пока шагал, сочинил песню, прославляющую его самого, и распевал её во всё горло. Это, скорее всего, самая самодовольная песня, какую когда-либо сочинил какой-нибудь зверь:

Историй о разных героях  
В учебниках невпроворот.  
Но кто их сравнит с тем, чья слава звенит,  
С отважнейшим мистером Тоуд!

В Оксфорде — прорва учёных,  
Грамотный это народ.  
Но кто их сравнит с тем, кто так знаменит,  
С учёнейшим мистером Тоуд!

Все звери по паре уселись в ковчег,  
Он нёс их вперёд и вперёд.  
Кто крикнул: «Гляди, земля впереди!»—  
Догадливый мистер Тоуд!

Вся армия нынче идёт на парад,  
За взводами движется взвод.  
Кому отдают солдаты салют?  
Конечно же, мистеру Тоуд!

Сидела с утра королева в саду  
И шила из байки капот.  
Воскликнула: «Ах! Кто там весь в орденах?»  
Ответили ей: «Мистер Тоуд!»

И было ещё много чего в этом же роде, но уж такое бахвальство, что приводить здесь не стоит. Эти куплеты ещё самые скромные! Он пел, пока шёл, и он шёл, пока пел, и гордость его принимала угрожающие размеры, но вскоре ей предстояло получить чувствительный удар.

Пройдя несколько проулочков между живыми изгородями, Тоуд добрался до большака. Он вышел на него, оглядел во всю длину и вдруг увидел вдали крапинку, которая быстро

превратилась в пятнышко, потом в маленький шарик, а потом во что-то очень знакомое, и звук, обозначающий предупреждение, слишком хорошо ему известный, донёлся до его очарованного слуха.

— Вот это да!— воскликнул он, приходя в возбуждение.— Снова начинается настоящая жизнь! Вот он — широкий мир, о котором я так долго тосковал! Я их сейчас остановлю, моих братьев по колесу, я расскажу им сказочку, которая до сих пор так отлично срабатывала, и они меня, конечно, согласятся подвезти, а потом я ещё чего-нибудь наболтаю, и, возможно, если повезёт, дело кончится тем, что я подъеду к Тоуд-Холлу на автомобиле! Вот тебе будет длинный нос, дорогой Барсук!

Он уверенно ступил на дорогу, чтобы проголосовать. Автомобиль приближался, сбрасывая скорость возле перекрёстка. Вдруг мистер Тоуд страшно побледнел, душа ушла в пятки, колени затряслись и подогнулись, он сложился пополам и рухнул на землю, ощущая боль и тошноту. И было от чего бедняге упасть в обморок: приближающийся автомобиль был тот самый, который он угнал со двора гостиницы «Красный Лев» в тот трагический день, с которого начались все его несчастья. А люди были теми же самыми людьми, которых он видел тогда в гостиничном кафе. Он лежал на дороге, несчастный, кучей старых тряпок, и только бормотал:

— Ну, всё, всё, всё, конец. Наручники и полицейские снова. Тюрьма снова. Хлеб и вода снова. О, какой же я дурак! И зачем мне понадобилось расхаживать с важным видом по белу свету, самодовольно распевая песни и голосуя среди бела дня на большой дороге, вместо того чтобы спрятаться, дожидаться, пока стем-

неет, и спокойноенько проскользнуть домой обходными дорожками. О, несчастный Тоуд! О, невезучий зверь!

Ужасный автомобиль медленно приближался, пока не остановился совсем рядом с ним. Два джентльмена вышли из машины и подошли к дрожащему мистеру Тоуд, который являл собой одно сплошное отчаяние. Один из них сказал:

— Ах, боже мой, как жаль! Бедная старая женщина, похоже что прачка, потеряла сознание. Может, у неё солнечный удар, а может быть, бедняжка ничего ещё сегодня не ела. Давайте поднимем её, и отнесём в машину, и отвезём в ближайшую деревню, где у неё, наверное, есть друзья.

Они осторожно подняли мистера Тоуд, и отнесли в машину, и подложили мягкие подушки, а потом двинулись дальше.

Когда Тоуд услышал, как ласково они с ним разговаривают, он понял, что его не узнали. Он почувствовал себя смелее и осторожноенько приоткрыл сначала один глаз, а потом и другой.

— Взгляните,— сказал один из джентльменов,— ей уже лучше. Свежий воздух пошёл ей на пользу. Как вы себя чувствуете, мэм?

— Сердечно благодарю, сэр,— сказал Тоуд слабым голосом,— мне теперь гораздо лучше!

— Вот и славно!— сказал джентльмен.— Полежите спокойно и, кроме того, не пытайтесь говорить.

— Я не буду,— сказал Тоуд.— Я только подумала, нельзя ли мне сесть впереди, рядом с шофёром. Там бы меня обдало ветерком, и я бы скоро совсем пришла в себя.

— Какая благоразумная женщина!— сказал джентльмен.— Ну конечно, можно.

Он заботливо помог мистеру Тоуд пересесть на переднее сиденье возле шофёра, и машина ещё раз тронулась с места.

Тоуд к этому времени уже почти совсем оправился. Он выпрямился, поглядел вокруг и постарался заглушить в себе прежний трепет перед автомобилем; неодолимое желание сесть за руль, которое поднималось в нём, начало полностью им овладевать.

— Это судьба, — сказал он, — позвольте мне попробовать повести машину хоть немножечко. Я очень внимательно за вами наблюдала, и мне кажется, это так занятно и так легко! И мне бы очень хотелось рассказать своим друзьям, что однажды я управляла автомобилем!

Шофёр рассмеялся в ответ на это предложение так оглушительно, что один из джентльменов спросил, в чём дело.

Когда он услышал, то, к восторгу мистера Тоуд, он сказал:

— Bravo, мэм! Мне нравится крепость вашего духа! Пусть она попробует, а ты присмотри за ней. Ничего не случится.

Мистер Тоуд торопливо вскарабкался на место, которое освободил шофёр, взялся за руль, с притворным вниманием выслушал инструкции и тронул машину с места сперва медленно и осторожно, потому что дал себе слово быть благоразумным.

Джентльмены на заднем сиденье захлопали в ладоши, и Тоуд услышал, как один другому сказал:

— Как у неё здорово получается! Подумать только, какая-то прачка и ведёт машину впервые в жизни!

Тоуд поехал быстрее, потом ещё быстрее и ещё быстрее.

Он услышал, как один из джентльменов предупредил его:

— Будь поосторожнее, прачка!

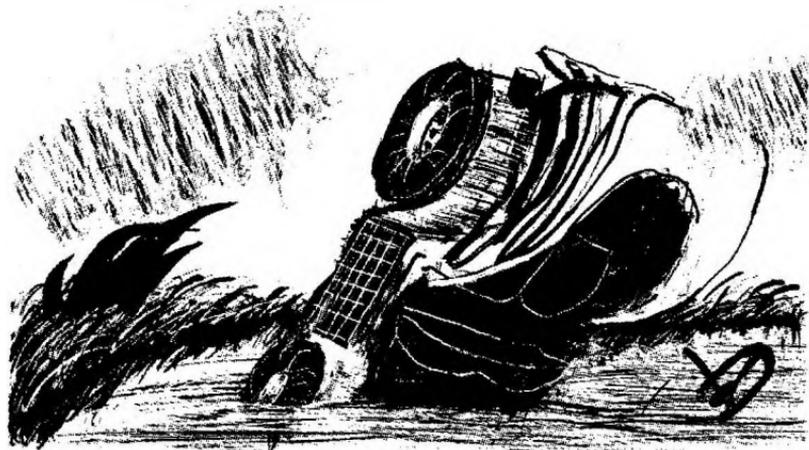
Но это его только раздражило, так как он уже начал терять голову.

Шофёр сделал попытку вмешаться, но Тоуд притиснул его к сиденью локтем и изо всех сил нажал на газ. То, как воздух кидался ему в лицо, как гудел мотор, как подскакивал на ухабах автомобиль, опьянило его слабую голову.

— Прачка, как бы не так!— выкрикивал он безрассудно.— Хо-хо! Я — Тоуд, угонщик автомобилей, убегающий из ваших тюрем, Тоуд, который всегда исчезает! Сидите смирно, и я вам покажу, что значит настоящая езда, потому что вас везёт знаменитый, умелый, совершенно бесстрашный мистер Тоуд!

С криком ужаса вся компания поднялась с мест и набросилась на него.

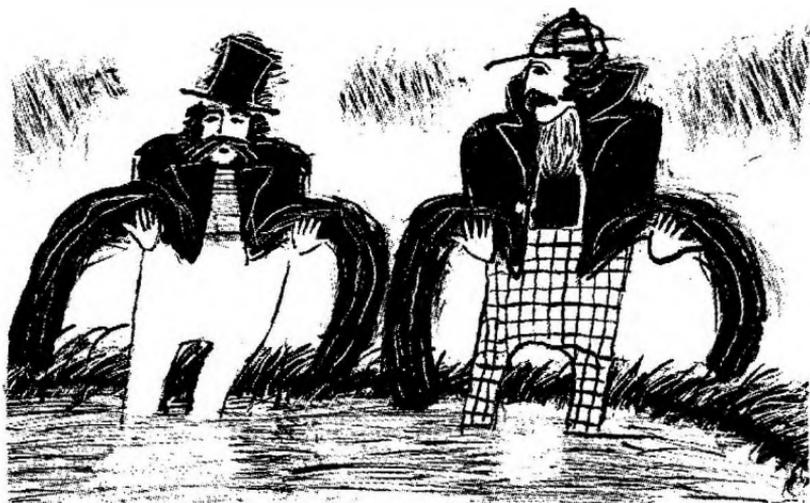
— Хватайте его!— кричали они.— Хватайте жабу, этого скверного зверя, который пытался украсть нашу машину. Свяжите его, наденьте на него цепи, тащите его в ближайший полицейский участок! Долой неисправимого и опасного мистера Тоуд!



Увы! Прежде чем на него набрасываться, им надо было проявить благоразумие и сначала каким-то образом заставить его остановиться. Вывернув в сторону руль, Тоуд налетел на низкую изгородь, шедшую вдоль дороги. Мощный рывок, сумасшедший удар — и все четыре колеса ухнули в утиный пруд, отчаянно взбаламутив воду.

Тоуд обнаружил, что он летит по воздуху вверх и вверх, иногда кружась в небе, как ласточка. Ему это даже понравилось, он стал было думать, что будет так лететь, пока у него не вырастут крылья, и он, возможно, превратится в жабоптицу, как вдруг он приземлился, шлёпнувшись спиной на густую и мягкую луговую траву. Немного приподнявшись, он увидел, что автомобиль торчит в пруду и почти совсем утонул в нём, а джентльмены и шофёр, не в силах сладить с полами своих длинных пальто, барахтаются в воде.

Он быстренько поднялся и побежал изо всех сил, продираясь сквозь живые изгороди, перепрыгивая через кюветы, проносясь по полям, пока совсем не выбился из сил и не задох-



нулся, и лишь тогда перешёл на шаг. Когда Тоуд чуть-чуть отдышался и мог спокойно подумать, он начал хихикать, а хихиканье вскоре перешло в смех, и он смеялся до тех пор, пока не ослабел и не был вынужден присесть возле живой изгороди.

— Хо-хо!— закричал он, приходя в экстаз от восторга перед самим собой.— Опять Тоуд! Тоуд, как всегда, берёт верх! Кто заставил их взять меня в машину? Кто сумел пересесть на переднее место ради свежего воздуха? Кто убедил их дать мне повести машину? Кто засунул их всех в утиный пруд? Кто удрал от них, пролетев целым и невредимым по воздуху, оставив этих узколобых, разозлённых, трусливых экскурсантов в грязи посреди пруда, где им как раз место? Кто? Тоуд, конечно! Умный Тоуд, великий Тоуд, замечательный Тоуд!

И он опять разразился песней и распевал её во всё горло:

Автомобиль гудел «би-би»  
И нёсся всё вперёд.  
Кто в пять минут загнал его в пруд?  
Хитроумный мистер Тоуд!

О какой я умный! Какой умный, какой умный, какой невозможно ум...

Какой-то неясный звук на некотором расстоянии от него заставил его обернуться и поглядеть. О, ужас! О, тоска! О, отчаяние!

Примерно через два поля он увидел шофёра в его кожаных гетрах и двух могучих деревенских полицейских, бегущих к нему изо всех сил.

Бедняга Тоуд вскочил, душа его снова оказалась в пятках, а пятки эти снова забарабанили по земле.

— О боже мой!— задыхался он и пыхтел на бегу.— Какой же я осёл! Самовлюблённый,

безответственный осёл! Опять набрался важности! Опять орал свои песни! Опять сидел на месте и бахвалился! О боже мой, боже мой, боже мой!

Он оглянулся и с отчаянием увидал, что преследователи его настигают. Он бежал изо всех сил, но всё время оглядывался и видел, что те трое всё приближаются и приближаются. Он не щадил себя, но ведь он был маленьким и толстым зверем, и лапы у него были короткие. Теперь он слышал их шаги совсем близко позади себя. Он уже перестал глядеть, куда он бежит, он нёсся вслепую, не глядя, не соображая, только иногда, оглянувшись, видел, как на лицах его преследователей изображалось торжество, как вдруг земля ушла у него из-под ног, он схватился за воздух и — плюх — с головой оказался в глубокой воде, быстрой воде, воде, которая повлекла его куда-то с такой силой, что он не имел возможности сопротивляться, и тут он понял, что в своём слепом отчаянии он угодил прямо в реку!

Он вынырнул на поверхность и попытался ухватиться за камыши и осоку, которые росли вдоль реки под самым берегом, но течение было таким сильным, что оно вырывало их у него из лап.

— О боже мой! — восклицал бедный Тоуд. — Никогда в жизни я больше не буду угонять автомобили! Никогда в жизни я не буду петь зазнайские песни!

Тут он ушёл в воду, вынырнул снова, у него перехватило дух, и он стал захлёбываться. Вскоре он заметил, что течение несёт его к большой тёмной норе, вырытой в береговом обрыве, как раз у него над головой, и, когда вода влекла его мимо входа в эту нору, он вытянулся изо всех сил, ухватился за край и

удержался. Потом понемногу, с большим трудом, он стал подтягиваться, пока не смог закрепить локтями. В таком положении он передохнул.

И пока он пыхтел, и вздыхал, и пристально глядел в темноту, какая-то маленькая яркая штучка блеснула из глубины, подмигнула и стала приближаться к нему. По мере того как она приближалась, она стала обрастать лицом, и лицо это показалось ему знакомым.

Коричневое, маленькое, с усами.

Серьёзное, круглое, с аккуратными ушками и шелковистой шерсткой.

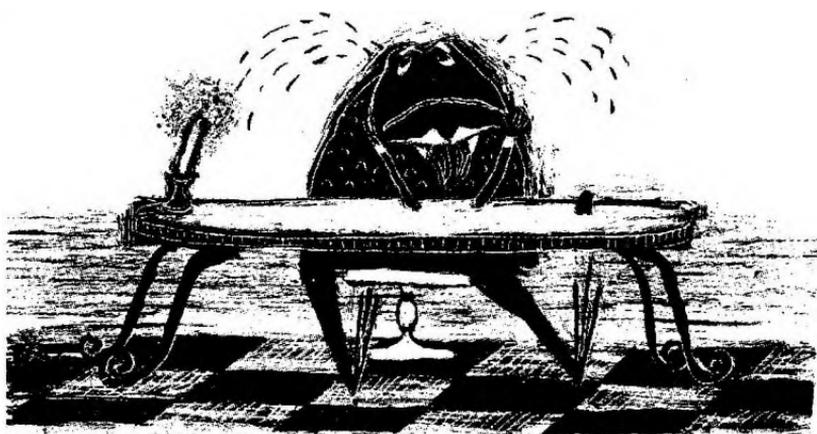
Это был дядюшка Рэт.





---

**"Как летний ливень -  
слёз поток"**







ядюшка Рэт высунул аккуратную коричневую лапку, крепко схватил мистера Тоуд за шиворот, рванул его кверху и подтащил к норе. Отяжелевший, пропитанный водой, Тоуд медленно, но

верно достиг края норы и через мгновение живой и здоровый стоял в прихожей, весь измазанный тиной и облепленный водорослями, как, впрочем, и следовало ожидать, но вполне довольный и в наилучшем расположении духа, как бывало в прежние времена. Раз уж он попал в дом своего друга, то необходимость маскироваться, хитрить и изворачиваться отпала, и он мог сбросить с себя маскарадный костюм, который не пристал джентльмену его положения и к тому же доставил столько хлопот.

— О, Рэтти! — воскликнул он. — Чего я только не пережил с тех пор, как виделся с тобой



в последний раз, ты не можешь себе представить! Такие переживания, такие испытания, и как я всё это благородно перенёс! Какие исчезновения, какие переодевания, то прячусь, то ускользаю... и заметь — всё продумано, всё спланировано и выполнено с блеском! Был в тюрьме — выбрался оттуда, само собой разумеется! Швырнули меня в канал — доплыл до берега! Угнал лошадь — за дорого продал! Всех обвёл вокруг пальца, всех заставил поплясать под мою дудочку! Я умнейший Тоуд, в этом нет ни малейших сомнений! Какой, как ты думаешь, я совершил подвиг под конец? Потерпи, я тебе всё расскажу...

— Тоуд, — сказал Рэт серьёзно и твёрдо, — сейчас же отправляйся наверх, сними с себя эту старую ситцевую тряпку, которая, похоже, когда-то была платьем какой-нибудь прачки, как следует вымойся, надень что-нибудь моё и прими вид джентльмена, если сумеешь. Должен тебе сказать, что более замурзанного, затрёпанного, срамного вида я ни у кого не видал ни разу в жизни. Кончай бахвалиться и препираться со мной и отправляйся! Чуть позже мы поговорим. У меня много накопилось.

Тоуд хотел огрызнуться. Хватит, им уже хорошо покомандовали в тюрьме, а тут, по видимому, всё начинается сначала. И кто начинает? Рэт — Водяная Крыса! Но он нечаянно увидел своё отражение в зеркале за стоячей вешалкой, в потрёпанном чепце, печально сползшем на левый глаз, раздумал отругиваться и послушно отправился в ванную комнату. Он как следует вымылся, почистился, пригладил волосы щёткой, переоделся и долго стоял перед зеркалом, с удовольствием рассматривая самого себя, и думал, что за дураки те, кто хоть на мгновение мог принять его за прачку.

К тому времени, когда он спустился, обед был уже на столе, что очень его обрадовало. И времени много прошло, и побегать ему немало довелось с тех пор, как цыган накормил его замечательным завтраком. Пока они ели, мистер Тоуд рассказал дядюшке Рэт все свои приключения, подробно останавливаясь на том, какой ум он проявил, и какое присутствие духа в острых ситуациях, и хитроумие в узких местах, всё хотел представить дело так, будто он пережил весёлые и разнообразные приключения. Но чем больше он распространялся, тем серьёзнее и молчаливее становился дядюшка Рэт.

Когда Тоуд наконец выговорился, в комнате на некоторое время воцарилось молчание, потом Рэт сказал:

— Послушай-ка, Тоуди, я не хочу обижать тебя, ты и так много пережил. Но говоря серьёзно, неужели ты не понимаешь, каким ты выставил себя дураком? Как ты сам признаёшься, на тебя надевали наручники, заточали в тюрьму, морили голодом, травили, как зайца, пугали до потери сознания, оскорбляли, глумились и, наконец, к твоему позору, швырнули в воду. И кто же? Какая-то баба! Что в этом забавного? Чего весёлого? И всё из-за того, что тебе приспичило угнать чужую машину. Ты сам прекрасно знаешь, что от машин тебе были одни беды и неприятности с того самого момента, когда ты впервые увидел автомобиль. Если ты разбиваешься через пять минут после того, как ты сел за руль,— а так оно чаще всего и бывает,— то зачем же тогда чужую-то машину воровать? Пожалуйста, можешь сделаться инвалидом, если тебе это нравится, пожалуйста, можешь обанкротиться для разнообразия, если уж ты так решил, но в каторжники-то

зачем попадать? Когда же ты наконец проявишь благоразумие, и подумаешь о своих друзьях, и позволишь им гордиться тобой? Ты думаешь, мне приятно, например, слышать, как звери говорят мне вслед, что я вожусь с уголовниками?

У мистера Тоуд была одна черта, которая всех с ним примиряла,— у него было беззлобное сердце. Он не сердился, когда ему читали нравоучения те, кого он считал своими настоящими друзьями. И даже когда они сильно на него нападали, он мог понять и другую сторону. Пока дядюшка Рэт так серьёзно с ним говорил, он про себя всё время бормотал: «Нет, это как раз очень даже весело»— и издавал всё время неясные звуки, вроде «р-р-раз!», и «би-би», и ещё какие-то, которые напоминали приглушённое хрюканье или шипение, какое обычно получается, когда открывают бутылку с содовой. Но всё же когда Рэт замолчал, он издал глубокий вздох и сказал тихим и покорным голосом:

— Ты прав, Рэтти! Ты всегда очень разумно говоришь. Я вёл себя как самовлюбленный старый осёл, мне это совершенно ясно, но теперь я буду совсем хорошим и не буду делать больше никаких глупостей. А что до автомобилей, я как-то поостыл к ним, после того как нырнул в эту твою речку. Знаешь, когда я висел, уцепившись за край норы, пытаюсь отдышаться, меня осенила действительно блестящая идея — насчёт моторных лодок... ну ладно, ладно, не принимай всё так близко к сердцу, это же только так, просто мысли вслух, и давай больше не будем об этом. Попьем кофейку, покурим, поболтаем, а потом я спокойненько пройду до Тоуд-Холла, переоденусь в своё и всё там налажу, чтобы всё было, как и бывало раньше.

Хватит с меня приключений. Я буду вести размеренную, приличную жизнь, займусь хозяйством, приведу в порядок сад, буду сажать цветочки. У меня всегда будет готов обед для друзей, заглянувших ко мне на часок. Я опять заведу пони с тележкой, чтоб можно было прокатиться по окрестностям, как было в старые, добрые времена, до того как на меня это напало и я натворил глупостей.

— Спокойненько пройдёшься до Тоуд-Холла?— возбуждённо воскликнул дядюшка Рэт.— О чём ты говоришь? Ты хочешь сказать, что ты ничего не слышал?

— Что не слышал?— спросил мистер Тоуд, бледнея.— Говори, Рэтти! Скорей! Не щади меня. О чём я не слышал?

— Ты хочешь сказать,— кричал Рэт, стуча маленькими кулачками по столу,— что ты ничего не слышал о ласках и горностаях?

— Что? Эти, из Дремучего Леса?— воскликнул мистер Тоуд, начиная дрожать.— Ни слова не слышал! А что они сделали?

— И как они захватили Тоуд-Холл?— продолжал дядюшка Рэт.

Тоуд положил локти на стол, подбородок — на лапы, две крупные слезы накопились у него в глазах, перелились через край и упали на стол — кап! кап!

— Продолжай, Рэтти,— пробормотал он.— Рассказывай всё. Я уже с собой справился. Я снова Тоуд. Я перенесу.

— Когда ты попал... ну, когда с тобой случилось это несчастье,— начал Рэт медленно, подбирая выражения,— ну, словом, когда ты исчез на время из общества, благодаря этому, ну... недоразумению с автомобилем, ты понимаешь...

Тоуд только кивнул.

— Об этом тут, естественно, много говорили,— продолжал дядюшка Рэт,— не только тут, на берегу, но даже и в Дремучем Лесу. Мнения всех зверей разделились, как это обычно бывает. Те, кто с берега, все были за тебя. Они говорили, что с тобой обошлись несправедливо и что в наше время в этой стране не добьёшься правосудия. А те, из Дремучего Леса, говорили всякие горькие слова, мол, так тебе и надо и, мол, со всем этим пора кончать. И они страшно обнаглели и всё ходили везде и говорили, что с тобой на этот раз покончено навсегда. Что ты, мол, никогда, никогда не вернёшься.

Тоуд ещё раз молча покивал головой.

— Ну, ты знаешь, что это за звери?— продолжал дядюшка Рэт.— Но Крот и Барсук вмешались, они не уставали им объяснять, что ты скоро вернёшься. Они точно не знали, как ты вырвешься, но были уверены, это рано или поздно произойдёт.

Тоуд сел на своём месте поровнее и стал ухмыляться.

— Они приводили разные исторические примеры, когда мужество и умение внушить доверие, какими ты обладаешь, вместе с набитым кошельком одолевали законы. Они на всякий случай забрали свои вещи, и переехали в Тоуд-Холл, и ночевали там, и проветривали комнаты, и всё держали наготове к твоему возвращению. Они, конечно, не могли догадаться, что произойдёт, но кое-какие подозрения относительно жителей Дремучего Леса у них были. Теперь я приближаюсь к самому печальному и трагическому моменту своего рассказа. Однажды тёмной ночью — должен сказать, что это была очень тёмная ночь и ветренная до невозможности, и к тому же дождь лил как из ведра,—

ласки, собравшись целым отрядом, вооружённые до зубов, подползли к парадному входу Тоуд-Холла. Одновременно целая банда хорьков, пройдя огородами, овладела хозяйственным двором и конторой, а небольшой отряд головорезов горностаев занял оранжерею и бильярдную и пооткрыл все окна, выходящие на лужайку. Крот и Барсук сидели у камина в курительной комнате, рассказывая друг другу разные случаи из жизни, решительно ничего не подозревая, потому что в такую ночь ни один зверь не выходит из дому. Эти кровожадные злодеи ворвались в комнату и окружили их. Друзья сражались из последних сил, да толку-то что? Они были безоружны, кроме того, их застали врасплох, и к тому же что могут сделать двое против сотни? Их жестоко избили палками, этих двух преданных товарищей, и выгнали из дому на холод, сырость и в темноту, награждая неслыханными оскорблениями.

Тут бесчувственный мистер Тоуд не удержался, чтобы не подхихикнуть, но сразу же взял себя в руки и постарался принять очень серьёзный вид.

— И с тех пор эти из Дремучего Леса поселились в Тоуд-Холле,— продолжал дядюшка Рэт,— и ведут себя просто безобразно! Валяются в постели до обеда, завтрак у них в любое время, и такой, говорят, учинили разгром, что страшно смотреть. Они съедают твои запасы, выпивают всё, что у тебя есть в погребе, да ещё и потешаются над тобой, рассказывая про... там, магистраты, тюрьмы и полицию. Они сочиняют про тебя отвратительные грубые песенки, в которых остроумия ни на грош. И они говорят всем твоим слугам, что поселились в усадьбе навсегда.

— Да?— закричал мистер Тоуд, вскакивая и хватаясь за палку.— Я моментально займусь ими!

— Бесплезно, Тоуд!— прокричал ему вдогонку дядюшка Рэт.— Иди и сядь спокойно, ты только беду себе наживёшь.

Но Тоуд уже исчез, и удержать его не было никакой возможности. Он быстро шёл по дороге, перекинув палку через плечо, пыхтя и бормоча себе под нос что-то сердитое, пока не дошёл до парадных ворот. Тут из-за забора неожиданно выскочил большой рыжий хорёк и наставил на него ружьё.

— Стой! Кто идёт?— крикнул он резким голосом.

— Чушь и чепуха,— отозвался Тоуд сердито.— Кто тебе позволил так со мной разговаривать? Выходи оттуда сейчас же, не то я...

Хорёк больше не произнёс ни слова, он вскинул ружьё к плечу. Тоуд благоразумно бросился на землю, пригнулся, и — вжжик!— пуля просвистела у него над головой.

Потрясённый Тоуд поднялся на ноги и галопом помчался по дороге. Пока он бежал, он слышал отвратительный хохот хорька, который подхватили ещё какие-то мерзкие тоненькие голосочки.

Он вернулся к дядюшке Рэт совершенно опрокинутый.

— А что я тебе говорил?— отозвался Рэт.— Бесплезно. У них выставлены сторожевые посты, и они все вооружены. Я тебе говорю: подожди пока.

И всё же Тоуд не был склонен так уж сразу сдаваться. Он отвязал лодку и поплыл на вёслах вверх по реке, где, как ему было известно, сад Тоуд-Холла спускается к самой воде.

Приблизившись к тому месту, откуда был виден его старый милый дом, он, перестав грести и облокотившись о вёсла, осторожно оглядел всё вокруг. На первый взгляд было тихо, спокойно и безлюдно. Он мог спокойно обозревать фасад Тоуд-Холла, залитый лучами заходящего солнца, голубей, усаживающихся парочками на коньке крыши, сад весь в цвету, бухту перед лодочным сараем, маленький деревянный мостик, который перекинулся через бухту; всё было спокойно, необитаемо и, казалось, ждало его возвращения.

«Попробуем сперва проникнуть в лодочный сарай», — подумал Тоуд.

Он тихонечко поплыл к бухте и уже проплыл под мостом, как — бух! Огромный камень угодил прямо в лодку и пробил дно. Лодка тут же наполнилась водой и затонула, а мистер Тоуд оказался прямо в воде на глубоком месте. Подняв голову, он увидел у перил моста двух горностаев, которые перегнулись через перила и наблюдают за ним в полном восторге.

— Камешек следующий раз полетит в твою голову, Тоуди! — крикнули они ему.

Негодующий мистер Тоуд поплыл к берегу, а горностаи, поддерживая друг друга, чтобы не свалиться в воду, так и покатывались со смеху, с ними чуть не случилось двойной истерики, то есть по истерике на каждого, разумеется.

Тоуд должен был проделать весь долгий обратный путь пешком. Он рассказал дядюшке Рэт о неудаче, которая его вновь постигла.

— Ну, а я тебе что говорил? — сказал дядюшка Рэт сердито. — Сядь и сообрази, что ты сделал. Потопил мою лодку, которую я так люблю! Попросту загубил мой прекрасный костюм,

который я дал тебе поносить. Ну право же, Тоуд, свет не видал такого невозможного существа. Я удивляюсь, как это ты ещё ухитряешься сохранять каких-то друзей.

Тоуд сразу согласился, что вёл себя неправильно, признал свою глупость, раскаялся в своих ошибках и принёс самые горячие извинения за потопленную лодку и испорченный костюм. И закруглил свою речь выражением искренней покорности, которая всегда обезоруживала его друзей и обеспечивала ему прощение.

— Рэтти! Я теперь понимаю, какой был своевольный и своенравный! С этого времени, поверь мне, я буду тихий и послушный и ничего не сделаю без твоего совета и одобрения!

— Ну, если так,— сказал отходчивый дядюшка Рэт, смягчившись,— тогда мой совет тебе: поскольку уже поздно, садись и ужинай. Ужин сейчас появится на столе. И пожалуйста, прояви побольше терпения. Я убеждён, что мы с тобой ничего не можем предпринять, пока не повидаемся с Кротом и Барсуком, и не услышим от них последние новости, и все вместе хорошенечко не обсудим наши нелёгкие дела.



— А-а, да, конечно! Крот и Барсук, разумеется. А где они сейчас? Я было о них совсем позабыл,— заметил Тоуд легкомысленно.

— И ты ещё спрашиваешь! — сказал дядюшка Рэт с упрёком. — Пока ты носился по всей стране в дорогах автомобилях, и скакал на кровных скакунах, и устраивал пикники с цыганами, эти два бедных преданных зверя торчали на улице в любую погоду, проводя суровые дни и ночи, патрулируя вдоль границ Тоуд-Холла, не спуская глаз с ласок и горностаев, соображая, обдумывая, планируя, как отбить назад твою собственность. Ты не заслужил иметь таких верных, таких преданных друзей, честное слово, Тоуд! Когда-нибудь, когда будет уже поздно, ты пожалеешь, что не ценил их!

— Я неблагоприятное животное, я знаю,— заплакал Тоуд. — Давай я пойду и поищу их этой холодной и тёмной ночью, и разделю с ними все трудности, и постараюсь доказать... Пой! Кажется, я слышу звон тарелок и подноса. Ура! Ужин на столе! Давай, Рэtti!

Тут дядюшка Рэт вспомнил, что бедняга Тоуд долгое время находился на тюремном кош-



те, и поэтому не стоило на него сердиться. Он и сам последовал за ним к столу и, как хороший хозяин, просил его вознаградить себя за все прошлые лишения.

Они только успели покончить с едой и снова перейти в кресла, как раздался сильный стук в дверь. Тоуд перепугался, а дядюшка Рэт, таинственно кивнув, направился прямо к двери, отпер её, и в комнату вошёл дядюшка Барсук.

У него был вид джентльмена, который несколько ночей провёл вне дома, будучи лишён маленьких удобств. Ботинки были в грязи, и выглядел он растрёпанным и взъерошенным. Правда, он и прежде не очень-то заботился о своей наружности.

Барсук взглянул на мистера Тоуд серьёзно, протянул лапу и сказал:

— Добро пожаловать домой, Тоуд! Увы! Что я говорю? Домой, как бы не так! Это печальное возвращение, Тоуд. Бедный мой Тоуд!

Затем он повернулся к нему спиной, пододвинул стул к столу и отрезал себе большой кусок холодного пирога со свиной.

Тоуд не на шутку встревожился от такого серьёзного и зловещего приветствия. Но дядюшка Рэт шепнул ему:

— Ничего, не обращай внимания и пока помолчи. Он всегда такой подавленный и падает духом, когда ему надо подкрепиться. Через полчаса он будет совсем другим.

Они принялись молча ждать. Через некоторое время снова раздался стук, на этот раз не такой громкий. Дядюшка Рэт, снова кивнув, ввёл в комнату Крота, немытого и обтрёпанного, с соломинками, застрявшими в шёрстке.

— Ура! А вот и Тоуд! — закричал он, сияя. И Крот начал отплясывать вокруг него.

— Мы даже и не надеялись, что ты появишь-

ся так скоро, ах ты умный, талантливый, сообразительный Тоуд!

Дядюшка Рэт толкнул его под локоть, но было уже поздно: Тоуд уже пыхтел и весь раздувался от гордости.

— Умный? Вовсе нет! Послушать моих друзей, так я круглый дурак! Я всего-навсего выбрался из самой страшной тюрьмы во всей Англии! Только и всего! И завладел поездом и на нём удрал, только и всего! Я осёл, вот кто я есть! Я расскажу тебе о своих приключениях, и ты сам рассудишь, Крот!

— Хорошо, хорошо,— сказал Крот, пододвигаясь к столу.— Ты рассказывай, а я пока поем, ладно? С утра во рту ни кусочка! О боже мой, боже мой!

Он подсел к столу и наложил себе на тарелку холодного мяса и маринованных огурчиков.

Тоуд потоптался на каминном коврике, потом засунул лапу в карман и вытащил оттуда горсть серебряных монет.

— Погляди! — воскликнул он, показывая деньги.— Не так уж плохо за несколько минут работы, а? И как, ты думаешь, я их добыл? Угнал лошадь! Вот как!

— Ну? — заинтересовался Крот.

— Тоуд, пожалуйста, помолчи минуточку,— сказал дядюшка Рэт.— А ты, Крот, не подначивай. Или ты его не знаешь? Лучше поскорее расскажи, в каком положении находятся дела и что лучше всего предпринять, раз Тоуд наконец вернулся.

— Дела хуже некуда,— сказал Крот сердито.— А что предпринять, ни малейшего понятия не имею. Барсук и я ходили, ходили вокруг Тоуд-Холла день и ночь. Всё одно и то же. Везде — стража, наставленные в упор дула, швыряются камнями. А стоит нам приблизиться,

так насмежаются, просто невыносимо. Нет ничего хуже насмешек!

— Да, дело плохо,— сказал дядюшка Рэт задумчиво.— Но я думаю, что кое-что я всё-таки сообразил. Тоуд должен...

— Нет, не должен! — воскликнул Крот с набитым ртом.— Ничего подобного. Ему надо совсем другое...

— Ничего такого я не стану делать,— перебил их обоих Тоуд.— Хватит командовать! Речь идёт, в конце концов, о моём доме, и я точно знаю, что надо делать. Я...

Они заговорили все разом и во весь голос, от них просто можно было оглохнуть, но в это время высокий, суховатый голос сказал:

— Немедленно замолчите! Все!

И мгновенно настала тишина.

Это сказал дядюшка Барсук, который кончил есть пирог, повернулся к ним и сурово на них поглядел. Когда он увидел, что сумел привлечь их внимание и они, по-видимому, ждут, что он скажет, он опять повернулся к столу и отрезал себе сыру. И так велико было уважение к этому достойному зверю, что никто не проронил ни слова, пока он не закончил трапезу и не смахнул крошки с колен. Тоуд ёрзал на стуле, а дядюшка Рэт старался его уговорить.

Потом дядюшка Барсук подошёл к камину и, глубоко задумавшись, долго смотрел на огонь. Наконец он заговорил.

— Тоуд,— сказал он,— ты беспокойный, скверный зверёк! Тебе не стыдно? Как ты думаешь, что бы сказал мой покойный друг, твой отец, если бы оказался сейчас здесь и узнал обо всём, что ты вытворяешь?

Тоуд, который прилёг на диван, перевернулся ничком, сотрясаемый слезами раскаяния.

— Ладно, перестань,— сказал Барсук, смягчаясь.— Брось. Перестань плакать. Что было, то прошло. Постарайся начать жизнь сначала. Но то, что Крот говорит, правильно. Горностаи стерегут всюду. А это лучшие стражники в мире. Нечего думать атаковать их в лоб. Нам с ними не справиться.

— Тогда, значит, всё кончено,— всхлипнул Тоуд, орошая слезами диванные подушки.— Пойду завербуюсь в солдаты и никогда, никогда больше не увижу мой родной Тоуд-Холл!

— Брось хныкать и немедленно взбодрись, Тоуд! — сказал Барсук.— Есть другие способы отвоевать его, кроме прямого штурма. Я ещё не сказал своё последнее слово. Сейчас я сообщу вам великую тайну.

Тоуд медленно поднялся и вытер слёзы. Он обожал тайны, потому что в жизни не мог сохранить ни одной. Его всегда волновало чувство несправедливого восторга, когда он сообщал другому тайну после того, как торжественно обещал не выдавать её никому.

— Существует подземный ход,— сказал Барсук внушительно,— который ведёт от берега реки, совсем поблизости отсюда, к самому центру Тоуд-Холла.

— О, какой вздор, Барсук! — сказал Тоуд довольно беззаботно.— Ты наслушался того, чего они тут плетут в пивнушках. Да я знаю каждый дюйм Тоуд-Холла, изнутри и снаружи. Там ничего такого нет, уверяю тебя.

— Мой юный друг,— сказал дядюшка Барсук очень строго,— твой отец, который был зверем очень достойным, много достойнее иных моих знакомых, и который был моим близким другом, делился со мной такими вещами, которыми ему и в голову бы не пришло поделиться с тобой. Он открыл этот подземный ход; он его,

разумеется, сам не делал, ход был прокопан сотни лет назад, задолго до того, как он там поселился. Но он его вычистил и привёл в порядок, потому что думал, что когда-нибудь этот ход вдруг да и пригодится в случае какой-нибудь беды или опасности. И он мне его показал. Он сказал: «Сыну моему о нём ни в коем случае не говори. Он хороший парень, но немного легкомысленный, и характер у него неустойчивый, да и язык за зубами он держать не умеет. Если с ним случится серьёзная беда, и ход этот сможет ему пригодиться, тогда сообщи ему об этом тайном проходе, но ни в коем случае не раньше».

Все сидевшие в комнате внимательно посмотрели на мистера Тоуд, желая видеть, как он это всё воспримет.

Тоуд сначала было надулся, но быстро отошёл, потому что был всё-таки хорошим парнем.

— Ладно, ладно,— сказал он.— Может, я и в самом деле немножечко болтун. Я ведь очень известное лицо, друзья навещают меня, и мы острим, веселимся, рассказываем анекдоты, и язык у меня начинает маленечко вилять. Я прирождённый собеседник. Мне частенько говорили, что мне надо бы завести салон, что бы это там ни значило. Ну, бог с ним! Продолжай, Барсук. Но чем этот самый твой подземный ход нам поможет?

— Я кое-что выяснил в последнее время,— продолжал Барсук.— Я попросил Выдру нарядиться трубочистом и пойти, увесившись щётками, к чёрному крыльцу Тоуд-Холла справиться, нет ли у них работы. Завтра вечером там состоится роскошный банкет. Чей-то день рождения. Главного Ласки, кажется. И все ласки соберутся в парадной столовой и будут там пировать,

ничего не подозревая, без сабель, и ружей, и палок — словом, без всякого оружия!

— Но стража будет выставлена, как всегда,— заметил дядюшка Рэт.

— Точно,— отозвался Барсук.— К этому я и веду. Ласки целиком положатся на такую прекрасную стражу, как горностаи. И вот тут-то нам и поможет подземный ход. Этот туннель ведет напрямёхонько в буфетную, расположенную рядом с парадной столовой.

— Ага! Вот почему там скрипит доска! — сказал Тоуд.— Теперь я понимаю.

— Мы тихонечко проберёмся в буфетную! — воскликнул Крот.

— С пистолетами, и саблями, и палками! — закричал дядюшка Рэт.

— И набросимся на них,— сказал Барсук.

— И поколотим их, и поколотим их, и поколотим их! — вопил Тоуд в экстазе, носясь кругами по комнате и перепрыгивая через стулья.

— Очень хорошо,— подвёл итог дядюшка Барсук в своей обычной суховатой манере.— Итак, всё решено, нечего вам спорить и устраивать перепалки. Становится поздно, отправляйтесь спать. Все необходимые приготовления мы сделаем завтра утром.

Тоуд, конечно, тоже послушно отправился спать, как и все остальные, он понимал, что сейчас спорить ни к чему, хотя он был слишком взволнован и спать совсем не хотел. Он прожил длинный утомительный день, набитый всякими событиями, к тому же простыни и одеяла были такими успокаивающими, такими дружелюбными после крошечного клочка простой соломы, брошенного на каменный пол холодного каземата, что он, несмотря ни на что, вскоре спокойно захрапел. Конечно, ему много чего при-

снилось: и дорога, которая тут же удирала, как только он ступал на неё, и канал, который бегал за ним и в конце концов настиг, и баржа, которая заплыла прямо в парадную столовую со стиркой, скопившейся за неделю, как раз когда у него был званый обед. А ещё ему снилось, что он один идёт по подземному ходу, а тот крутится, и вертится, и колышется, и становится на попá. Но под конец он увидел, будто он вернулся в Тоуд-Холл с победой и совершенно невредимый, и все друзья собрались к нему, и все серьёзнейшим образом его уверяли, что он на самом деле очень умный мистер Тоуд.

Он проспал всё следующее утро и, когда спустился вниз, увидел, что остальные звери уже давным-давно позавтракали. Крот куда-то ускользнул, никому не сказав, куда и зачем идёт. Барсук сидел в кресле и читал газету, нисколько не заботясь о том, что должно произойти вечером.

А дядюшка Рэт, наоборот, с деловым видом носился по комнате, таская под мышками разного рода оружие, раскладывая его на четыре кучи на полу и приговаривая на бегу:

— Вот — сабля — для — дядюшки Рэт, вот — сабля — для — Крота, вот — сабля — для — мистера Тоуд, вот — сабля — для Барсука! Вот — пистолет — для — дядюшки Рэт, вот — пистолет — для — Крота, вот — пистолет — для — мистера Тоуд, вот — пистолет — для — Барсука! — И так далее, в том же самом ритме, а четыре одинаковые кучи росли и росли на полу.

— Всё это очень хорошо, — сказал через некоторое время Барсук, глядя поверх газеты на зверька, мечущегося по комнате. — Ты, конечно, прав. Но ты подумай сам: как только мы проскользнём мимо этих отвратительных горностаев с их отвратительными ружьями, уверяю тебя,

нам не понадобятся никакие сабли и пистолеты. Да мы вчетвером одними только палками очистим помещение от всей этой банды за пять минут. Я бы и один справился, только не хочу вас всех лишать удовольствия.

— А всё-таки на всякий случай не помешает,— сказал дядюшка Рэт задумчиво, полируя дуло пистолета рукавом и заглядывая в него, прищулив один глаз.

Мистер Тоуд, покончив с завтраком, схватил толстенную палку и, размахивая ею изо всех сил, колошматил воображаемых врагов.

— Я укажу им, как воровать мой дом,— вопил он,— я укажу им, я укажу!

— Не говорят «укажу», Тоуд. Надо сказать: «Я им покажу», ты говоришь неправильно.

— Что ты к нему придираешься? — сказал Барсук сварливо.— Правильно — неправильно. Я сам так говорю. А если я так говорю, то все могут так говорить.

— Не сердись,— сказал дядюшка Рэт.— Мне только кажется, что правильнее сказать: «Я им покажу», а не «укажу».

— Но мы им не собираемся ничего «показывать», мы им именно укажем, укажем, укажем! Потому что мы им укажем на дверь, чтобы они убирались вон! Вот именно это мы и сделаем!

— Да пожалуйста, как хотите, так и говорите,— сказал Рэт.

Он и сам уже запутался. Он отошёл в угол, и было слышно, как он бормочет «укажем, покажем, укажем, покажем», пока дядюшка Барсук довольно резко не велел ему замолчать.

Через некоторое время в комнату ввалился Крот, и видно было, что он собою чрезвычайно доволен.

— О, как я здорово развлёкся! — начал

он с ходу.— О, как я поддразнил горностаев!

— Надеюсь, ты был достаточно осторожен, Крот? — спросил дядюшка Рэт с тревогой.

— Ну разумеется, — с уверенностью сказал Крот.— Меня осенило, когда я поутру пошёл на кухню последить, чтобы завтрак для мистера Тоуд не остыл. Там я увидел, что старая прачкина одежда, в которой он вчера явился, так и висит возле камина на полотенежной вешалке. Я надел платье, чепчик, конечно, тоже нацепил, шаль накинул и отправился в Тоуд-Холл храбрец храбрецом. Стража, конечно, была, как всегда, начеку, с ружьями и со своими «Стой, кто идёт?» и прочей чепухой.

«Доброе утро, джентльмены! — поклонился я им.— Нет ли у вас на сегодня стирки? Я бы постирала».

Они поглядели на меня так высокомерно, так надменно и говорят:

«Убирайся отсюда, прачка! Когда мы на часах, мы не занимаемся стиркой».

«А в другое время?» — спрашиваю я с издёвочкой.— Хо-хо-хо! Купил я их, а, Тоуд?



— Глупый ты и нахальный зверь! — презрительно заявил мистер Тоуд.

Дело в том, что он смертельно позавидовал Кроту. Это было как раз то самое, что он сам мог бы проделать, приди это ему в голову первому и не проспи он так непоправимо.

— Кое-кто из горностаев сделался пунцовым,— продолжал Крот,— а сержант, начальник караула, и говорит мне:

«Быстро беги отсюда, женщина, не отвлекая часовых, они на посту».

«Бежать? — говорю я.— Не я отсюда побегу, а кто-то другой, и довольно скоро...»

— О, Крот, милый, как же ты мог?— сказал в отчаянии Рэт.

Барсук отложил газету в сторону.

— Я увидел, как уши у них наострились и они стали переглядываться,— продолжал Крот.— И я услышал, как сержант сказал:

«Не обращайтесь на неё внимания, она сама не знает, что говорит».

«Это я-то не знаю? — сказал я.— Тогда позвольте сказать вам следующее: да будет вам



известно, что моя дочь стирает бельё мистера Барсука. Вот и судите, знаю я или не знаю, о чём говорю. А скоро и вы узнаете. Сотня кровожадных барсуков, вооружившись винтовками, собираются напасть на Тоуд-Холл как раз сегодня вечером, подобравшись к нему через конский выгон. Шесть лодок, до отказа набитых крысами, вооружённых пистолетами и абордажными саблями, придут по реке, и крысы высадутся на садовом причале, а отряд отборных жаб, который называется «Победа или смерть», атакует фруктовый сад, сметая всё на пути и призывая к возмездию. Не так-то много стирки от вас останется к тому времени, когда они с вами разделяются. Вы бы лучше убирались подобру-поздорову, пока ещё есть возможность!»

С этими словами я убежал, и после того, как я скрылся у них из виду, я ползком вернулся, по дну кювета прополз и притаился там, глядя на них сквозь ветки живой изгороди. Они все очень разволновались, стали все разом бегать туда-сюда, натываясь друг на друга, и все отдавали команды одновременно и никого не слушали, а сержант, отправляя всё новые и новые отряды охраны в отдалённые части усадьбы, потом посылал других, чтобы они привели их обратно, и я слышал, как они говорили друг другу:

«Это очень похоже на ласок. Они себе будут пировать в парадной гостиной, произносить тосты, петь песни и всячески развлекаться, а мы должны стоять на часах в темноте и холоде, чтобы в конце концов нас изрубили на кусочки кровожадные барсуки...»

— О, глупый ты осёл, Крот! — кричал Тоуд. — Ты же всё испортил!

— Крот, — сказал дядюшка Барсук своим

суховатым, спокойным голосом, — клянусь, что у тебя в мизинце больше здравого смысла, чем у некоторых во всём их жирном теле. Ты всё сделал отлично, право, ты растёшь в моих глазах. Хороший Крот! Умный Крот!

Мистер Тоуд просто взбесился от зависти, тем более что он, хоть убей, не понимал, чего уж такого умного совершил Крот. Но, к счастью для него, раньше чем он успел наговорить лишнего и сделаться объектом иронии Барсука, колокольчик позвал их к столу.

Им была подана простая, но питательная еда: бекон с бобами и макаронный пудинг. Когда они со всем этим справились, Барсук разместился в кресле и сказал:

— Ну, наша задача на сегодняшний вечер совершенно ясна. И вполне возможно, что она окажется нам по силам, но до вечера ещё далеко, так что я собираюсь подремать.

Он накрыл лицо носовым платком и вскоре захрапел.

Трудолюбивый и заботливый дядюшка Рэт тут же возобновил свою деятельность и начал опять бегать между четырьмя грудями оружия на полу, бормоча:

— Вот — ремень — для — дядюшки Рэт, вот — ремень — для — Крота, вот — ремень — для — мистера Тоуд, вот — ремень — для — Барсука.

И так далее, и так далее, поднося всё новое и новое боевое снаряжение, которому, казалось, не будет конца. А Крот взял мистера Тоуд под ручку, вывел его на свежий воздух, толкнул в плетёное кресло и заставил рассказать все свои приключения с самого начала до самого конца, чем тот и занялся с большой охотой. Крот был очень хорошим слушателем, и Тоуд, которого некому было останавливать или отпу-

скать не вполне дружелюбные замечания, пу-  
стился во все тяжкие. Многие из того, что он  
рассказывал, принадлежало, скорее, тому, что  
могло-бы-произойти-если-бы-я-только-додумал-  
ся-бы-вовремя-а-не-десять-минут-спустя. Это  
всегда самые цветистые приключения, и почему  
бы нам, скажите пожалуйста, не считать их  
своими, наряду с теми не вполне симпатич-  
ными событиями, которые иногда происходят  
на самом деле?



12

---

## Возвращение Одиссея



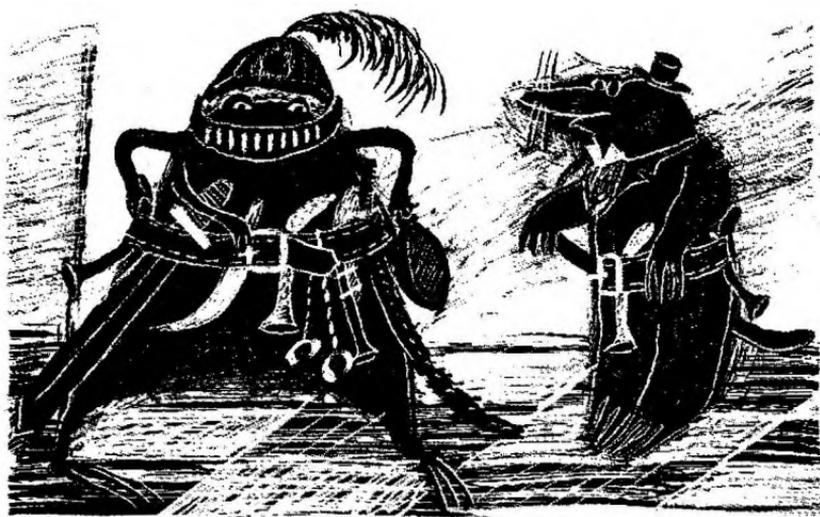




**К**огда стало смеркаться, дядюшка Рэт, с видом взволнованным и таинственным, призвал всех в гостиную, поставил каждого возле предназначенной ему кучки с вооружением и стал снаряжать каж-

дого для предстоящей экспедиции. Он относился к этому очень серьёзно и всё делал чрезвычайно тщательно, так что сборы заняли довольно много времени. Во-первых, каждый из зверей был опоясан ремнём, потом за ремень сбоку был засунут меч, а с другого боку — сабля, для равновесия. Дальше — пара пистолетов и полицейская дубинка. Были также выданы каждому несколько пар наручников, пластырь, фляжка и коробочка с сэндвичами. Барсук, добродушно посмеиваясь, сказал:

— Ну, ладно, Рэтти, тебя это вдохновляет, а мне не принесёт вреда. Но я собираюсь сделать то, что я должен сделать, одной только вот этой, погляди, палкой.



Дядюшка Рэт возразил:

— Перестань, Барсук, прошу тебя. Ты прекрасно понимаешь, как мне бы не хотелось, чтобы ты потом упрекал меня, что я хоть что-то позабыл.

Когда всё было готово, Барсук взял затемнённый фонарь в одну лапу, в другую — свою палку и сказал:

— Ну, ребята, следуйте за мной! Первый — Крот, потому что я им очень доволен, потом Рэт, потом Тоуд. И послушай, Тоуд! Не болтай так много, как ты обычно болтаешь, иначе я отошлю тебя назад, и уверяю тебя, что тут я буду непреклонным, как сама судьба.

Тоуд так жаждал принять участие в происходящем, что без единого звука принял отведённое ему последнее место, и звери двинулись в путь.

Дядюшка Барсук вёл их некоторое время берегом реки, потом неожиданно свернул и скрылся в отверстии, прорытом в берегу прямо над самой водой. Крот и дядюшка Рэт молча последовали за ним и благополучно прошли через отверстие, потому что видели, как это проделал сам Барсук. Но Тоуд, конечно, ухитрился поскользнуться и свалиться в воду с громким плеском и пронзительным визгом. Друзья выволокли его из воды, торопливо отжали, вытерли, успокоили и поставили на ноги. Но Барсук серьёзно рассердился и сказал, что теперь уж это будет точно в последний раз, если Тоуд снова начнёт валять дурака.

Наконец все они проникли в потайной подземный ход, и экспедиция наконец действительно началась.

Было холодно, и темно, и сыро, и низко, и узко. Бедный Тоуд начал дрожать, частично от страха перед ожидаемыми событиями, частич-

но оттого, что насквозь промок. Фонарик был далеко впереди, и он невольно отставал, оказываясь в темноте. Потом он услышал, как дядюшка Рэт зовёт его строгим голосом:

— Иди же скорее, Тоуд!

Его охватил ужас от мысли, что он может отстать и остаться один, и он пошёл настолько скорее, что налетел и сбил с ног дядюшку Рэт и Крота, а они оба налетели на Барсука, и на какое-то мгновение всё смешалось. Барсук подумал, что кто-то нападает на них сзади, и, поскольку с палкой или саблей было не развернуться, выхватил пистолет и чуть не всадил пулю в лоб мистериу Тоуд.

Когда он разобрался, что на самом деле произошло, то очень рассердился и сказал:

— Ну, всё! Уж на этот раз надоеднй Тоуд отправится обратно!

Но Тоуд расхныкался, и те двое обещали, что они берут на себя ответственность за его поведение, и в конце концов Барсук примирился, и процессия двинулась дальше, только на этот раз шествие замыкал Рэт, который вёл мистера Тоуд перед собой, временами сжимая его плечо своей крепкой лапой.

Так они нащупывали путь и потихонечку продвигались вперёд, наострив уши и держа лапы на рукоятках пистолетов, пока наконец Барсук не сказал:

— Ну, мы должны быть уже почти что под Тоуд-Холлом.

Потом вдруг они услышали, как могло показаться, в отдалении, но на самом деле, по-видимому, почти над их головами, неясные звуки множества приглушённых голосов, какие-то возгласы, приветствия, топанье и стук кулачков по столу. На мистера Тоуд снова напал страх, а Барсук только заметил:

— Это происходит у них, у ласок!

Подземный ход начал подниматься, некоторое время они шли ощупью, шум сделался вполне отчётливым и раздавался уже прямо над головой. Они различили крики «...р-ра!.. рра!.. рра!», топот маленьких ножек и позвякивание стаканов.

— Ого как веселятся! — сказал Барсук.— Пошли!

Они кинулись вверх по подземному ходу и шли по нему, пока он не кончился потайной дверью в буфетную.

В парадной столовой стоял такой потрясающий гомон, что не было почти никакой опасности, что их услышат.

Барсук сказал:

— Ну, ребята, теперь все вместе!

И все четверо надавили плечом на дверь и откинули её. Помогая друг другу, они вылезли наружу и оказались в буфетной, где только одна тонкая дверка отделяла их от пирующего врага.

Как только они выбрались из подземного хода, шум сделался просто оглушительным. На-



конец, когда крики «Ура!» и топот постепенно стихли, послышался голос:

— Итак, я постараюсь больше не задерживать ваше внимание (*бурные аплодисменты*), но, прежде чем я сяду на своё место (*крики «Ура!»*), я хотел бы сказать слово о нашем добром хозяине, мистере Тоуд. Мы все знаем, кто такой мистер Тоуд (*громкий смех*)... Хороший Тоуд, скромный Тоуд, честный Тоуд (*крики восторга*)...

— Только дайте мне до него добраться! — проскрежетал зубами Тоуд.

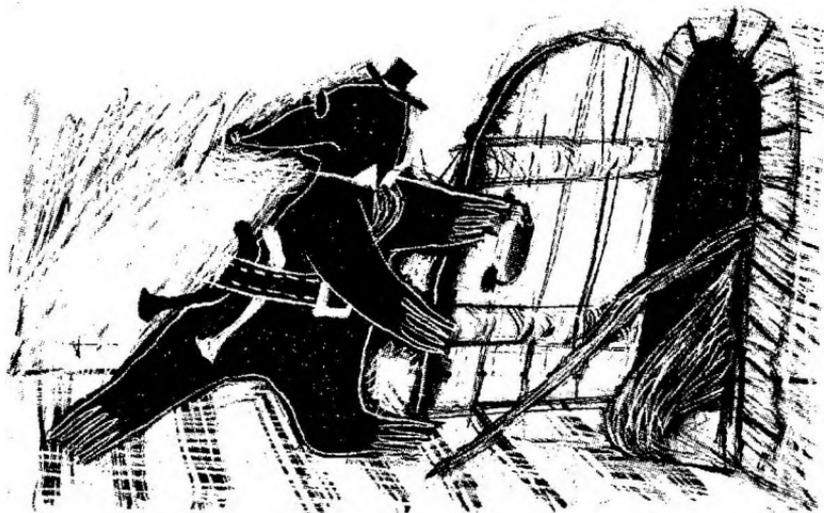
— погоди,— еле удержал его Барсук.— Всем приготовиться!

— Позвольте мне спеть для вас песенку,— продолжал голос,— которую я сочинил в честь нашего хозяина (*продолжительные аплодисменты*)...

Затем Главный Ласка — а это был он — начал петь высоким, писклявым голоском:

Шёл на прогулку мистер Тоуд,  
По улице шагая...

Барсук весь подобрался, крепко схватил



палку обеими лапами, оглянулся на своих товарищей и вскричал:

— Час настал! Все — за мной!

И распахнул дверь.

О боже мой!

Какой крик, и писк, и визг наполнил комнату!

Ласки в ужасе ныряли под столы и скакали в окна как сумасшедшие! В каминную трубу кинулись хорьки и все там безнадежно застряли! Это был поистине грозный момент, когда четверо разгневанных героев появились в столовой, — там переворачивались столы и стулья, наземь летели тарелки и стаканы.

Могучий Барсук ошетилил усы, а дубинка его так и свистела в воздухе. Крот, чёрный и мрачный, размахивал палкой, издавая боевой клич:

— Я — Крот! Я — Крот!

Дядюшка Рэт, решительный, не оставляющий врагу никакой надежды, так и звенел своим оружием всех времён и всех видов, прикрепленным к его поясу. А Тоуд, тот просто неистовствовал от волнения и уязвленной гордости. Он раздулся вдвое против своей обычной величины, подскакивая в воздухе и гикая, он заставлял кровь застывать в жилах врага.

— «Шёл на прогулку мистер Тоуд!» — вопил он. — Я покажу им прогулку, они у меня прогуляются. — И он бросился прямо к Главному Ласке.

Их было всего-то-навсего четверо, но охваченным паникой ласкам казалось, что вся столовая полна чудовищ — серых, чёрных и рыжих, гикающих и раздающих удары дубинками грандиозных размеров; и они бежали с визгом ужаса и отчаяния, кидаясь в разные стороны — кто в окна, кто в печную трубу, только бы поскорее, только бы подальше удрать от этих ужасных дубинок.

И вскоре дело было сделано. Взад и вперёд вдоль всей парадной столовой расхаживали четверо друзей, опуская палки на всякую голову, которая вздумает высунуться. Через пять минут комната была очищена.

Через окна с выбитыми стёклами до них доносились затихающие вдали крики неприятелей, улепётывающих через луг. Распростёршись на полу, лежало около дюжины врагов, и Крот в срочном порядке надевал на них наручники. Барсук, переводя дух после трудов праведных, стоял, облокотившись о дубинку и вытирая пот с мужественного лба.

— Крот,— сказал он,— ты лучший из парней. Сбегай-ка наружу, пригляди за этой твоей горностаевой охраной, узнай, чего они там делают. Я думаю, благодаря твоим стараниям они-то уж не доставят нам сегодня много хлопот.

Крот тут же исчез, прямо через окно, а Барсук попросил двоих оставшихся перевернуть стол и поставить его на ножки, он велел подобрать ножи, вилки, уцелевшие тарелки и стаканы из груды осколков на полу и поискать, не найдётся ли чего, что могло бы им послужить ужином.

— Меня нужно покормить,— сказал он без обиняков, в своей обычной простой манере.— А ну-ка взбодрись и пошевеливайся, Тоуд. Мы отвоевали твой дом, а ты нам даже бутербродика не предложишь.

Вполне довольный собой, Тоуд был, однако, уязвлён тем, что Барсук превознёс Крота, и притом ни слова не сказал в одобрение мистера Тоуд, и не отметил, какой он мировой парень, и как отлично он сражался, и то, как он набросился на Главного Ласку, как перекинул его через стол одним ударом своей дубинки.

Но он ничего не возразил Барсуку, а принялся вместе с дядюшкой Рэт рыскать в поисках

пищи, и вскоре они нашли джем из гуайявы в стеклянной вазочке, и холодного цыплёнка, и язык, почти совсем нетронутый, разве только самую малость, некоторое количество бисквита со сливками и много салата из раков. А в буфетной они наткнулись на целую корзину французских булочек и обнаружили сколько угодно сыру, масла и сельдерея. Они уже собрались садиться за стол, когда в окошке показался Крот, похохатывая и волоча в охапке дюжину ружей.

— Всё! — сказал он. — Как я могу понять, горностаи, которые и так уж были заведены и нервничали, услышав крики и вопли внутри дома, побросали ружья и приготовились бежать. Правда, некоторые какое-то время держались. Но когда ласки кинулись наутёк, горностаи решили, что их предали. Они схватились с ласками, а те пытались от них отделаться, чтобы скорее убежать. Так они боролись и катались по траве, пока многие не скатились прямо в речку! Они все так или иначе исчезли, никого там нет, а я собрал и принёс их ружья. Так что всё хорошо.

— Отличный и достойный зверь! — сказал Барсук, жуя цыплёнка и бисквит одновременно. — И ещё об одном одолжении я хочу тебя попросить, Крот, прежде чем ты сядешь с нами рядом поужинать. Я бы не стал тебя затруднять, но я знаю, что на тебя можно положиться. Мне бы хотелось, чтобы я мог это сказать о каждом из тех, с кем я знаком. Рэт мог бы этим заняться, но ведь он поэт. Я прошу тебя, отведи этих молодцов, лежащих на полу, наверх и заставь их вычистить и прибрать спальни. Проследи, чтобы они и из-под кроватей хорошенечко вымели, и сменили постельное бельё, и отогнули краешек одеяла, как это полагается делать.

И проследи, чтобы они принесли по кувшину тёплой воды, и свежие полотенца, и нераспечатанный кусок мыла в каждую спальню. А потом можешь выдать им по трёпке на брата, если тебе этого захочется, и прогони их через чёрный ход. Я надеюсь, что мы больше никогда их не увидим. А потом возвращайся и поешь варёного языка. Он, право же, первоклассный. Я очень доволен тобою, Крот!

Покладистый Крот поднял с пола палку, выстроил пленников в линейку, скомандовал: «Шагом марш!» — и повёл свою команду на второй этаж. Через некоторое время он вернулся назад и, улыбаясь, сообщил, что каждому приготовлена спальня, чистенькая, как новая.

— Я не стал задавать им трёпку, хватит уж им на сегодня. Ласки тоже со мной согласились и просили меня не утруждать себя. Они очень раскаивались и просили прощения за всё, что они наделали. Они сказали, что во всём виноват Главный Ласка и горностаи. И что они очень хотели бы услужить нам в возмещение ущерба, и что нам стоит только намекнуть, и они тут же прибегут. Я им дал по французской булке каждому и выпустил через чёрный ход. Они побежали прочь изо всех сил!

Сказав это, Крот придвинул стул к столу и набросился на холодный язык. А Тоуд, поскольку он был джентльменом, преодолел свою зависть к нему и сказал по-доброму:

— Спасибо тебе, милый Крот, за все твои усилия и прости за беспокойства, которые выпали сегодня на твою долю. И особенно тебе спасибо за ум и находчивость, которые ты проявил сегодня утром.

Барсук очень обрадовался этому и воскликнул:

— Слушайте! Слушайте! Говорит наш доблестный Тоуд!

Так, разговаривая, они завершили ужин, радостные и довольные, и вскоре пошли отдохнуть на постелях с чистыми простынями в родовом доме мистера Тоуд, отвоеванном у врагов благодаря беспримерному мужеству и доблести, совершенной стратегии и правильному обращению с палками.

Следующим утром Тоуд, который, как всегда, проспал, спустился к завтраку в позорно поздний час и обнаружил на столе некоторое количество яичных скорлупок, кусочки остывших, похожих на резину тостов, кофейник, на три четверти пустой, и, право, больше почти ничего. Это плохо подействовало на его настроение, тем более что это был, как ни крути, его дом.

Через окно комнаты для завтраков он видел Крота и дядюшку Рэт, сидевших на свежем воздухе на лужайке в плетёных креслицах. Они, по-видимому, рассказывали друг другу забавные истории, потому что оба покатывались с хохоту, дрыгая в воздухе своими коротенькими ножками.

Барсук, который сидел в кресле, углубившись в утреннюю газету, только поднял глаза и молча кивнул, когда Тоуд вошёл в комнату. Но Тоуд держал себя в руках, поэтому он сообразил себе завтрак, какой сумел, только подумав про себя, что он с ними ещё посчитается. Когда он доедал, Барсук оторвался от газеты и коротко заметил:

— Сожалею, Тоуд, но должен заметить, что у тебя на утро много дел. Мы должны немедленно устроить банкет, чтобы отпраздновать победу. Я думаю, от тебя этого ждут. Я хочу сказать, что так принято.

— О, конечно,— с готовностью согласился мистер Тоуд,— я готов на всё, чтобы доставить тебе удовольствие. Только зачем понадобился

банкет с раннего утра, я ума не приложу. Но ты же знаешь, милый мой Барсук, я живу не для себя, а только для того, чтобы угадывать желания моих друзей и пытаться их исполнить.

— Не притворяйся глупее, чем ты есть на самом деле! — сердито отозвался Барсук. — Не хмыкай и не фыркай в кофе. Что за дурные манеры! Банкет должен, разумеется, состояться вечером, но приглашения надо написать и разослать немедленно, и писать их придётся тебе. Садись к столу, тут лежит целая пачка почтовой бумаги, на которой синим и золотым напечатано «Тоуд-Холл», садись и напиши приглашения всем друзьям, и если ты будешь заниматься этим прилежно, то мы их разошлём ещё до обеда. А пока ты трудишься, я тебе тоже помогу и взвалю на себя некоторые заботы — я закажу банкет.

— Как?! — воскликнул мистер Тоуд в отчаянии. — Мне торчать дома и писать эти паршивые письма в такую прекрасную погоду, когда мне хочется обойти всю мою усадьбу и всё привести в порядок, и покрасоваться, и порадоваться! Конечно, я не буду... Впрочем... Да, конечно, дорогой Барсук! Чего стоят мои желания и удобства по сравнению с желаниями других! Ты хочешь, чтобы я написал приглашения, я их напишу. Иди, Барсук, заказывай банкет, выбери, что ты сам захочешь. А после там, на воздухе, присоединяйся к беседе наших друзей, забывших обо мне и моих трудах и заботах. Я приношу это прекрасное утро в жертву долгу и дружбе!

Барсук поглядел на него с большим подозрением, но открытое и искреннее выражение лица мистера Тоуд не давало повода подозревать какие-либо недостойные мотивы в такой резкой перемене. Барсук оставил комнату и направился в сторону кухни. Как только дверь за ним закры-

лась, мистер Тоуд поспешил к письменному столу. Пока он разговаривал с Барсуком, его осенила роскошная идея. Хорошо, он напишет эти приглашения. Но он уж постарается, чтобы в них было сказано о его ведущей роли в битве и как он одним махом уложил Главного Ласку, и он намекнёт на свои приключения и на то, какие победы ему удалось одержать. И ещё на вкладыше он напишет что-то вроде программы, которая примерно так складывалась у него в голове:

*РЕЧЬ . . . . . Мистер Тоуд.*

*ОБРАЩЕНИЕ . . . . . Мистер Тоуд.*

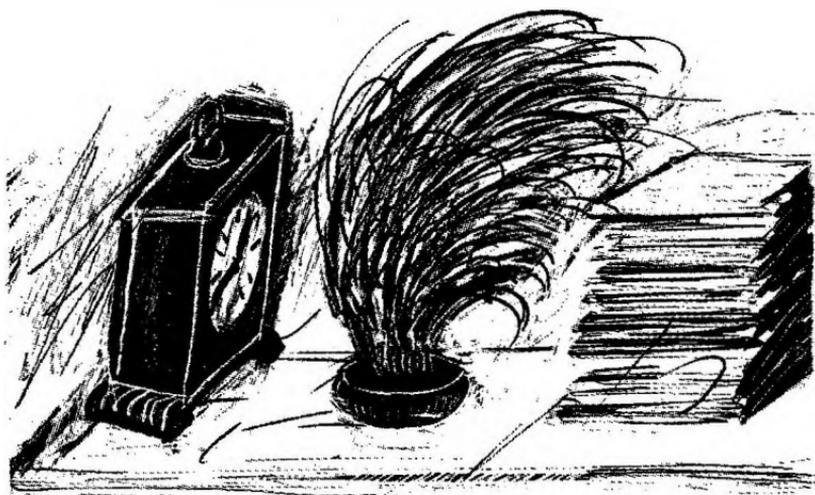
*КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ: Наша тюремная система.— Водные пути старой Англии.— Торговля лошадьми и как следует ею заниматься.— Собственность. Права и обязанности.— Возвращение к земле.— Типичный английский землевладелец.*

*ПЕСНЯ . . . . . поёт Мистер Тоуд.*

*Песня сочинена им самим.*

*ДРУГИЕ СОЧИНЕНИЯ будут исполнены в течение вечера.*

*Автор и композитор . . . . . Мистер Тоуд.*



Идея чрезвычайно ему понравилась, и он усердно трудился. К полудню все письма были написаны. В это время ему доложили, что маленькая и довольно ободранная ласка робко справляется, не могла бы и она чем-нибудь быть полезной джентльменам. Тоуд величественно выплыл из комнаты и увидал, что это один из вчерашних пленников выражает своё уважение и готовность быть полезным. Тоуд потрепал его по голове, сунул ему в лапу всю пачку с приглашениями и велел бежать и скоренько разнести их по адресам, а потом, если хочет, прийти обратно, где, может быть, его будет ожидать шиллинг. Несчастливая ласка казалась действительно очень благодарной и с рвением поспешила выполнять возложенное на неё поручение.

Когда приятели, проведя всё утро на реке, свежие и оживлённые, вернулись домой к обеду, Крот, который чувствовал лёгкие уколы совести, выжидательно поглядел на мистера Тоуд, думая, что он дуется на него. Но оказалось, что вовсе наоборот — тот был весел и так доволен собой, что Крот начал что-то подозревать, а дядюшка



Рэт и дядюшка Барсук обменялись многозначительными взглядами.

Как только они вместе пообедали, Тоуд глубоко засунул лапы в карманы своих брюк и бросил невзначай:

— Побудьте без меня, друзья мои! Требуйте всё, чего захотите! — и важно направился к двери, ведущей в сад, чтобы обдумать там свои речи на предстоящем вечере, но дядюшка Рэт схватил его за локоть.

Тоуд примерно догадывался, в чём было дело, и попытался вырваться. Но когда Барсук схватил его за второй локоть, он начал ясно понимать, что происходит.

Оба зверя, зажав его с двух сторон, препроводили беднягу в маленькую курительную комнату, которая выходит прямо в прихожую, заперли дверь и усадили на стул. Потом они оба встали прямо перед ним, а тот глядел на них с подозрением и злостью.

— Послушай внимательно, Тоуд, — сказал дядюшка Рэт. — Мы должны поговорить о банкете, и я очень сожалею, что этот разговор возникает. Но мы хотим, чтобы ты ясно понял раз и навсегда, что не будет никаких речей и песен. Постарайся осознать, что на этот раз мы не просим тебя, а обязываем.

Тоуд понял, что он в ловушке. Они всё наперёд разгадали, они видят его насквозь. Его мечта разбилась вдребезги.

— А можно я спою всего лишь одну маленькую песенку? — попросил он жалобно.

— Ни одной, — ответил дядюшка Рэт твёрдо, хотя сердце у него защемило, когда он увидел, как у бедняги дрожит нижняя губа. — Ни к чему это, Тоуди. Ты и сам знаешь, что все твои песни — это сплошное зазнайство, бахвальство и тщеславие. А все твои речи — это

сплошное самовосхваление и... и... и страшные преувеличения... и...

— И спесь,— добавил Барсук, который любил называть вещи своими именами.

— Всё для твоей же пользы, Тоуди,— продолжал Рэт.— Ты ведь сам понимаешь, что рано или поздно тебе придётся начать новую жизнь, и сейчас для этого самое подходящее время. Что-то вроде поворотного момента в твоей жизни. И пожалуйста, не думай, что тебе труднее всё это выслушать, чем мне произнести.

Тоуд молчал, погружённый в свои мысли. Наконец он поднял голову, и по его лицу можно было сказать, что он пережил глубокое потрясение.

— Вы победили, друзья,— сказал он срывающимся голосом.— Не о многом я вас просил — просто покрасоваться ещё один вечерок, ловить ухом аплодисменты, которые всегда, как мне казалось, пробуждают во мне мои лучшие качества. Однако я знаю, что правы — вы, а не прав — я. С этого времени я буду совершенно другим. Друзья мои, вам никогда больше не придётся за меня краснеть. Я даю вам слово. Но боже мой, боже мой, как мне трудно его давать!

И, прижав платок к глазам, он, шатаясь, вышел из комнаты.

— Барсук,— сказал дядюшка Рэт,— я чувствую себя негодяем. Интересно, а ты?

— Понимаю, понимаю,— сказал дядюшка Барсук мрачно.— Но это надо было сделать. Ему ещё жить и жить здесь, и надо, чтобы его уважали. Ты что, хочешь, чтобы он был всеобщим посмешищем, чтобы его дразнили и над ним глумились всякие горностаи и ласки?

— Нет, конечно,— ответил дядюшка Рэт.— И, кстати, о ласках. Какое счастье, что нам

удалось перехватить ласку, когда она только что отправилась разносить эти его приглашения. Как только ты мне рассказал про утреннее, у меня закралось подозрение, поэтому я взял и поглядел на эти приглашения. Пришлось конфисковать всё. Они просто позорные. Бедный добрый Крот сидит сейчас в синей спальне и заполняет обыкновенные пригласительные билеты.

\* \* \*

Время банкета приближалось. Мистер Тоуд всё ещё сидел в своей спальне, погружённый в задумчивость и меланхолию. Положив голову на лапы, он долго и глубоко размышлял. Постепенно лицо его прояснилось, и он начал улыбаться — медленные и растянутые улыбки сменяли одна другую. Потом он начал хихикать смущённо и самодовольно. Потом он запер дверь, задёрнул шторы, составил все имевшиеся стулья полукругом, встал перед ними в позу, заметно раздувшись и увеличившись в размерах. Потом он поклонился, два раза кашлянул и запел громким голосом перед потрясённой аудиторией, которую он так ясно видел в своём воображении.

### ПОСЛЕДНЯЯ ПЕСНЯ МИСТЕРА ТОУД!

Мистер Тоуд — вернулся — домой!  
Были крики в столовой и паника в зале,  
Были визги в конюшне и вопли на причале,  
Когда Тоуд — вернулся — домой!

Когда Тоуд — вернулся — домой!  
И стёкла летели, и двери ломались,  
Горностаи сбежали, и ласки умчались,  
Когда Тоуд — вернулся — домой!

Трам-та-там — барабаны стучат!  
И трубы трубят и поют,

И солдаты берут «под салют»,  
И пушки палят, и машины гудят,  
Герой — возвратился — назад!  
Все кричите — урра!  
Пусть никто не молчит, пусть громко кричит  
Имя «Тоуд», что так славно и гордо звучит,  
Будем праздновать мы до утра!

Он пел всё это очень громко с большим пылом и, когда допел до конца, начал всё сначала. После этого он издал глубокий вздох. Долгий, долгий, долгий вздох.

Потом он обмакнул головную щётку в кувшин с водой, причесался на прямой пробор, прилизал волосы, отпер дверь и спокойно спустился вниз, чтобы приветствовать гостей, которые к этому времени должны уже были начать собираться в гостиную.

Все звери закричали «Ура!», когда он вошёл, и столпились вокруг него, поздравляя его и восхваляя его ум и боевые качества, но мистер Тоуд только легонько улыбался и бормотал: «Да нет, что вы!» или иногда для разнообразия: «Совсем напротив!»

Дядюшка Выдра, который, когда он вошёл, ораторствовал, стоя на каминном коврике в кругу восхищённых слушателей, и рассказывал, как бы он поступил, если бы присутствовал при битве, кинулся к нему с распростёртыми объятиями и хотел сделать с ним по комнате круг почёта. Но Тоуд легонько отстранился, заметив:

— Нет, Барсук был мозговым центром, Крот и Рэт приняли на себя основной удар, а я просто был рядовым.

Звери были явно ошеломлены таким неожиданным оборотом дела, и Тоуд почувствовал, переходя от группы к группе гостей, что он был предметом острого интереса.

Барсук заказал роскошный и обильный ужин, и банкет необыкновенно удался. Было много разговоров, и смеха, и остроумия. Тоуд, конечно, сидел во главе стола, говоря приятные вещи гостям направо и налево. В промежутках он бросал взгляды на своих друзей и видел, как дядюшка Рэт и дядюшка Барсук глядят друг на друга с открытым от удивления ртом. И это доставляло ему огромное удовлетворение.

Некоторые из гостей, которые были помоложе и полегкомысленнее, стали спустя какое-то время перешёптываться, что, мол, раньше тут бывало веселее, кое-кто стучал кулаком по столу, кричал:

— Тоуд! Спич! Тоуд! Произнеси речь! Песню!

Но Тоуд только легонько качал головой, поднимал лапу, мягко протестуя, и настойчиво угощал гостей деликатесами, беседуя с каждым, задавал вопросы об их детишках, которые ещё не доросли до банкетов, и в конце концов у всех создалось впечатление, что банкет прошёл по всем правилам.

Он был теперь и на самом деле совсем другой, мистер Тоуд!

\* \* \*

После этого события все четверо друзей продолжали жить своей жизнью, так грубо нарушенной «гражданской войной». Они жили в полном веселье и радости, и никакие нашествия их в дальнейшем не тревожили.

Мистер Тоуд, посоветовавшись с друзьями, выбрал золотую цепочку и медальон, отделанный жемчугом, и отправил дочке тюремщика с письмом, которое даже дядюшка Барсук нашёл скромным, благородным и изящным. Машинист уже получил благодарность и компенсацию за все его старания и доставленные ему неприят-

ности. Под сильным нажимом Барсука даже тётка с баржи была разыскана, и ей была вручена стоимость её лошади. Хотя Тоуд страшно этому сопротивлялся, заявив, что он был просто посланцем судьбы, призванным наказывать жирных тёток с мускулистыми руками, которые не умеют узнавать настоящего джентльмена с первого взгляда.

Домашняя экспертиза признала сделку с цыганом приблизительно справедливой.

Время от времени в долгие летние вечера друзья совершали прогулки по Дремучему Лесу, который после усмирения и укрощения был для них теперь не страшен. И было приятно видеть, как почтительно с ними здоровались его обитатели и как матери-ласки выводили своих малышей на порог норы и говорили, показывая:

— Смотри, детка, вон идёт великий мистер Тоуд! А это доблестный мистер Рэт, могучий воин, который идёт рядом с ним. А вон тот — знаменитый мистер Крот, о котором папа тебе столько рассказывал.

Когда детишки капризничали и не слушались, то им говорили, что, если они не успокоятся, страшный серый Барсук придёт, посадит их в мешок и утащит. Это была низкая клевета на Барсука, который по-прежнему, хоть и сторонился общества, от души любил маленьких детишек. Но эти угрозы всегда действовали безотказно.



## ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Знаменитый английский писатель Кеннет Грэм родился в 1859 году, а его замечательное произведение «Ветер в ивах» впервые было опубликовано в 1908-м. К тому времени он уже написал две книги для взрослых. Они имели успех, хотя и удивляли его сослуживцев. Грэм служил в банке, репутация его была высока, он считался чиновником в высшей степени аккуратным, дисциплинированным и ответственным. А тут книги — лиричные, мягкие, поэтические.

Когда вышла в свет сказочная повесть «Ветер в ивах», многие поклонники его таланта были разочарованы. Книга для детей, да ещё про разных зверушек! И никто из них тогда не догадался, что больше всего именно этой книжке писатель будет обязан всемирной славой. Её читают миллионы детей на самых разных языках, в самых разных странах. Как-то так случилось, что к русским детям она пришла только восемьдесят лет спустя. Трудно объяснить, почему, столь широко известная в мире, она осталась незамеченной русскими переводчиками.

Должна признаться, что и я взялась за её перевод далеко не сразу. Мне эту книгу на английском языке подарили в Обществе культурных связей Британия — СССР еще в 1979 году, и я всё ходила вокруг да около, не решаясь взяться за перевод. Язык этой сказочной повести столь прекрасен, ароматен и богат, что я всё боялась испортить. Почти десять лет потребовалось на раздумья...

Как родилась у автора эта книга? Кеннет Грэм сначала просто рассказывал сказку своему сыну Алистеру, а потом, когда Алистер уехал на каникулы, посылал ему продолжение в письмах. Интересно, что многие знаменитые книги так и рождались на свет. Всемирно известная сказка Кэрролла «Алиса в стране чудес» первоначально была рассказана трём сестричкам: Лорине, Матильде и Элис Лидделл. Элис была его любимицей. Алиса — так звучит её имя по-русски. А сказки из «Книги Джунглей»? Киплинг ведь начал сочинять и записывать их для своей дочери Эффи.

«Ветер в ивах», безусловно, сказка — ведь звери в ней действуют как люди. Но вам не показалось, что в этом-то и таится её убедительность и реальность, именно потому, что они как люди?

Главные герои книги — Крот, дядюшка Рэт, Барсук, мистер Тоуд...

Дядюшка Рэт — водяная крыса. Перевести его имя точно не удаётся. Во-первых, в русском языке крыса — женского рода. А ведь у этого героя, как вы заметили, очень мужской характер. Во-вторых, на слово «водяная» мало кто обратит внимание, акцент наверняка будет поставлен на слово «крыса» и тут же вызовет весьма неприятные ассоциации, вспомним хотя бы расхожую поговорку о крысах, бегущих с тонущего корабля. Но неприятных ассоциаций ни в коем случае допустить нельзя, ведь дядюшка Рэт — существо доброе, благородное, симпатичное.

Крот и Барсук сомнений не вызывают.

А вот дальше — несносный мистер Тоуд. Тоуд переводится на русский как жаба. Опять женский род. Женское имя совсем ему не к лицу! Вот так и получился мистер Тоуд.

Книга «Ветер в ивах» полна всяческих событий и приключений, но основной её фон — тонкая лирическая поэзия, которая пронизывает всё повествование. Вы, наверное, ощутили её с первых же строк. «Весна парила в воздухе и бродила по земле, проникая каким-то образом в его (Крота) запрятанный в глубине земли домик, заражая его неясным стремлением отправиться куда-то, смутным желанием достичь чего-то, неизвестно чего». Правда, это похоже на стихотворение в прозе?

А разве, когда вы видели, как всходит луна, вы не испытывали этого волнения, поэтического подъёма, именно такого, как описано у Грэма: «Линия горизонта была ясна и тверда, а в одном месте вдруг прорисовалась и вовсе чёрным на фоне фосфорического сияния, которое всё разгоралось и разгоралось. Наконец над краем замершей в ожидании земли поднялась луна, медленно и величественно, и покачулась над горизонтом, и поплыла, словно отбросив якорный канат, и снова стали видимы поверхности, широко раскинувшиеся луга, спокойные сады и сама река — от берега до берега, всё мягко себя обнаружило, всё избавилось от таинственности и страха, всё осветилось не как днём, а совсем, совсем иначе». Какая тонкая поэзия! Если, увлечённые сюжетом, вы невнимательно пробежали эти описания в книге, прошу вас, вернитесь к ним, насладитесь их поэзией и музыкой!

Я почти уверена, что, когда вы читали книгу, у вас возникло чувство, точно её герои — ваши давние и добрые знакомые.

Крот — наивный добряк, который не так уж много видел в своей подземной жизни. Поэтому он на всё смотрит с радостным удивлением, и душа его отзывается на всё доброе, и умеет он быть хорошим товарищем. Как заботливо и нежно выхаживает он своего друга, когда тот вдруг неожиданно заболевает «бродяжьей болезнью», как самоотверженно борется с ласками и хорьками, помогая мистеру Тоуд отвоевать его родовой дом! А дядюшка Рэт! Он поэт. Когда выдаётся минуточка, он сочиняет стихи. А как он любит реку, возле которой постоянно живёт.

А уж в доброте-то он не уступает Кроту.

Как сейчас нужно нам такое соприкосновение с истинной добротой! Она омывает человеческую душу, будто весенний дождь, и располагает её к доброте ответной. Дядюшка Рэт любит доставлять другим радость. Когда нужно, самоотверженно и не рассуждая бросается на помощь. Он забывает себя. А забывать себя ради других — это и есть доброта истинная. Он никого не судит. Даже если и видит чужие недостатки, то умеет их добродушно прощать.

А нелюдимый и замкнутый дядюшка Барсук! Он добр даже по отношению к такому безобразнику, как мистер Тоуд.

Истинная доброта, светлая любовь разлиты по всей книге. И ни одного назидания! Ни одного поучения! Читая сказку «Ветер в ивах», дышишь добротой, как свежим воздухом, не задумываясь над тем, что он питает тебя кислородом и что благодаря ему ты живёшь.

Первым заметил и оценил эту прекрасную книгу знаменитый создатель Винни Пуха А. А. Милн. Милн писал в своём эссе, посвящённом Кеннету Грэму: «Из года в год я всё толковал об этой книге, цитировал её, рекомендовал её всем. Иногда мне начинало казаться, что я сам её написал».

И дальше: «Можно спорить о достоинстве большинства книг, и в споре даже иногда соглашаться с оппонентом, и даже прийти к заключению, что, может быть, он в конце концов и прав. Но о достоинствах «Ветра в ивах» спорить не надо. Это книга необходимая в хозяйстве, домашняя книга. Книга, которую все в доме любят и всё время цитируют, книга, которую читают вслух гостю и тем самым проверяют, чего он стоит. И я должен предупредить вас: когда вы приметесь её читать, не будьте смешными и не думайте, что вы будете судить мой вкус или искусство Кеннета Грэма. Вы будете судить самих себя. Вы можете оказаться достойными. Я не знаю».

Уверена, что читатели оказались достойными этой книги. Её нельзя не полюбить!

*Ирина Токмакова*



## ОГЛАВЛЕНИЕ

1. На речном берегу . . . . .	1
2. На широкой дороге . . . . .	23
3. Дремучий Лес . . . . .	45
4. Дядюшка Барсук . . . . .	65
5. Добрый старый дом . . . . .	85
6. Мистер Тоуд . . . . .	109
7. Свирель у порога зари . . . . .	131
8. Приключения мистера Тоуд . . . . .	149
9. Путниками становятся все . . . . .	171
10. Дальнейшие приключения мистера Тоуд . . . . .	197
11. «Как летний ливень — слёз поток» . . . . .	223
12. Возвращение Одиссея . . . . .	249
От переводчика . . . . .	270

Грэм Кеннет

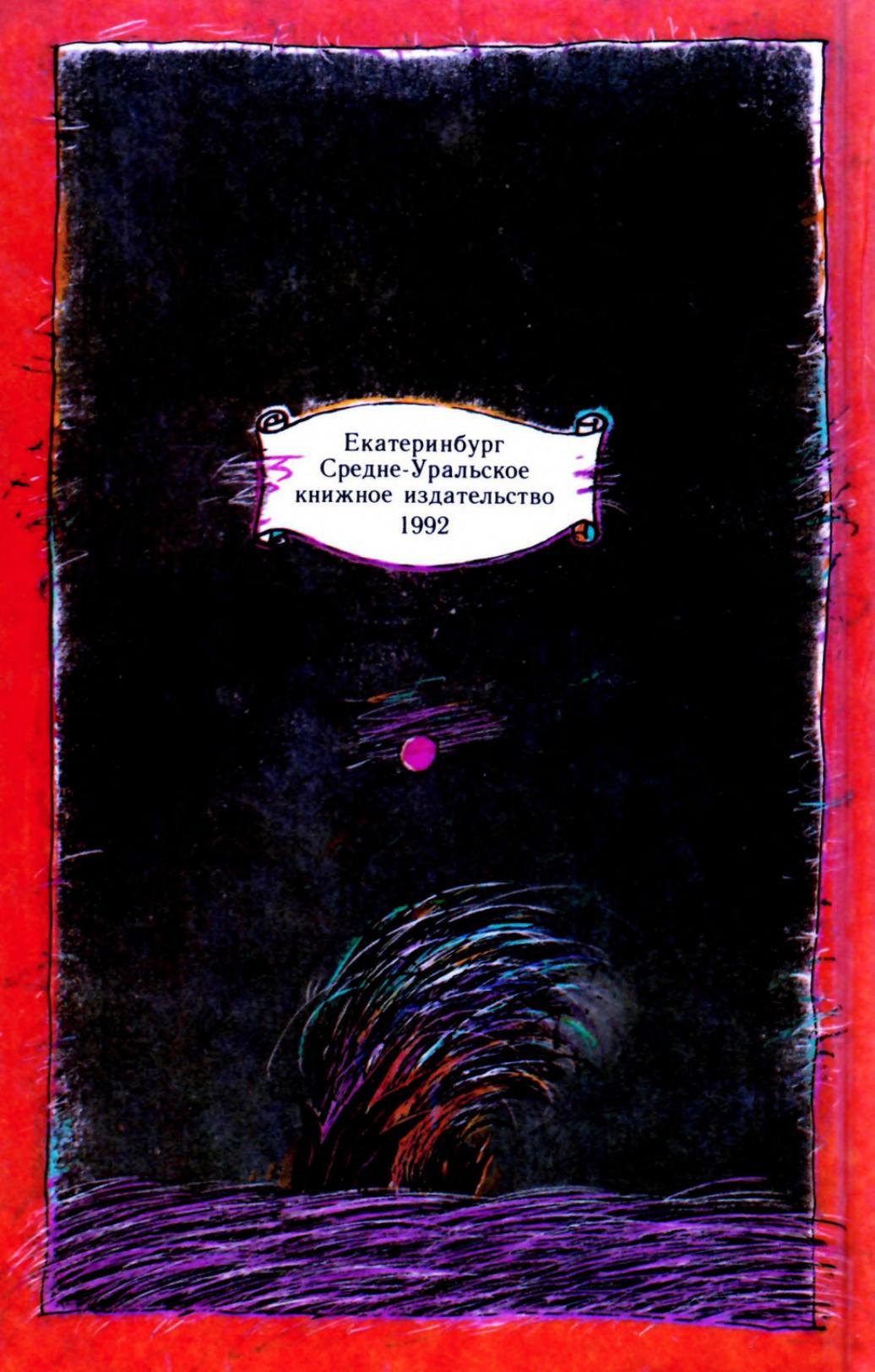
### ВЕТЕР В ИВАХ

Редактор Е. Черняк  
Художник В. Зуев

Художественный редактор М. Кошелева  
Технический редактор Л. Голобокова  
Корректоры М. Худякова, Т. Калугина

ИБ № 2153

Сдано в набор 20.02.92. Подписано в печать 28.05.92. Формат 84×108<sup>1</sup>/<sub>32</sub>. Бумага типографская № 2. Гарнитура литературная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 15,1. Усл. кр.-отт. 19,2. Уч.-изд. л. 12,5. Тираж 150 000 экз. (1-й завод: 1—100 000 экз.). Заказ 63. С 33. Средне-Уральское книжное издательство, 620219, Екатеринбург, ГСП-351, Малышева, 24. Типография издательства «Уральский рабочий», 620219, Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.



Екатеринбург  
Средне-Уральское  
книжное издательство  
1992